

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
Иркутский государственный университет имени А.А.Жданова

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Межвузовский сборник

Выпуск 4

Иркутск
1978

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Иркутского государственного университета имени А.А.Жукова

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук М.П.Аксенов, канд. ист. наук Г.И.Медведев,
канд. ист. наук В.В.Свилягин, канд. гор. наук В.Ф.Сергеева,
канд. геол.-минералог. наук А.С.Видраховский, И.Л.Левченко

Ответственный редактор - М.П.Аксенов
Ответственный за выпуск - И.Л.Левченко

ПРЕДИСЛОВИЕ

В новой публикации материалов по археологии и этнографии Восточной Сибири представлены практически все основные археологические эпохи. Сведения по ископаемым древностям дополнены результатами исследований по этнографии эвенков. Это обеспечивает хронологическую связность публикуемого материала. В целом сборник во всем своем объеме вводит в оборот новый фактический материал.

Статьи Г.И.Медведева, С.В.Алаева, А.А.Сохадькокого "О топографии равнинпалеолитических местонахождений на высоких террасах южного Приангарья" и М.П.Аксенова, М.В.Шунькова "Новое в палеолите верхней Лены" посвящены проблемам раннепалеолитического человека в Северной Азии. Помимо анализа нового фактического материала по археологии здесь рассматриваются вопросы методики полевых исследований, оцениваются возможности геологии и палеоботаники в датировании древнейших памятников человеческой истории.

Археологии Западного и Северного Байкала посвящены статьи П.Е.Шмыгуна, А.С.Ендряхинского "Курлинский бескерамический комплекс на Байкале" и О.И.Горновой "Рядные комплексы многослойного поселения Итархей". Это новые объекты исследования, открывающие значительно более древние отдели истории освоения человеком сибирского "моря-озера", чем это представлялось ранее.

И.Д.Лехинко представил в сборник материалы стоянки Верхленская Гора II, ожидаемые специалистами уже более десятилетия. Этот памятник впервые подвергается взгляду на страницах научной печати.

Статья А.М.Георгиевского, В.С.Зубова, О.А.Роговского посвящена первой разведке в зоне Усть-Илимского водохранилища. Погибший во время экспедиционных работ на р.Илим в 1974 г. Александр Михайлович Георгиевский готовил историографическую сводку для исследования долины р.Илима в связи со строительством ГЭС. Его коллеги - сотрудник лаборатории археологии Иркутского государственного университета В.С.Зубов и участник первой разведки О.А.Роговской подготовили черновой вариант статьи А.М.Георгиевского к печати. Материалы публикуются впервые.

Частному, но важному вопросу сибирской археологии посвящена краткая статья Г.И.Медведева "Некоторые замечания об эволюции форм наконечников гарпунов в мезолите, неолите и энеолите Приангарья". Статья вновь поднимает вопрос о хронологии и локальных различиях индустрий каменного века и палеометалла в Восточной Сибири.

Веку металла посвящены статьи Н.Ф.Сергеевой, Ю.С.Худякова, И.И.Кириллова, Е.В.Ковычева, И.В.Асеева, С.А.Зубова, рассматривающие самые различные аспекты анализа и характеристик материальной культуры древнейших кочевников Северной Азии.

Статьи М.Г.Турова "К вопросу о религиозных воззрениях эвенков Ангаро-Чунского водораздела" и А.И.Арбатского "Некоторые данные о религиозных пережитках вѣтимских эвенков" содержат новые материалы полевых наблюдений, часть из которых до сего времени оставалась неизвестной.

Сборник завершает реферат статьи канадского археолога Ч.Бордена "Позднеплейстоценовая индустрия галечных орудий юго-запада Британской Колумбия", в котором авторы - С.Н.Алаев и Ю.С.Пархоменко - рассматривают предложенные Ч.Борденом типы и номенклатуру древних изделий из речных галек. Реферат интересен для археологов палеолитоведов, изучающих проблемы древнейших индустрий на территории Северной Азии, Америки, Японии.

Редакционная коллегия

Г.И. Медведев, С.Н. Алаев,
А.А. Сокальский

О ТОПОГРАФИИ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ
НА ВЫСОКИХ ТЕРРАСАХ ЛЕВОВОГО ПРИАНГАРЬЯ

В настоящей статье излагаются результаты работ по картированию и возможной локализации в оставленных тополиных эродированных кварцитовых артефактов, собранных с поверхности горы Главной, одной из высот ангарского правобережья.

Работы проводились в 1973 г. и носили пробный характер. Основной задачей являлась инструментальная крупномасштабная съемка местонахождения с наложением реперной сетки. Сбор и привязка археологического материала проводилась попутно. Тем не менее, результаты работ представляют определенный интерес, и мы считаем возможным их опубликовать.

Гора Главная является первой в серии ангарских правобережных высот, где в 1869 г. были обнаружены древние изделия из кварцита (Медведев, 1975 б). Последующий регулярный осмотр местонахождения в 1970-1973 гг. позволил не только собрать значительную коллекцию материала, но и отметить, даже без специального топографического обеспечения, тенденцию к распределению предметов по локальным участкам с различной концентрацией и различным набором изделий. Топопривязке лишь откорректировала и уяснила данные визуальных наблюдений.

Местонахождение Гора Главная находится в 112 км ниже г. Иркутска по течению р. Ангары на левом берегу, между высотами Дзюга и Бялушкина.

Юго-юго-западный склон горы, выполняющий одновременно участок ангарской долины, имеет фронтальную протяженность 1000 м и поднят над речным урезом на 90-100 м. Северо-западный склон горы выполнен левым бортом пади Черемуховый ручей, юго-восточный - правым бортом пади Глиняная.

Территория поверхности горы, обитаемая в древности, ныне распаханная и определенная по крайним находкам эродированных предметов из кварцита, может быть представлена в виде четырехугольника площадью около 130 000 м². В эту площадь входят составной частью такие детали рельефа, надо полагать древнего, как локальная высотка около 5 м на западе, вершина северо-западного лога, вершина юго-восточного лога, седловина между логами и часть поверхности на востоке горы, полого поднимающаяся и постепенно выходящая на 150-200-метровые отметки (рис. I).

К отмеченным формам рельефа привязаны 5 пунктов локализации археологического материала, оцифровка которых соответствует последовательности их обнаружения и фиксации (рис. I).

П у н к т I (Г о р а Г л и н я н а я - I) фактически соответствует геоморфологическому понятию гора Глиняная и археологическому местонахождению на ней в момент открытия. Территория площади распространения находок (примерно 300x100 м) совпадает с высоткой, высшая точка которой поднята над Ангарой на 100 м. Сама высотка и площадь фиксации находок вытянута с ЮВ на СЗ (А-295⁰).

П у н к т 2 (Г о р а Г л и н я н а я - II) был отмечен одновременно с первым. Он дислоцирован на самой восточной окраине относительно плоской поверхности вершины горы в месте плавного подъема на вышележащее плато. Возможно, нами зафиксирована лишь самая юго-западная часть самостоятельного обширного комплекса, а не восточная периферия уже известной совокупности пунктов, как мы сейчас ее рассматриваем, исходя из очень малого числа находок.

П у н к т 3 (Г о р а Г л и н я н а я - III) локализован в зоне привершинной части северо-западного лога и северной окраины седловины, собственно, на контакте указанных форм рельефа. Контур зафиксированного пятна рассеивания находок близок к овалу, вытянутому с юга на север, и повторяет контур привершинной ложбины лога в зоне его выполаживания.

П у н к т 4 (Г о р а Г л и н я н а я - IV) занимает наиболее горизонтальную площадку на горе, в 50-60 м на юго-

восток от пункта 3. Практически, это центр седловины с некоторым смещением к юго-восточному склону и логу той же экспозиции. Площадь распространения находок по контуру близка к окружности и имеет диаметр 50-60 м.

Пункт 5 (Г о р а Г л и н я н а я - У) лежит на юго-запад от пункта 5 и отделен от него "пустым" пространством в 30-40 м. Фактически, он находится на контакте седловины и юго-восточного лога горы. В общем плане его было бы логично считать периферией первого местонахождения, но между ними такая же зона без находок, что и между пунктами 4 и 5.

Общее количество обработанного кварцита, собранного на поверхности горы Глиняной, составляет 289 единиц и распределено между пятью пунктами локализации в следующем порядке: пункт I - 118 предметов; пункт 4 - 86; пункт 3 - 55; пункт 5 - 26; пункт 2 - 4.

В наиболее многочисленной коллекции пункта I основное место занимают нуклеусы, которых здесь 45. Они относятся к двум типам: "леваллуа-овальный" (рис.2,3) и "леваллуа-четырёхугольный" (рис.4,5), описанным в отдельных статьях (Медведев, 1973; Медведев, 1975 б). Группой в 5 изделий представлены скребла и их фрагменты, выполненные на отщепе. Четыре предмета отнесены к категории острокопечников (рис.6). Один предмет условно обозначен нами как чоппер из отщепа; 27 экземпляров составляют набор отщепов, в составе которого представлены образцы с четкой морфологией продукции радиального расщепления (рис.7); 36 разнохарактерных отщепов несут следы эпизодической утилизации. Остальное количество предметов составляют случайные осколки и оббитые куски кварцита.

В общем ансамбле артефактов пункта 4 типологическая сортировка другая. Самый большой процент составляют скребла (рис.8, 9, 10) - 15 экз. и отщепы с выраженными следами утилизации (26 экз.). Четких нуклеидных форм нет здесь совершенно. Недиагностичные оббитые куски кварцита, которые с той или иной степенью уверенности можно было бы отнести к "нуклеидным" только лишь для статистического учета, составляют группу в 12 предметов. В количестве 10 экз. представлены отщепы-ваготовки специального снятия; 3 единицы - обломки изделий. Разного рода аморфные отходы, продукты оббивки насчитывают 15 предметов.

Очень своеобразный ансамбль составляют 54 предмета из пункта 3, где группы изделий представлены "мальми сериями": 5 нуклеусов класса "леваллуа-четырёхугольных" моно- и полифронтон (рис.11); 4 поперечных скребла из отщепов (рис.12) и одно продольное скребло (рис.13); 18 отщепов со следами утилизации; чоппер из гальки кварцита (рис.14); 7 отщепов-заготовок специального снятия; 13 осколков и кусков битого кварцита.

В пункте 5 лишь одно (рис.15 - 3) скребло и один плоскофронтальный (рис.16) нуклеус. Три предмета можно назвать "нуклевидными изделиями", но не более. Двумя экземплярами представлена группа пластин (рис.15 - 1,2); 7 отщепов были утилизированы и один несет ретушь целевого назначения. Единично в ансамбле присутствует чоппер. Остальной набор представлен техническими отходами.

Пункт 2 дал один классический образец нуклеуса "леваллуа-овального" (рис.17), одно скребло (рис.18) и два обломка кварцита. Подобное распределение древних изделий вряд ли является случайным или обусловленным неоднозначными сборами.

Пункты 1 и 4 по общему объему ансамблей близки. Более того, площадь рассеивания находок в пункте 4 вдвое меньше и, таким образом, относительная концентрация их здесь значительно выше.

Таким образом, либо мы имеем различные самостоятельные хронологические дислокации, либо эти дислокации являются одновременно и тогда отражают согласование различных оторсов жизнедеятельности одного коллектива древнепалеолитических людей с определенными формами палеорельефа.

Восстановление каких-либо деталей режима обитания исследуемой территории Горы Глиняной более чем затруднительно. Можно лишь высказывать гипотетическое суждение о том, что запад-северо-запад горы, особенно в районе вершинки, всегда подвергался интенсивным процессам эрозии и, стало быть, здесь была постоянно вскрыта кровля юрских галечников, где древнейшие обитатели окрестностей Горы Глиняной находили необходимый материал для производства орудий. Видимо, здесь же происходил весь цикл процесса расщепления, чем и объясняется наличие в сборах с Горы Глиняной I подавляющей массы нуклеусов и предуктов скалывания всех генераций.

Пункт 4, возможно, был жилой площадкой, которая могла относительно мигрировать в сторону пунктов 3 и 5.

Надо надеяться, что продолжение работ на Горе Глиняной и проведение аналогичных работ на соседних высотах позволяет обнаружить новые конкретные факты в поддержку или же в изменение изложенного предположения.

В попытке решения геохронологической привязки момента обитания мы можем ориентироваться лишь на весьма косвенные показатели (Медведев, 1975 б), позволяющие рассматривать этот вопрос в слишком широком аспекте: от неясной нижней границы вплоть до начала Зрянского (Вюрм I) оледенения (Цейтлин, 1975). Характеристика уровня развития материальной культуры пока складывается лишь из анализа техник расщепления и утилитарной обработки заготовок.

В системе расщепления мы видим относительную стабильность. Формы нуклеусов дают нам две вариации субпараллельного принципа скалывания. В предшествующих статьях (Медведев, Михнюк, Лежненко, 1974; Медведев, 1975 а), как и в настоящей, мы пытались дать им определенные наименования ("леваллуа-овальный", "четырёхугольный", "треугольный" монофронт, бифронт и т.д.). Термины, за исключением терминов, определяющих положение, количество фронтов и дислокацию площадок, вряд ли являются удачными, поэтому мы не считаем их окончательно утвержденными за конкретными формами, да и сама по себе проблема эта пока не столь важна. Гораздо интереснее отметить другие детали.

Если мы примем за установленный факт примерную одновременность всех собранных артефактов, то в таком случае отмеченное выше подразделение суммарной группы нуклеусов на две серии: "овальные" (или "пирамидальные") и "четырёхугольные" (или "плоские") приобретает реальное право на существование. И тогда есть основание высказать предположение о генетической связи между этими группами в последовательном ряду технической эволюции.

Ярко выраженная "пирамидальность" фронта и контрфронта нуклеусов первой группы, с практически совмещенными экстремальными точками в профиле и сечении артефактов, что обусловлено исключительно системой радиальных подготовительных (иногда самостоятельных?) сколов, практически исчезает во второй группе. Но такой признак оформления как радиальная обивка все еще сохраняется, хотя и становится чрезвычайно вариабельным.

Продукты производства во всех этих случаях представлены в основном отщепами. Большинство из них являются подготовительными - техническими - снятиями. В категорию образцов с четкой морфологией радиального принципа расщепления входят отщепы с выраженными фасетированными, куполовидными ударными площадками, дорсалы которых несут на себе негативы снятий, несомненно радиальной ориентации. Разновидностью их являются отщепы с "плечиками". Контур проксимального конца этих отщепов имеет выраженные "плечики" в месте контакта маргинальной линии с крайними точками сечения площадки. Описанные продукты расщепления можно именовать "заготовками", т.е., конечным результатом технического приема радиального скалывания, дававшего древнему мастеру скол с "черепаховидным" дорсалом - субстрат для изделий.

Последняя группа "отщепов-заготовок" является продуктом контактного варианта эволюции техники расщепления: от радиального принципа к субпараллельному. В этом же плане показательным является процесс "утраты" традиционной "обязательности" радиальной обработки контрфронта, выразившейся одновременно и в резком понижении величины показателя "пирамидальности" и в увеличении площади неподготовленной поверхности "преформ" фронта и контрфронта.

Так называемый "первобытный рационализм", движимый потребностями производства удлиненных заготовок, выразился в данном случае в ограничении протяженности рабочей кромки площадки до узкого участка на одном из полярных концов заготовки (расколотой гальки). В таком случае боковая подработка и оформление контрфронта ретушью по периметру остались не более как данью традиции. Видно, меняется и сам принцип "рабочей ротации" нуклеуса: вертикальная (диагональная?) ротация нуклеуса сменяется горизонтальной, хорошим свидетельством чему может служить полифронтальный биполярный нуклеус из пункта 3 (рис. II). Ис вопрос о смене "рабочих ротаций" слишком специален, неразработан и требует особого исследования и описания.

Таким образом, можно было бы рассматривать две группы нуклеусов как хронологически различные комплексы в эволюционной последовательности, но отмеченная типологическая сортировка по пунктам и трудность дифференциации степени выветрелости изделий, видимо, не предполагают сколь-либо серьезного временного разрыва между обеими группами.

Фронтально уплощенные формы кварцитовых нуклеусов различных контуров в данных ансамблях, конечно, должны являть собой оптимально-прогрессивную группу. Что же касается "овальных" (или лучше "пирамидальных") нуклеусов, то они должны были существовать одновременно в инвентаре на правах полной производственной необходимости, поскольку обслуживали основные потребности древних охотников в крупных заготовках для скребел и острокопечников. Основная масса скребел изготовлена из отщепов различных генераций. Почти все скребла относятся к категории поперечных (рис. 8, 9, 10, 12). Общим для всех них является характер обработки: унифасная, разнофасеточная, крутая, ударная ретушь, нанесенная по дорсальному фасу. Дополнительная подработка лезвия почти не встречается. Все острокопечники имеют в качестве заготовок специально подготовленный скол-отщеп (рис. 6) с нуклеуса, оформленного в радиальной технике.

В целом, если мы признаем относительную одновременность всех пунктов, характеристики каменного инвентаря Горы Глиняной складываются из следующих признаков:

1. Доминирование техники "отщепа-заготовки" при наличии уже существовавшей системы пластинчатых снятий субпараллельного принципа, что нашло свое отражение в существовании двух групп нуклеусов и двух типов заготовок;
2. Относительная бедность ассортимента орудий труда, включающего малочисленные острокопечники, чоперы и достаточно обильную индустрию скребел и скобящих инструментов;
3. Широкое применение в работе отщепов и осколков без предварительной их подготовки;
4. Относительная примитивность вторичной (утилитарной) обработки, представленной в большинстве случаев короткой, разнофасеточной ударной ретушью, оформляющей неровные рабочие края.

Проблему определения ансамбля "бифасным" или "унифасным" мы оставляем открытой, поскольку нет критериев "бифасности" или "унифасности", в то время как оба типа обработки каменных изделий существовали совместно всегда, никогда не исчезали и не появлялись вновь, лишь модифицируясь по признакам производственной направленности, целесообразности и степени применения.

По вопросу о присвоении наименований комплексу артефактов на Горе Глиняной и аналогичных ей местонахождениях мы занимаем вполне определенную позицию: перед нами явно раннепалеолит-

ческий ансамбль и по географическому признаку его можно именовать "южноангарским". Предложенный А.П.Окладниковым термин "кварцевый палеолит" (1975), возникший на основе анализа весьма невыразительных сборов кварцитового субстрата с плато Орсо, необходимо отвергнуть как методологически неверный, сводящий к нулю всякое представление об "историзме" в археологии. Если мы говорим "палеолит", то понимаем под этим термином либо технологию, выраженную в соответствующих единицах морфологии вне зависимости от субстрата, либо, если позволяет фактический материал, пытаемся дать характеристику элементов жизни самого общества, которая не может, конечно, основываться на показателях петрографии.

Опыт первых шагов в разработке методов "дешифровки" древнейших местонахождений каменного века "открытого типа" не только показывает перспективные возможности в этом направлении (Коробков, 1965), но, как нам представляется, ставит обязательным условием выполнение инструментальной топопривязки артефактов в каждом отдельном случае. Прежде всего это вызывается требованиями научной фиксации и аналитических операций, хотя в наименьшей степени здесь затрагиваются и вопросы достоверности комплекса, что, как показывают события последних лет (Гуслипер, 1976), бывает иногда весьма важно подтвердить.

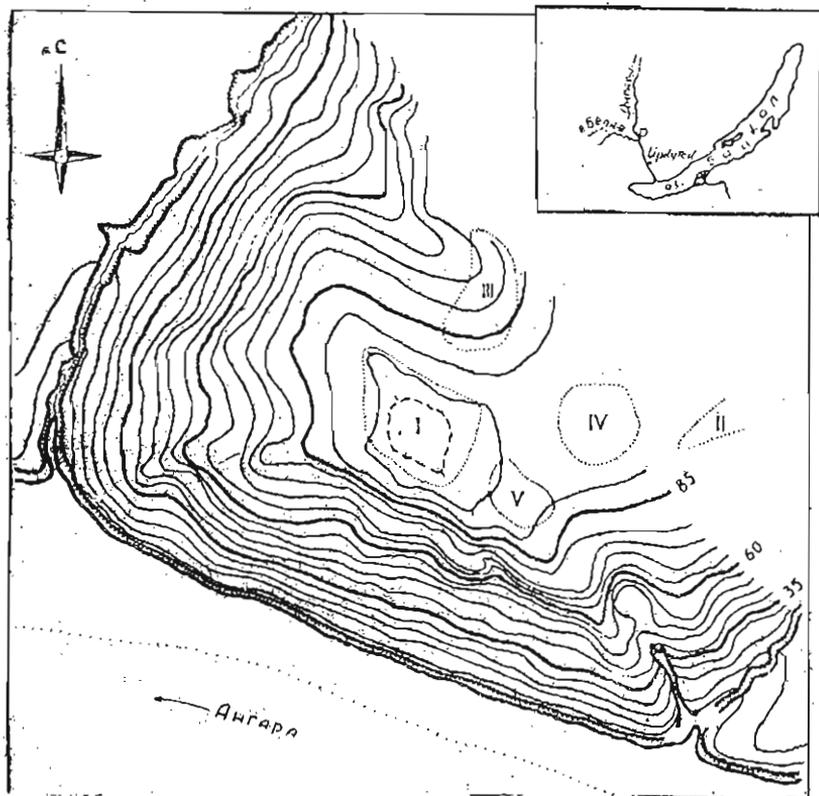

Рис. I. Географическое положение и топография местонахождения палеолитической культуры на Горе Глазновья

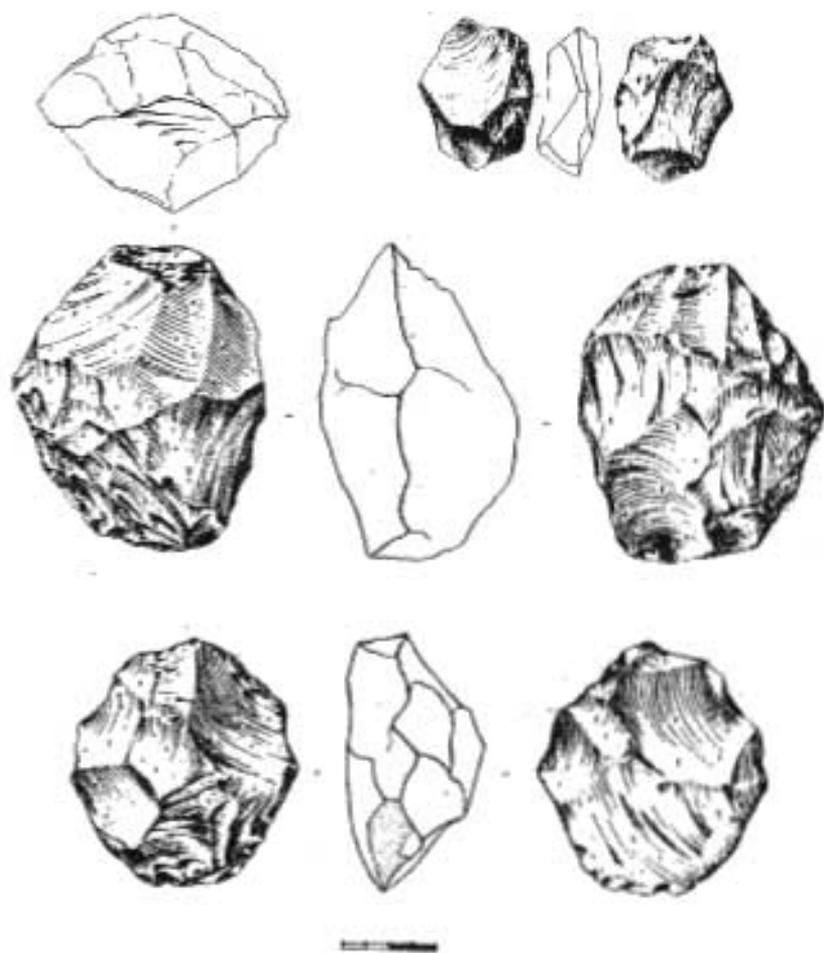

Рис.2. Горн Глинища I. Нуклеусы "летящая-область"

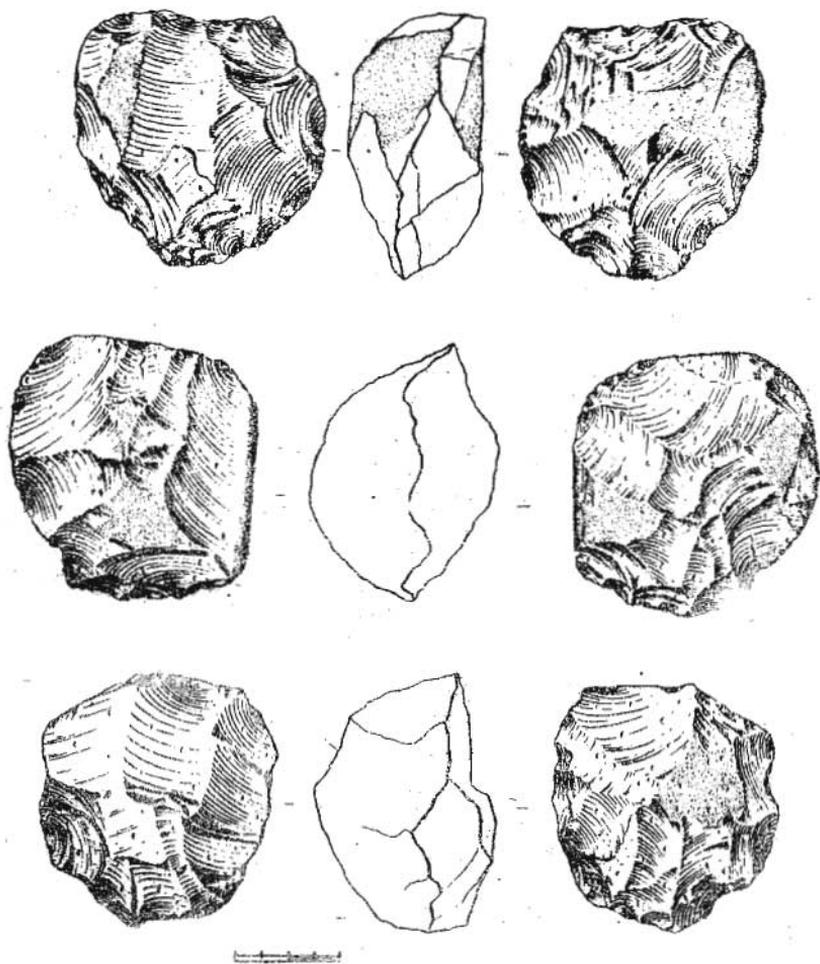

Рис. 3. Гора Глиняная I. Нуклеусы "леваллуа-овальные"

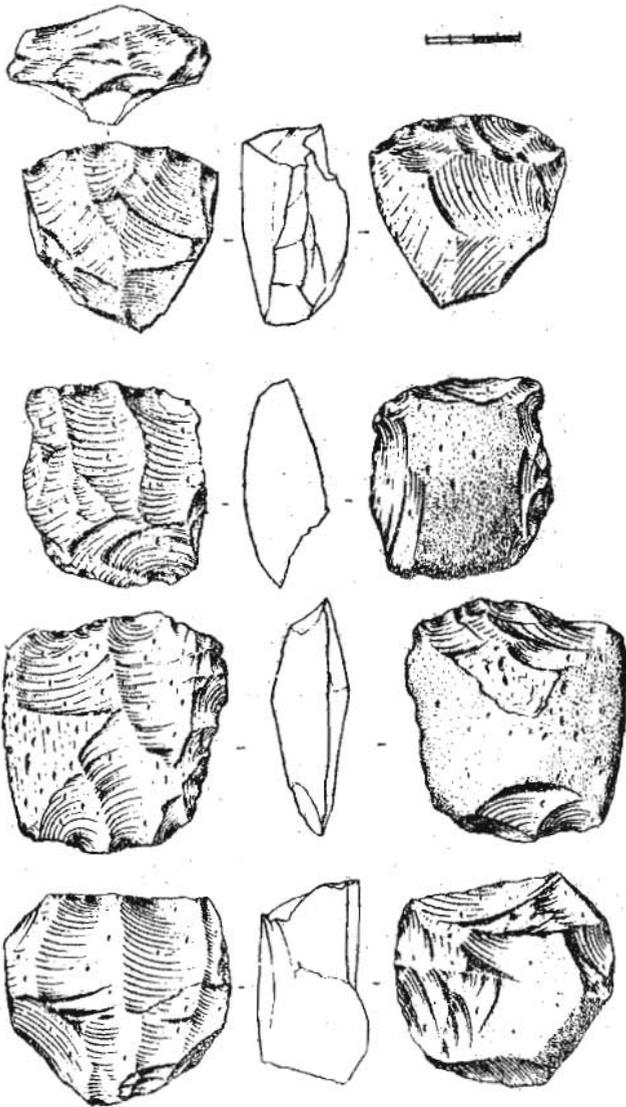

Рис.4. Гора Елинина: 1. Кристаллы "тетраэдр-четырёхгольце"

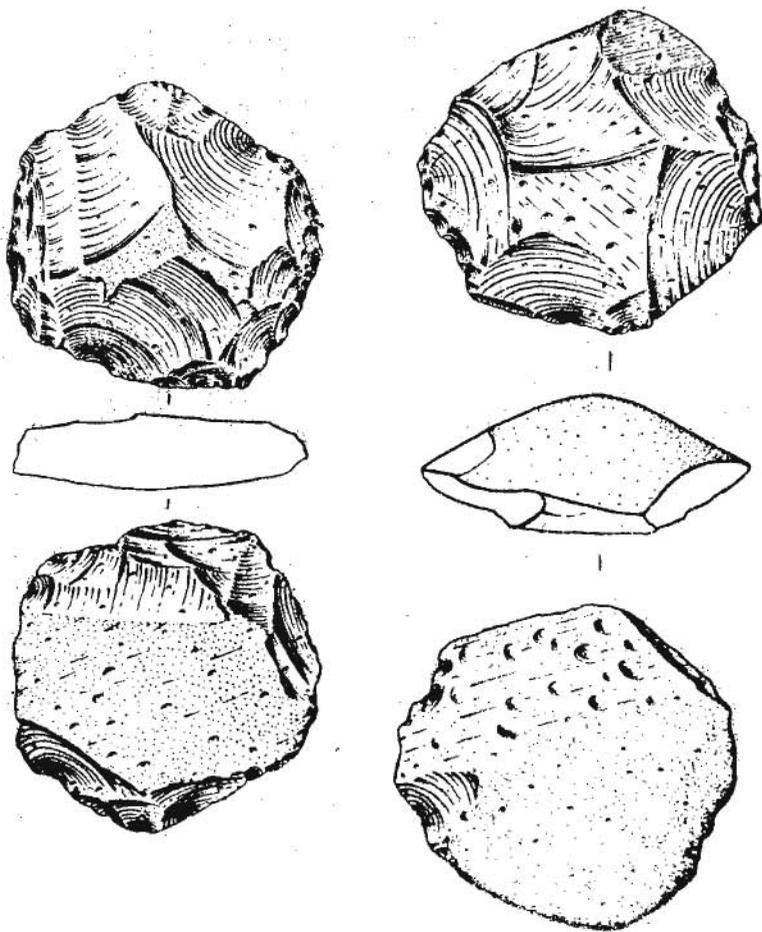

Рис. 5. Горя Глиняная I. Нуклеус "леваллуа-
четырёхугольные" (преформа)

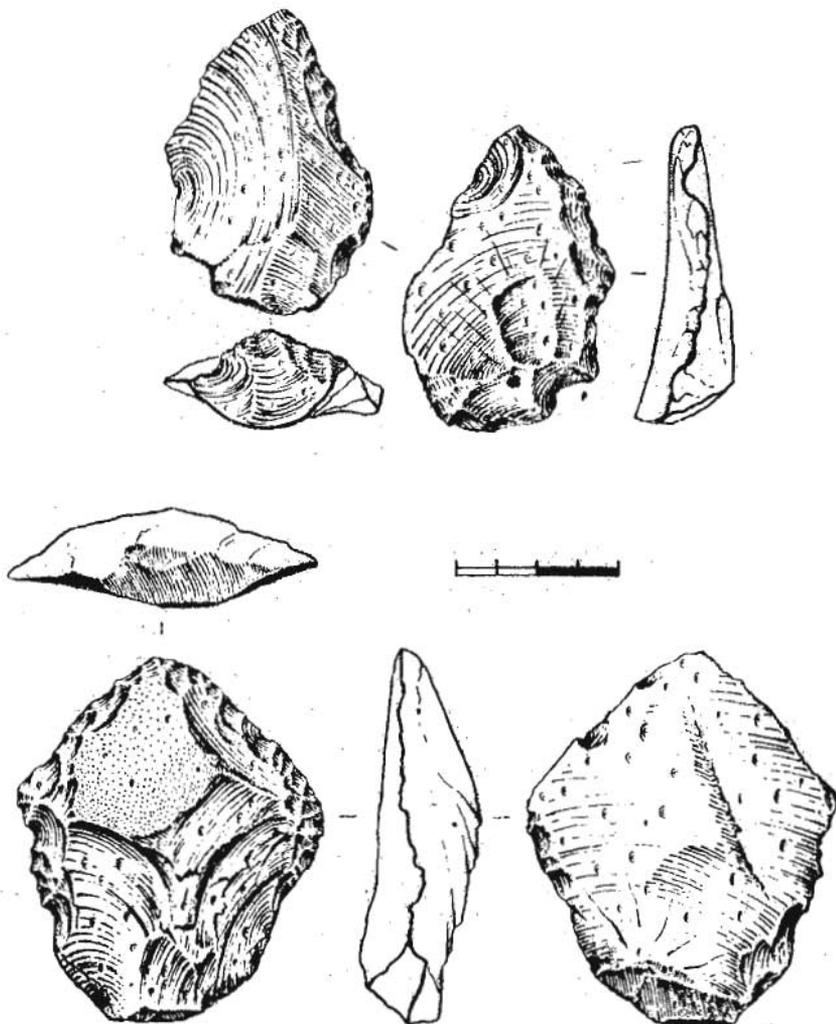

Рис.6. Гора Глиняная I. Остроконечники из отщепов

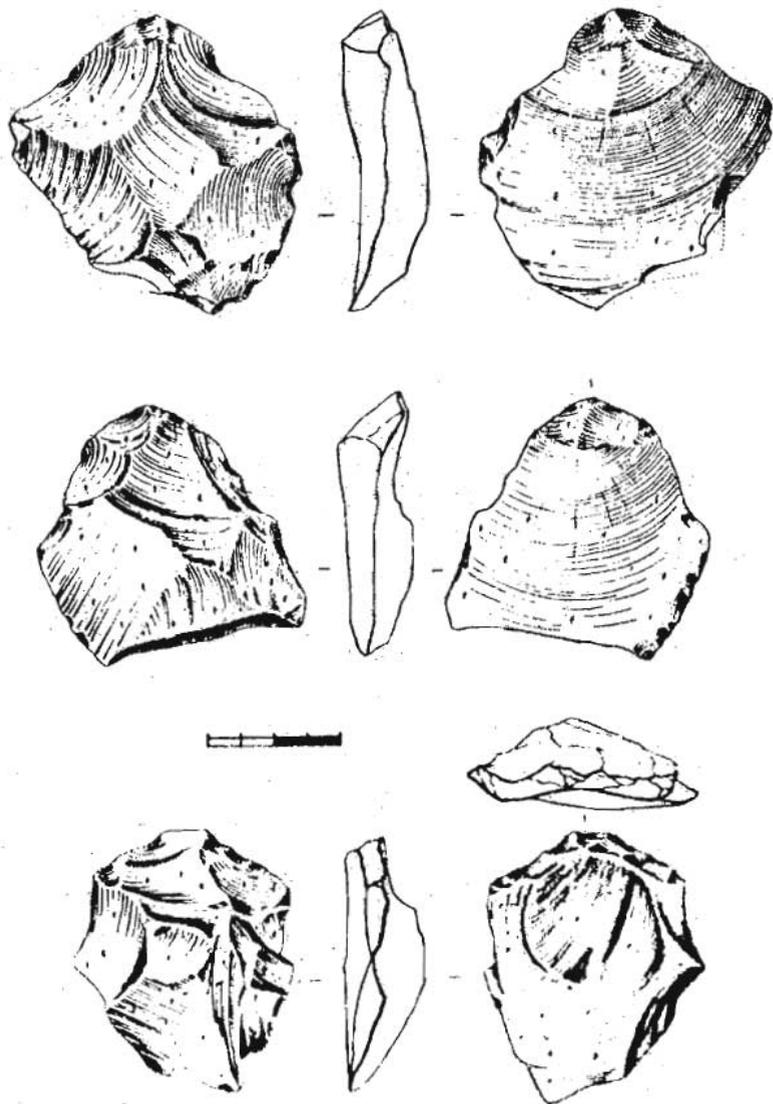

Рис. 7. Гора Глазина I. Стелы

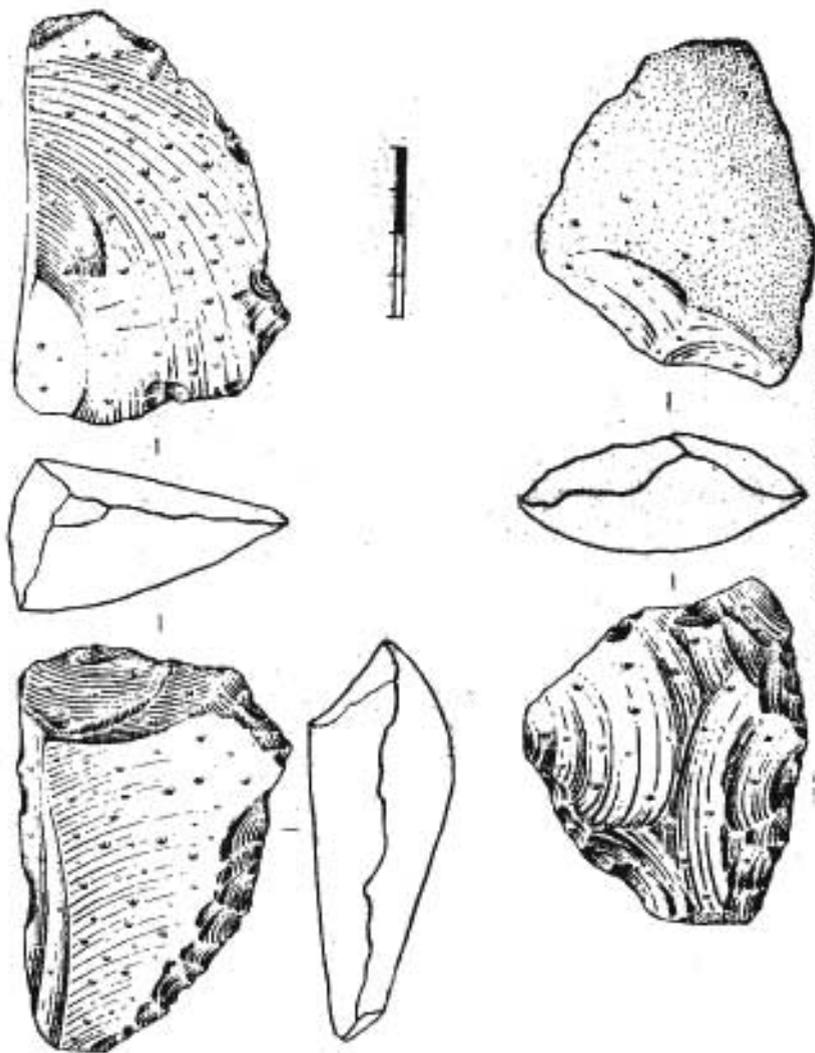

FIG. 8. *Iopa izumskaya* sp. nov.

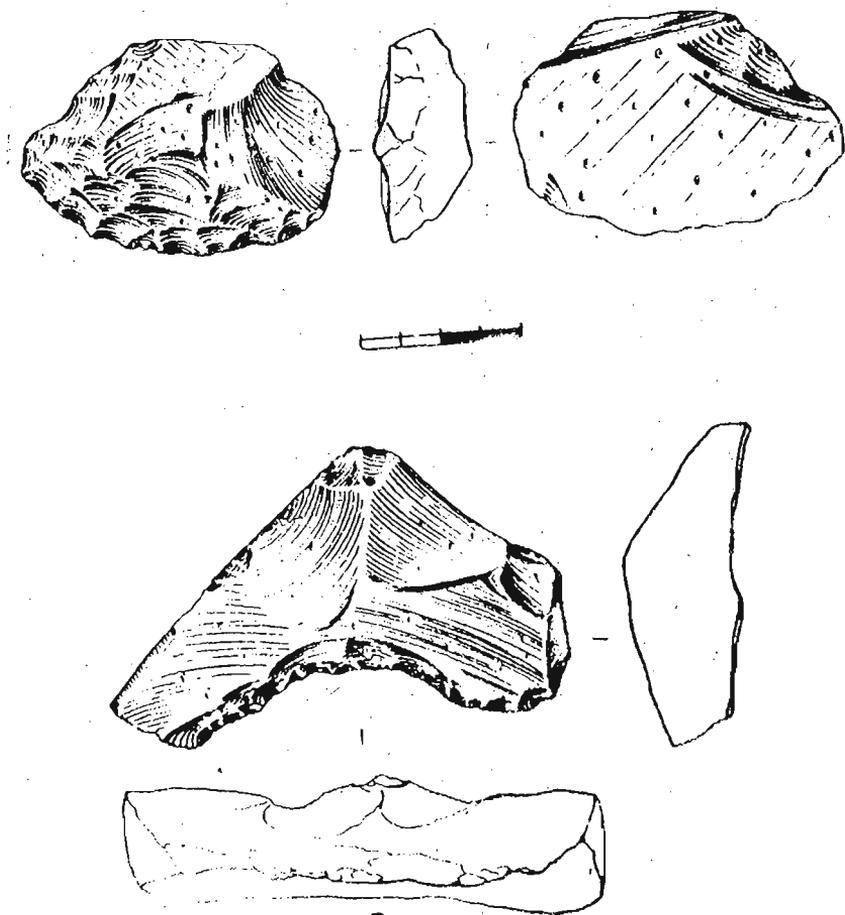

Рис. 9. Гора Ильдная 17. Скребец

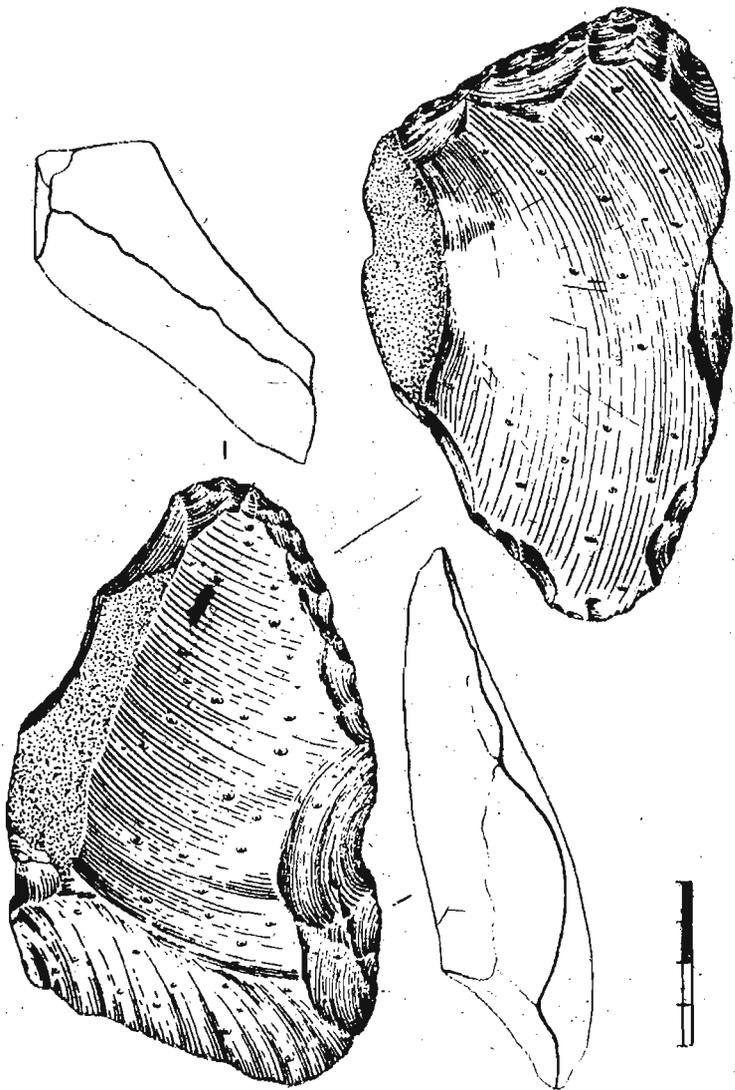

Рис. 10. Гора Гдинная. IV. - Саребоже

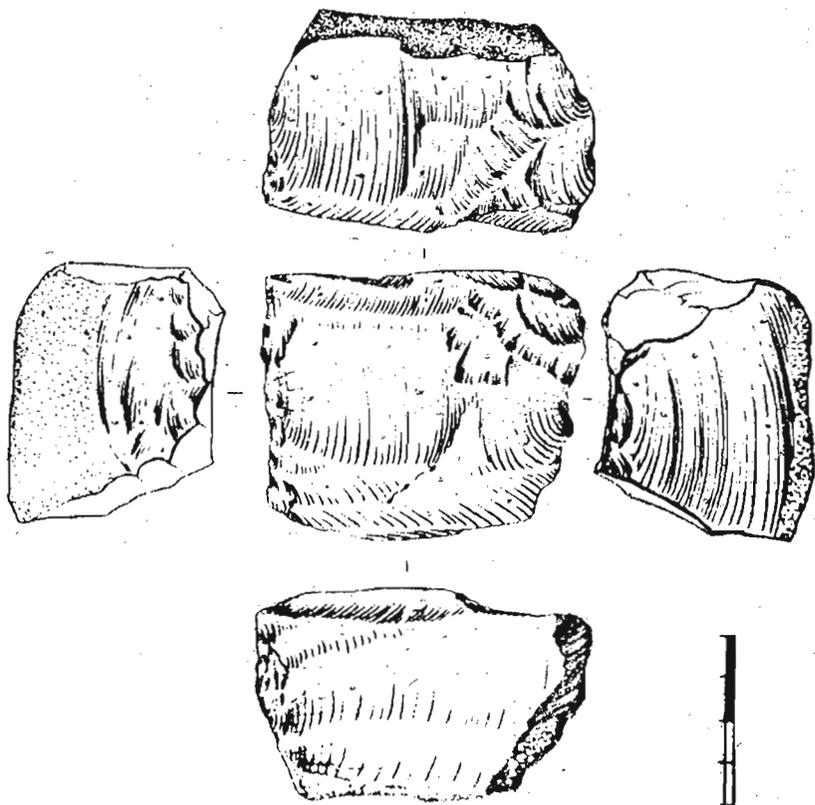

Рис. II. Гора Глиняная Ш. Бумбус "леваллва-четырёхугольный подфрон"

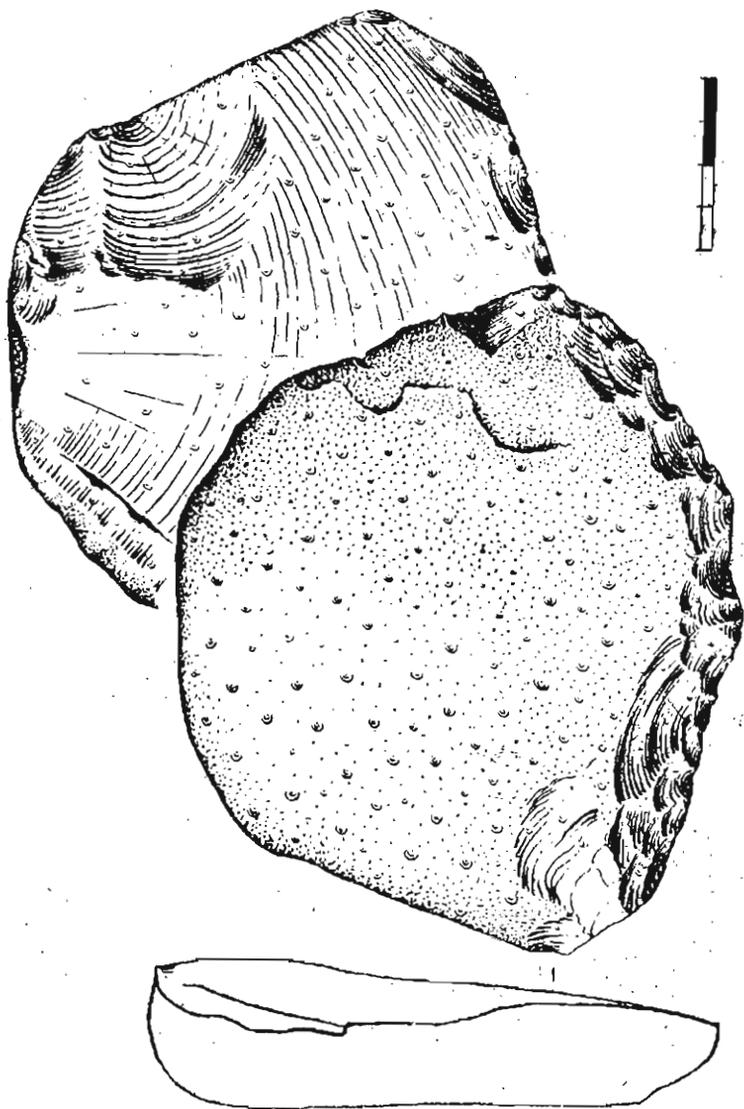

Рис. 12. Гора Глинная II. Сфероло подпечатке

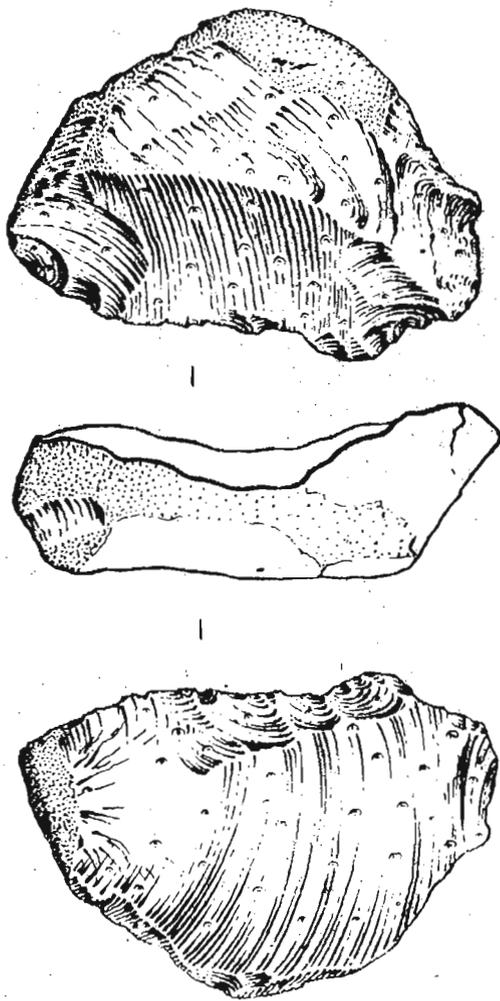

Рис. 13. Гора Глиняная Ш. Средно продолжное

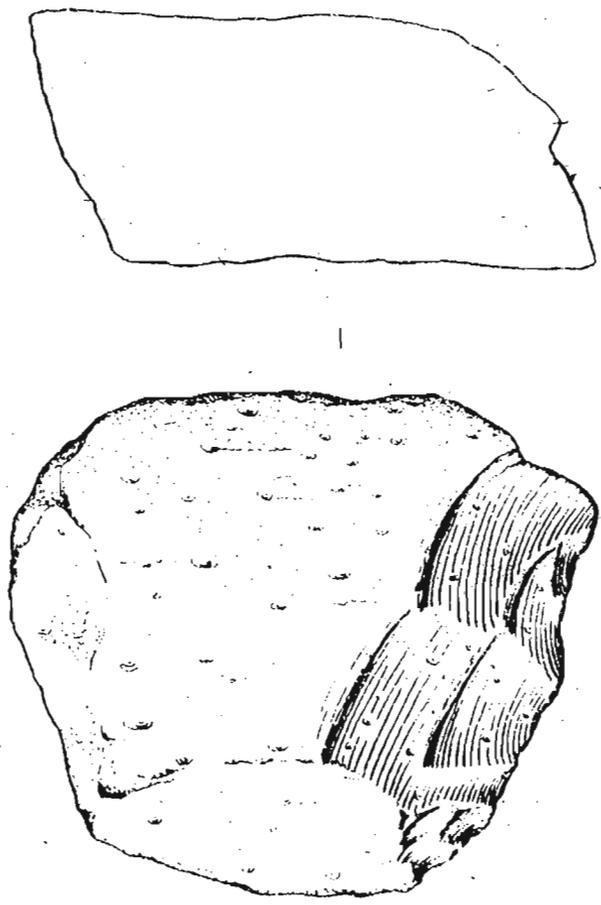

Рис. 14. Горя Глиняная Ш. Чопер

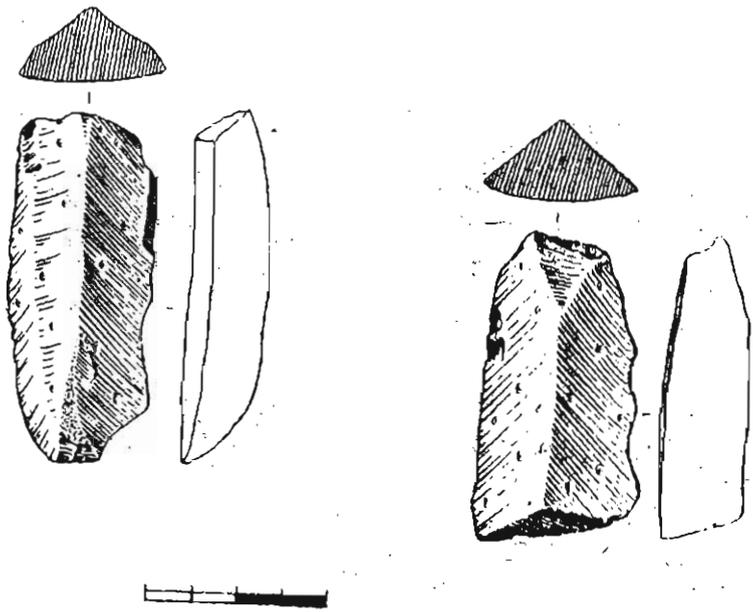

Рис. 15. Гора Глиняная 7:
 1, 2 - пластины из кварцита; 3 - стрелово из отщипа кварцита.

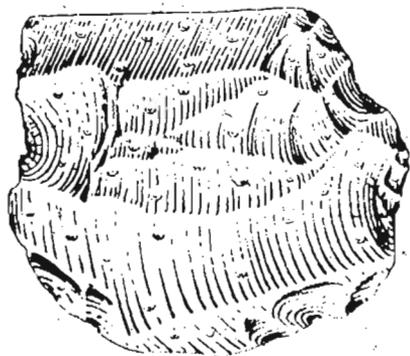
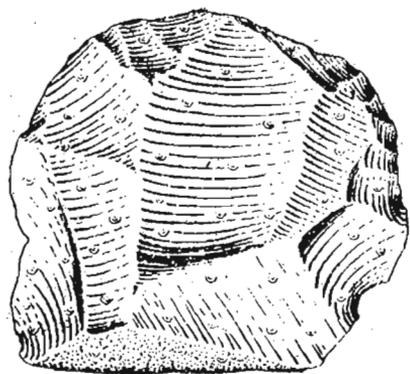

Рис. 16. Гора Глиняная У. Нуклеус "леваллуа-четырёхугольный"

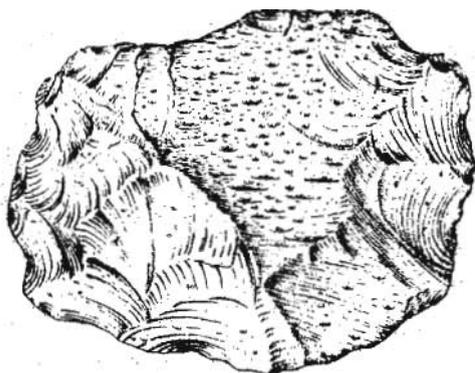
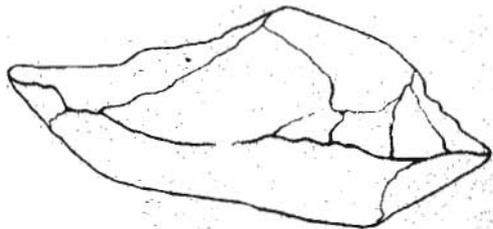
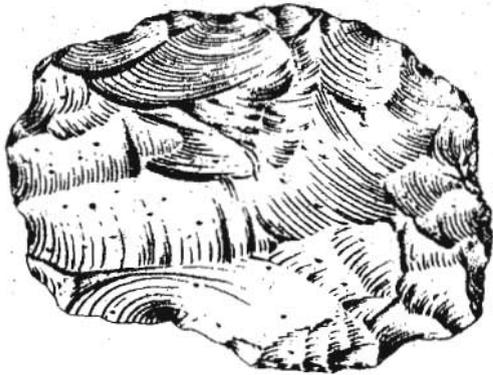
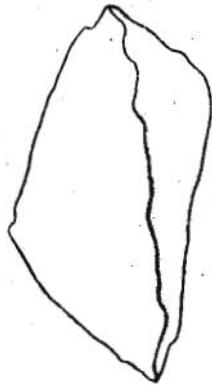

Рис. 17. Гора Глиняная П. Еуклеус. "Леваллуз-свалены"

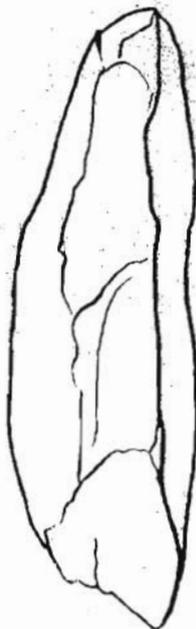

Рис. 18. Гора Глиняная П. Скребло поперечное

М. П. Аксенов, М. В. Цуньков

НОВОЕ В ПАЛЕОЛИТЕ ВЕРХНЕЙ ЛЕНЫ
(предварительные данные об исследовании Макарово IУ)

В 1975 г. Ленской партией комплексной археологической экспедиция Иркутского государственного университета был открыт новый палеолитический памятник. Необычность полученных данных побуждает нас опубликовать предварительные результаты проведенных исследований.

Новый памятник, получивший наименование Макарово IУ, расположен на надпойменной 35-40-метровой террасе правого берега р. Лены в окрестностях бывшей д. Макарово (9 км от пос. Качуг) (рис. 1).

Разрез террасы и стратиграфическая ситуация культурного слоя прослежены по разведочному раскопу (50 м²) и 6 шурфам. В общей сложности памятник вскрыт на площади 71 м². Приведем описание разреза по северной стенке раскопа (рис. 2).

Сверху вниз:	Мощность в м
1. Старая перепашка	0,10-0,50
2. Карбонатизированная, лессовидная, пылеватая, гранулированная, серая супесь	0,10-0,40
3. Та же супесь не гранулированная, более опесчаненная, белесоватая. На свежей зачистке прослеживается остаточная горизонтальная слоистость	0,10-0,50
4. Ритмично чередующиеся горизонтальные прослойки среднезернистых обильно песчаных и частично опесчаненных супесей	0,90-1,20

5. Прослойка песка с обильными включениями мелкой окатанной гальки	0,05-0,10
6. Горизонтально слоистые тонкодисперсные плотные супеси	0,90-1,30
7. Чередующиеся слои илов, щебня, песка, гальки, плитняка. Простираение горизонтальное. Вскрытая мощность	0,90

Стратиграфическая четкость нарушена полигональной сеткой краевых трещин, прослеженных в раскопе в плане и разрезе. Уровень заложения трещин на данном разрезе не фиксируется, устьевые участки отсутствуют (вероятно, срезаны последующей деградацией). Расширенные (но не устьевые) части трещин четко прослеживаются в горизонтально слоистых отложениях (слой 4 на разрезе) вплоть до подошвы лессовидных (слой 3). Во всяком случае, по отношению к лачке горизонтально слоистых отложений (слои 4-7), трещины явно эпигенетичны. Невозможность хронологического определения снижает стратиграфическое значение этих краевых феноменов. Поэтому мы вынуждены ограничиться пока лишь фактографическим описанием, без хронологической интерпретации.

Отложения, вмещающие культурные остатки, выделяются четко и стратиграфически весьма ограничены. Археологические находки в раскопе и шурфах строго связаны с прослойкой песка, обильно насыщенного включениями мелкой окатанной гальки (слой 5 на разрезе). Эта прослойка на разных участках обследованной территории (более 2000 м²) залегает в пределах 1,40-2,20 м от современной поверхности. Находки лежат непосредственно под прослойкой и только в местах разрывов слоя морозобойными трещинами - в гальке и под ней. Даже в местах деформаций диапазон дисперсии находок не превышает 10 см.

Абсолютно все культурные остатки (технические отходы и изделия) в слое лежат в наиболее устойчивом положении - "плашмя". Ни один предмет не зафиксирован "на ребре". Это скорее всего может указывать на отсутствие линеино-поступательного перемещения материала. На отсутствие возможности сколько-нибудь заметных горизонтальных движений указывает и горизонтальность простираения вмещающих отложений. Однако в настоящее время полностью исключить возможность перемещений в культурном слое мы не можем, во всяком случае - вертикальное перемещение (просек-

ция) за счет "выдувания", до окончательного определения палеоклиматических (узко локальных!) условий. Прямые данные, указывающие на наличие движений такого порядка, отсутствуют. И в то же время все каменные изделия из культурного слоя несут следы значительной эоловой эрозии, что может косвенно свидетельствовать о возможности наличия в определенный момент условной развевания. Но горизонтальное залегание всех предметов в культурном слое указывает на то, что если вертикальные подвиги и имели место, то вряд ли были сколько-нибудь значительными. Все это позволяет допустить, что культурные остатки залегают весьма близко от мест их первоначального положения.

Стратиграфическое доложение отложений, вмещающих культурный слой, дает основание (предварительно!) определить их относительный возраст. Пачка горизонтально-слоистых чередующихся прослоек песков и супесей (слои 4 и 5 на разрезе) лежит на среднеплейстоценовом аллювии, вероятно, самаровского времени (Q_{P2}) и перекрыта лессовидными отложениями сарпанского возраста ($Q_{Ш4}$) (предварительные устные определения А.А.Кульчадского, Институт земной коры СО АН СССР, так же работа Адаменко и др., 1974).

В настоящее время имеется только одна возможность оплести более точные хронологические рамки вмещающих отложений этом широком геисторическом диапазоне - обратиться к палинологии.

Анализ, проведенные в палинологическом кабинете Вост-СибНИИТТИМС, по пробам, отобраным в разведочном раскопе Макирово IV, позволили получить спорово-пыльцевые спектры из всех основных стратиграфических подразделений приведенного разреза (определения Д.А.Ильиной). Полученные данные в какой-то мере согласуются с геолого-стратиграфическими определениями. В спектре пробы, взятой на глубине 3,25 м (слой 7 на разрезе), преобладает пыльца трав (58%). Доминантом являются сложнопетельные. Преобладают открытые пространства (разнотравные луга). Леса занимали незначительные участки. Пыльца деревьев составляет 38%. Вверх по разрезу снижается содержание пыльцы трав, но одновременно возрастает содержание пыльцы деревьев. В интервале от 3,25 м (7 слой) до 1,90 м (6 слой) содержание ее увеличивается с 38 до 55%. Большая часть приходится на пыльцу сосны лесной, меньшая - сосны сибирской. Значительное количество составляет пыльца ели (до 27% от суммы пыльцы деревьев). Леса в

этот период были островного характера, в основном светлохвойные, с участками еловых, которые занимали долины и северные склоны.

Пробы, взятые в интервале 1,80-0,90 м (слои 4 и 5 на разрезе), указывают на перестройку растительности, связанную с изменением теплового и водного режимов. На смену островным светлохвойным лесам приходит темнохвойная тайга. Наибольшее развитие залесение получает во время формирования отложений на глубине 0,90 м (выше культурного слоя на 0,60-0,70 м, в средней части пачки отложений 4 слоя). Содержание пыльцы ели возрастает до 66%, сосны сибирской до 27%, постоянно присутствует пыльца пихты и лиственницы. Подобные спектры характерны для межледниковой.

Если бы мы были уверены, что отложения, характеризуемые межледниковыми спектрами, инзитны, то на основании анализов должны были отнести время их формирования к казанцевскому межледниковью (Q_{III}). И в таком случае возраст культурных остатков, на основании их стратиграфического положения, определить первой половиной этого термохрона (Геохронология СССР, т.3, 1974).

Однако во всех пробах довольно в большом количестве отмечена пыльца, характерная для неогеновых отложений. Вся пыльца имеет облик, позволяющий предположить возможное ее перетолжение; она уплощена, деформирована, структура экзина стерта.

Наблюдения, проведенные в ближайших окрестностях нового памятника, также допускает возможность перетолжения. Более высокая 45-50-метровая (?) надпойменная терраса, метрах в 200 от обледованного участка памятника, вскрыта глубоким оврагом (у местного населения он называется Бейный Ручей). По бортам оврага на всем его протяжении (около 100 м) в покровных (лессовидных) отложениях на глубине около 2 м от современной поверхности четко проявляется гумусированная погребенная почва, во многих местах разрываемая мелкими клиньями морозобойных трещин. Овраг прорезает бровку террасы и денудированный склон никелемощной (35-40-метровой) террасы и выходит на поверхность 25-30-метровой террасы. В разрезе удалось проследить, что погребенная почва вдоль склона, членясь на отдельные прослойки, спускается до уровня следующей террасы (35-40-метровой), на которой дислоцируется новый памятник. Прослойки растнутой почвы спус-

кается параллельно склону. Фрагментарность наблюдений не позволяет нам категорически решать вопрос о факте перемещения почвы с верхней террасы на территорию новой стоянки. На большую близость по составу спорово-пыльцевого спектра пробы, взятой из верхней части погребенной почвы в впадине Банного ручья с пробками из раскопа (слои 4 и 5), и упомянутая выше деформация пылицы из разреза Макарово IУ ставят на реальную основу возможность перетолжения слоистой толщи (слои 4-5), содержащей мамелляловый (пазынцевский) пыльцевой спектр, непосредственно перекрывающей культурный слой. В таком случае размыв и перемещение почвенных горизонтов с верхних отметок и перетолжение их на поверхности 35-40-метровой террасы должно было иметь место в послеказанцевское, но досартанское время. Судя по слоистости, перетолжение могло быть не импульсным, однократным, а многократным. Периоду размыва и сноса предшествовал, как минимум, один период эоловой эрозии. Денудацией очевидно были практически полностью удалены и палеонтологические остатки, характеризовавшие природные условия времени существования памятника. До этого эрозийного цикла на обнаженной денудацией поверхности среднеплейстоценовых отложений существовало палеолитическое поселение. Возраст отложений, на поверхности которых протекают антропогенные процессы, очень часто не соответствует времени их протекания. (Ведь и наша жизнедеятельность часто протекает на поверхности весьма древних отложений, особенно в последние годы, в связи с усилением техногенной денудации). На Макарово IУ мы встречаемся с частным случаем эрозии культурных остатков на поверхности отложений заведомо более древних, чем возраст культуры.

В данном варианте решения вопроса возраст культурных остатков на новой стоянке может быть определен либо зырянским следением, либо первой половиной каргинского мамеллялового комплекса. В этом промежутке времени не раз возникали благоприятные условия как для плоскостного смыва, так и для ветровой эрозии.

Как оказано выше, уровень заделывания мезолитскими траями на памятнике проследить невозможно. Однако четко фиксируется, что они заложены не ранее фолдированной осы 4. Если допустить, что эти нарушения древнее сартанские, то в каргинском комплексе, судя по последним имеющимся данным, они, вероятно возникли,

могут отражать второе, более резкое (коношельское) похолодание (Киנד, 1974). Культурные же остатки залегают гораздо ниже уровня заложения трещин и на этом основании мы должны относить их к оптимуму или ранней поре каргинского межледникового.

Мы рассмотрели два возможных варианта решения хронологических вопросов на основе данных стратиграфии. На базе имеющихся данных ни один из них не может быть категорически отвергнут. И все же последний вариант предпочтительней и более согласуется с данными археологии, полученными при обследовании памятника, и общими представлениями о развитии палеолитической каменной индустрии.

В ходе разведочного обследования из культурного слоя была собрана немногочисленная, но несомненно интересная по составу, морфологии и степенй сохранности коллекция каменных изделий.

Всего с площади 71 м² было собрано 275 предметов из камня. Из них 133 (48,4%) - технические отходы (околы, обколотая галька). Морфологически определимыми являются: 12 нуклеусов; 2 их обломка, 4 гальки с нуклеидными сколами; остроконечник и обломок остроконечника; 2 проколки (острия); обломок скребла; ретушированные сегменты пластин и 6 чопперов.

Среди заготовок, снятых с нуклеусов, 3 целых пластины и 36 сегментов пластин. Сюда же, условно, отнесены 68 отщепов, имеющих весь комплекс технологических элементов опецальных снятий.

При описании коллекции мы используем, где это возможно, номенклатурные обозначения, предложенные сотрудниками лаборатории археологии Иркутского государственного университета (Медведев, Михнюк, Лажненко, 1974; Медведев, 1975 а).

Н у к л е у с ы . Все нуклеусы Макарово IV монофронтальные, параллельной и субпараллельной системы скальвания, фронт выпуклый, контрфронт сохраняет естественную поверхность гальки, площадка косая. Субстратом всех нуклеусов служила галька кремневых пород. Форма нуклеусов predetermined в значительной степени субстратом. Вышеречисленные морфологические признаки являются общими для всех нуклеусов нового памятника. Размеры нуклеусов не стандартны. Параметры их колеблются в пределах: l - от 51 до 110, m - от 37 до 104, n - от 19 до 53 мм. Три четверти нуклеусов одноплощадочные, только 3 экземпляра - двухплощадочные. Площадки образованы 1-3 крупными сколами и, как

правило, дополняются мелкими фасетками по рабочей кромке. С нуклеусов снималось от 1 до 7 пластинчатых заготовок. Три нуклеуса по контуру фронта треугольные (в виде "полуоткрытого веера" - Любин, 1965). Ориентация снятий на этих монофронтах конвергентна. Проксимальный край фронта по ломаной рабочей кромке выпуклый (рис.3). Шесть нуклеусов односторонние, монофронтальные, с различной конфигурацией контура фронта, направление большинства снятий параллельно, проксимальный край фронта прямой или выпуклый (рис.4-6). Но "выпуклость" - результат переоформления нуклеуса. Установить первоначальную форму края фронта невозможно (рис.6 - I).

Конфигурация контура фронта у двуплощадочных монофронтальных нуклеусов приближается к четырехугольному. Площадки полукруглые (рис.7). У одного из нуклеусов специально подработана только одна площадка, вторая сохраняет естественную поверхность гальки. Дистальная линия на этом нуклеусе выходит в проксимальные третьи фронта. Ориентация снятий параллельна при прямом проксимальном крае фронта, конвергентна при выпуклом и дивергентна при вогнутом.

Несмотря на отсутствие единства среди исследователей в решении проблемы левалдуза, все нуклеусы, обнаруженные на Макарово IV, по принципу расщепления можно отнести к "левалдузским", принимая этот термин условно, для обозначения равнонаправленной тенденции в технике расщепления камня в различных районах ойкумены. Развитие этой техники везде происходит в эпохи, предшествующие верхнему палеолиту (Любин, 1965; Григорьев, 1972). Следует отметить, что, судя по имеющимся данным, а на верхней Дене появление левалдузской системы расщепления предшествует призматическому принципу расщепления камня.

В имеющемся материале с нового памятника призматические нуклеусы и снятие с них заготовки отсутствуют. Нет и нуклеусов радиального принципа расщепления. Но последнее, по мнению ряда исследователей, не везде обязательно предшествует левалдузским (Григорьев, 1972). Однако имелась в коллекции скола с нуклеуса с негативами радиально направленных снятий (рис.11 - 4) говорят о возможности обнаружения в будущем и радиальных нуклеусов.

П л а с т и н ы . Имеется 3 целых и 36 сегментов пластины. Из них 16 проксимальных (Р), 15 медиальных (LP) и 5 дистальных (L) (рис.8-10). Пластинки и сегменты двух- и трехгранные.

Некоторые пластины и сегменты сохраняют частично галечную поверхность. Вентральная поверхность находится в пределах от 90° до 105° . Семь сегментов переформированы вторичной обработкой в орудия. Ретуширован, как правило, один из краев. Ретушь крутая, разнофасеточная, отжимная, поперечная, округлая. На 6 изделиях дорсальная, на 1 - вентральная.

На пластинах и 25 сегментах на маргиналах прослеживается утилитарная ретушь. В этом отношении следует отметить, что в 42,4% отщепов-заготовок также несут следы употребления их в работе без вторичной обработки.

Определение функционального назначения орудий, изделий из пластин и отщепов невозможно из-за значительной эрозии поверхности найденных предметов.

Орудия на Макарово IУ пока немногочисленны. Имеется 1 остроконечник листовидной формы, изготовленный из плоского отщепа серой кремнистой породы. Острие образовано конвергенцией краев. Правый край на $1/2$, а левый на $2/3$ обработаны крутой, разнофасеточной, отжимной, дорсальной ретушью. Основание орудия бифациально уплощено разноразмерными плоскими фасетками (рис. II - 1). Аналогичный остроконечник имеется в сборах о соседнего памятника - Макарово III, возраст которого остается проблематичным. Отдаленные территориально аналогии, которые при желании можно было бы отыскать в леваллуазских комплексах (Григорьев, 1968; Коробков, 1971) вряд ли оправданы вообще и, тем более в предварительном сообщении.

Имеется обломок, видимо, подобного же орудия. Дорсальная поверхность полностью обработана разнофасеточной ретушью. На вентрале коротким широким снятием удален ударный бугорок заготовки. Фрагментарность позволяет относить это изделие к остроконечникам только условно (рис. II - 2).

Два орудия условно определены проколками. Острие одного из них оформлено крутой разнофасеточной ретушью на углу отщепа и вторично подправлено по краю мелкой отжимной ретушью (рис. II - 3). Острие другой проколки оформлено мелкой разнофасеточной ретушью на одном из острых углов отщепа, снятого с "радиального" нуклеуса (рис. II - 4). На краях, противоположных острию, оба орудия имеют утилитарную ретушь.

Скребла представлены одним фрагментом - правым сегментом. Левая сторона обработана с вентрала крупного краевого скола и под-

правлено по рабочему краю разнофасеточной, разноформатной крутой ретушью. Дорсальная поверхность полностью сохраняет галечную корку субстрата (рис. II - 5).

Обращает на себя внимание вторичная обработка двух нуклеусов. У одного из них проксимальный край фронта обработан крутой разнофасеточной ретушью, заходящей на ребро (рис. 6 - I). У другого разнофасеточная ретушь оформляет проксимальный и дистальный концы с контрфронта (рис. 3 - I). В том и другом случае изделия напоминают поперечные выпуклые скребла. Пока трудно решить встречаемся ли мы здесь с примером переоформления площадки или имеем дело со случаем реутилизации нуклеусов.

Ч о п е р ы. В эту группу входит 6 изделий (рис. I2-I5). Изготовлены они из крупных галек различной формы. Обработка утилитарная. Контур лезвия - прямой, ломаный, выпуклый. Лезвия перпендикулярны или диагональны оси рабочего фаса.

Морфологически определимые орудия составляют в коллекции всего 6,6% от общего числа находок. Но если учитывать изделия, употреблявшиеся в качестве орудий без специальной обработки, как орудия "разового пользования", т.е. пластины, отщепы, сколы со следами утилитарной ретуши, то около 35% всех предметов в коллекции были использованы в работе.

В целом анализ археологического материала Макарово IУ указывает на значительные отличия как в технологии обработки камня, так и в морфологии каменных изделий от всего, что было до сих пор известно в каменном веке долины р. Лены.

При наличии ряда черт, характерных для стадий, предшествующих верхнему палеолиту, а также при возможности интерпретировать данные стратиграфии, палинологии и геоморфологии как доказательства необычной для данного района древности вмещающих отложений, было бы весьма обременительно отнести новый памятник к периоду более древнему, чем поздний палеолит.

Однако недостаточное количество фактического материала, недостаточная разработка проблемы древнейших этапов существования человека в Северо-Восточной Азии, возможность альтернативной интерпретации стратиграфических данных, слабая позиция в абсолютном датировании заставляют воздержаться от категорического решения вопроса о возрасте Макарово IУ.

На основании полученных данных имеется возможность определить новый памятник как древнейший среди всех известных в нас-

тоящее время в верхней части долины р. Лены археологических памятников. Определение же культурной, фацциальной принадлежности его и уточнение хронологии - дело будущего.

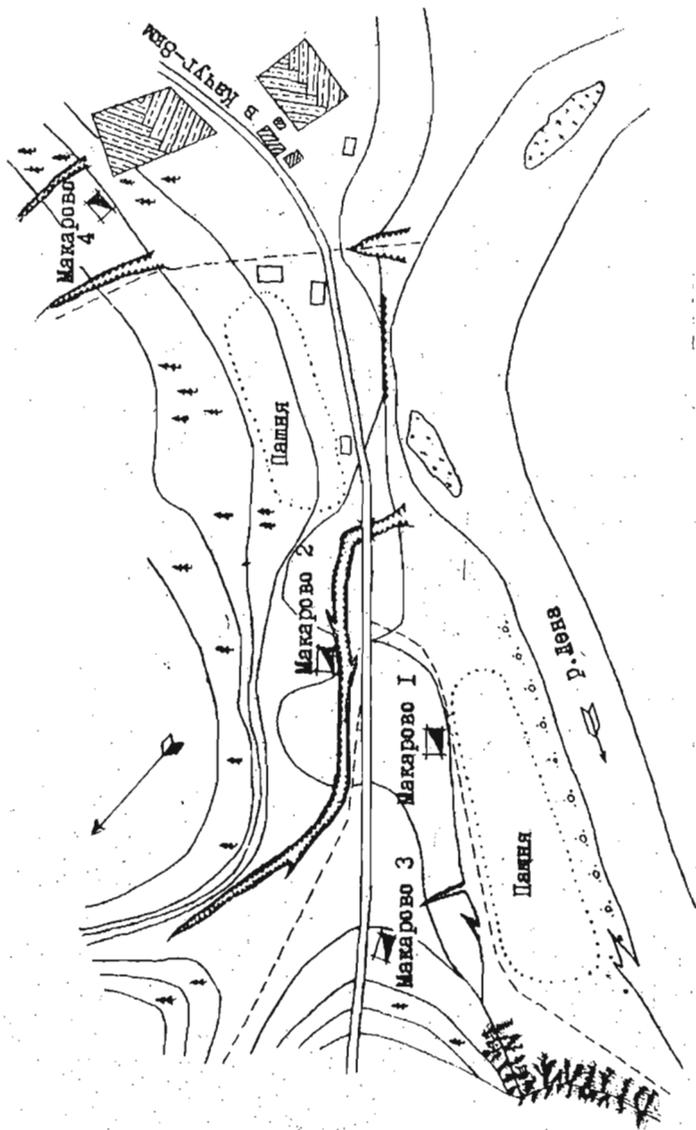

Рис. 1. Схематический план района Макарово

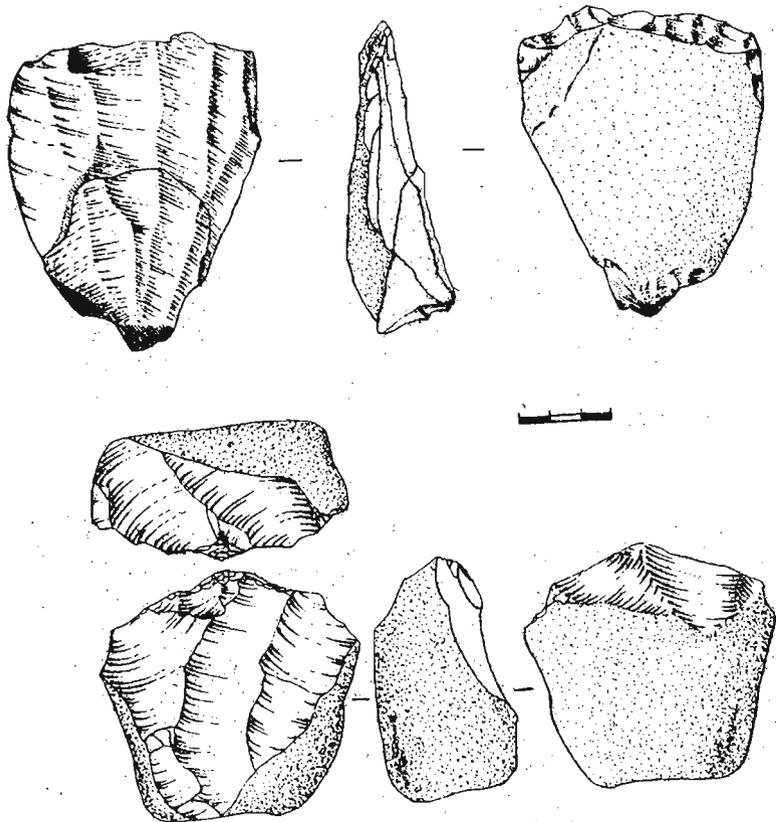

Рис. 3. Макарово IV. Нуклеусы

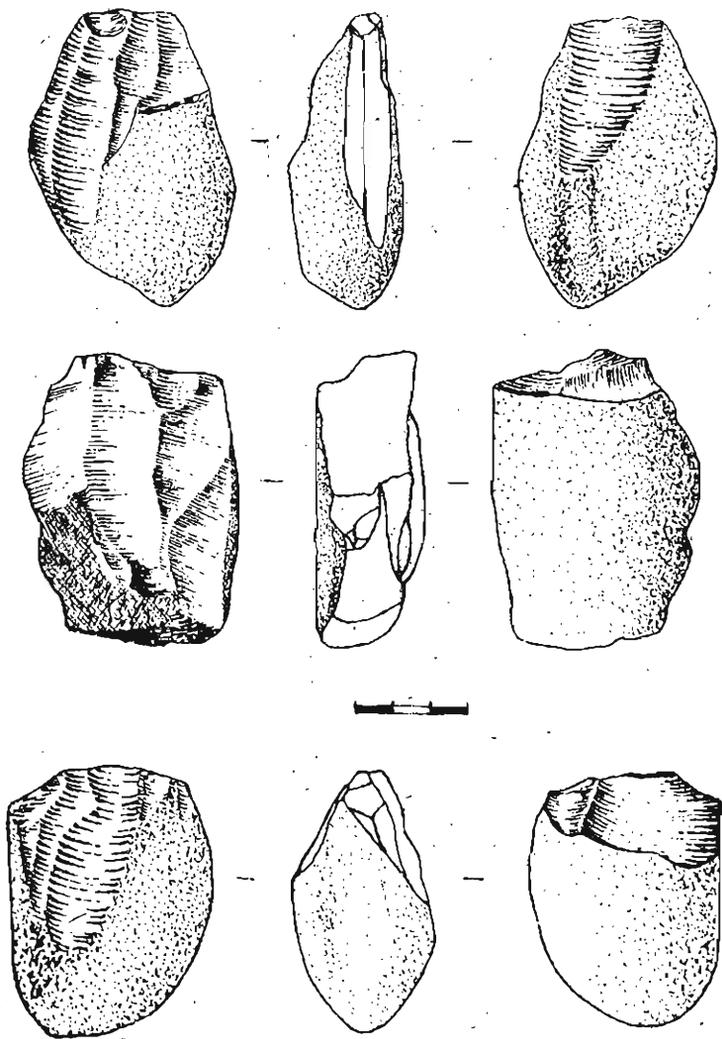

Рис. 4. Махарово IY. Нуклеусы

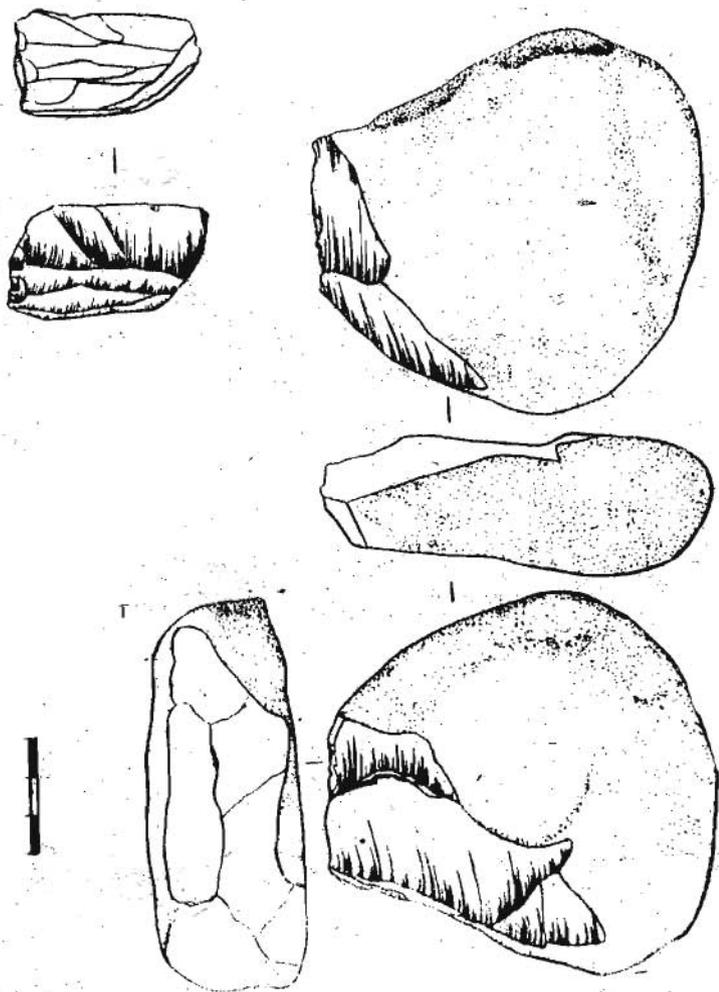

Рис. 5. Макарово II. Куплеус

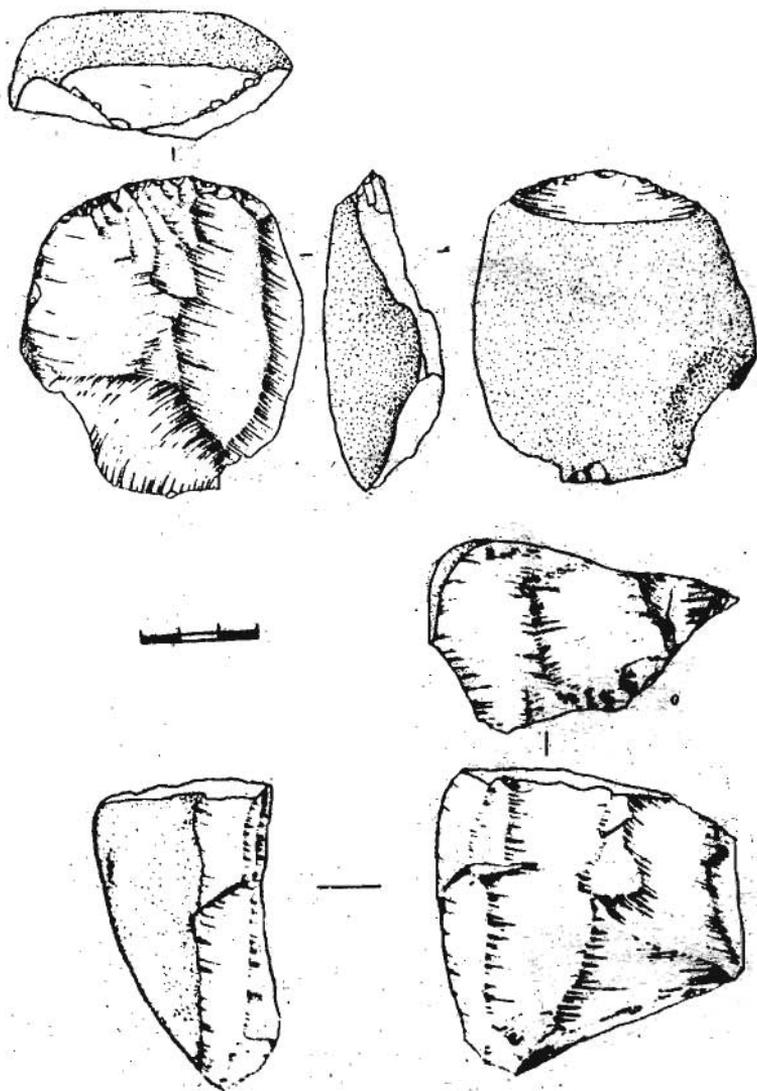

Рис. 6. Макарово IУ. 1/10. 7см

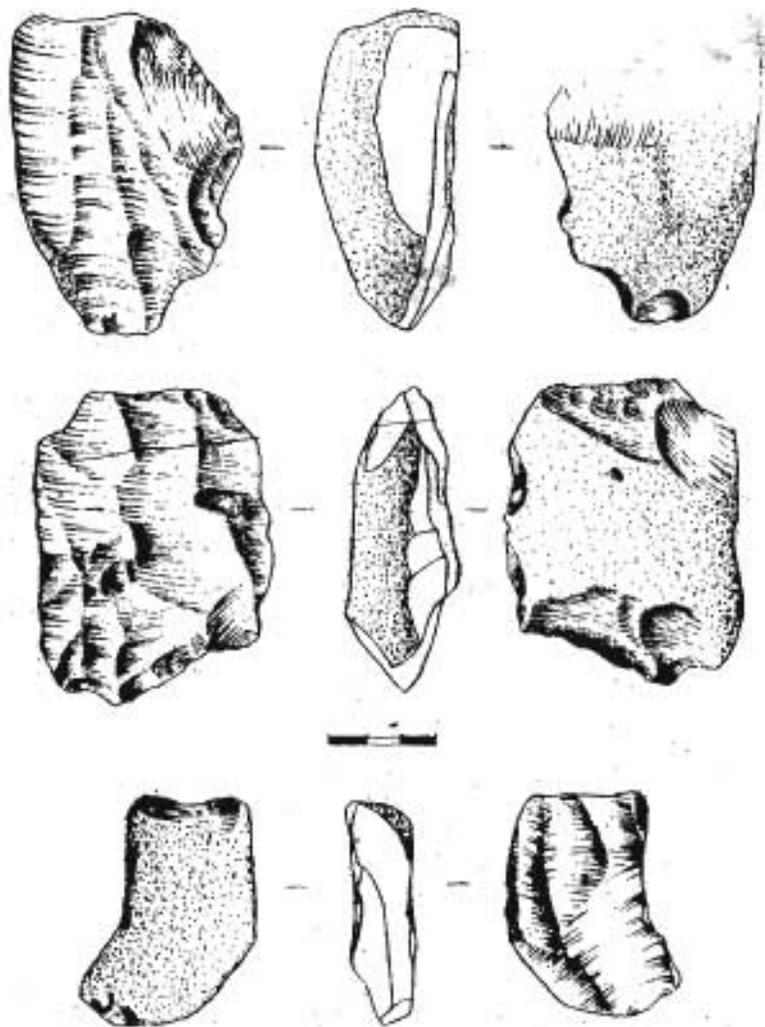

Рис. 7. Макарово IV. Нуклеусы

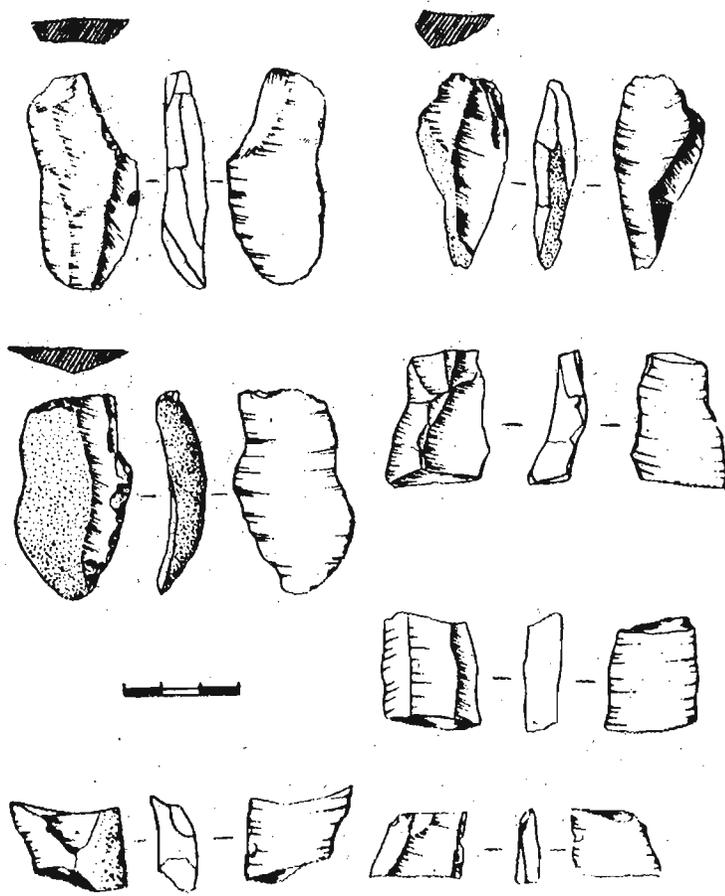

Рис. 8. Макарово IV. Пластины

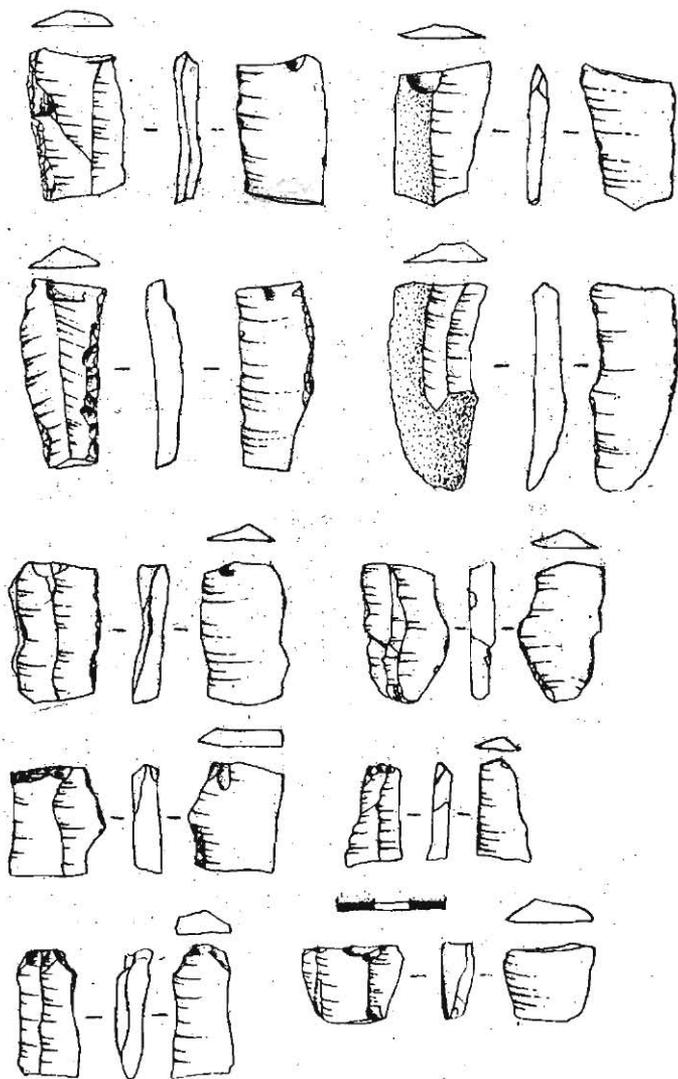

Рис. 9. Макарово IV. Пластины

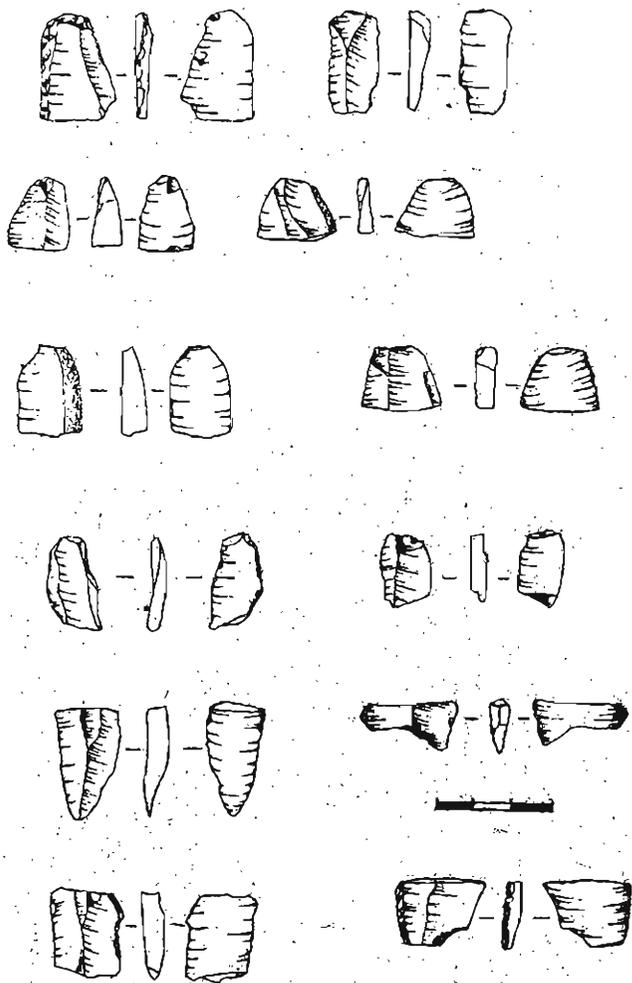

Рис. 10. Макарово III. Пластины

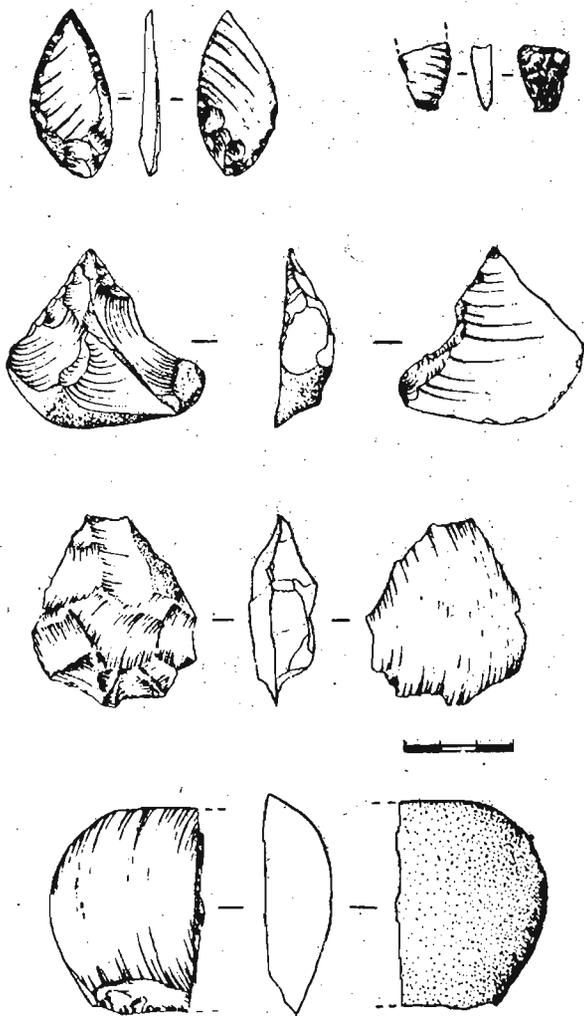

Рис. II. Макарово IV. Орудия из камня

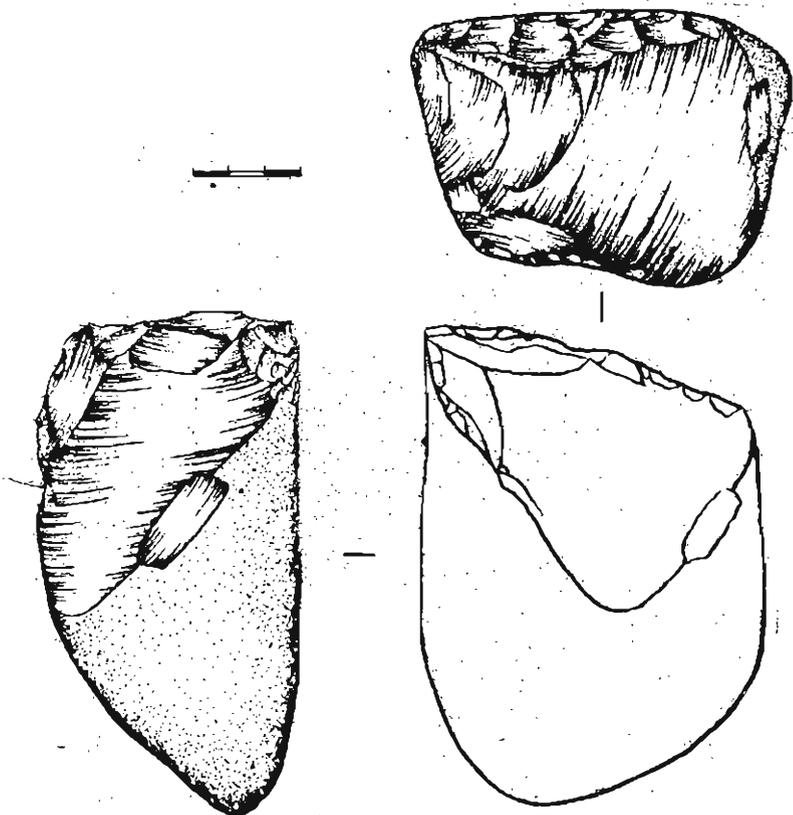

Рис. 12. Макарово Iу. "Чоппер"

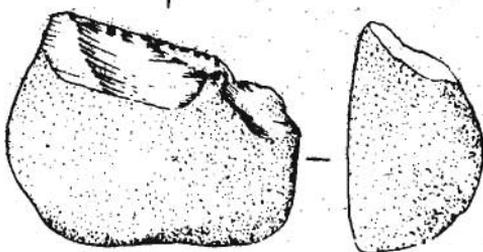
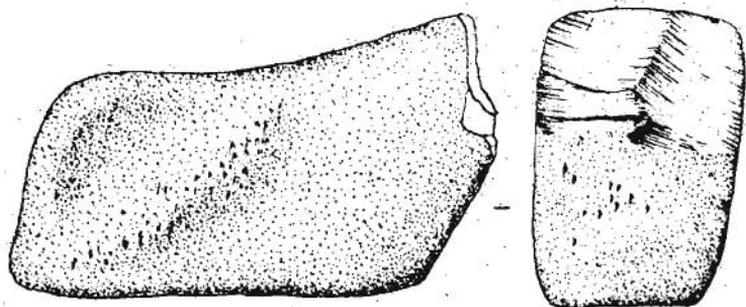

Рис. 13. Макарово IY. "Чошерн"

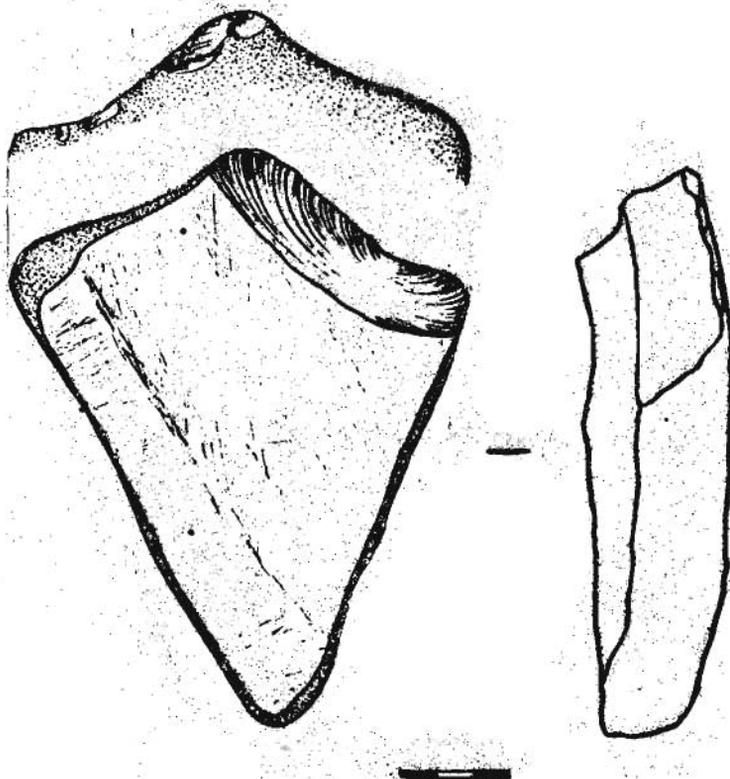

Рис. 14. Мезарное IV. "Чонер"

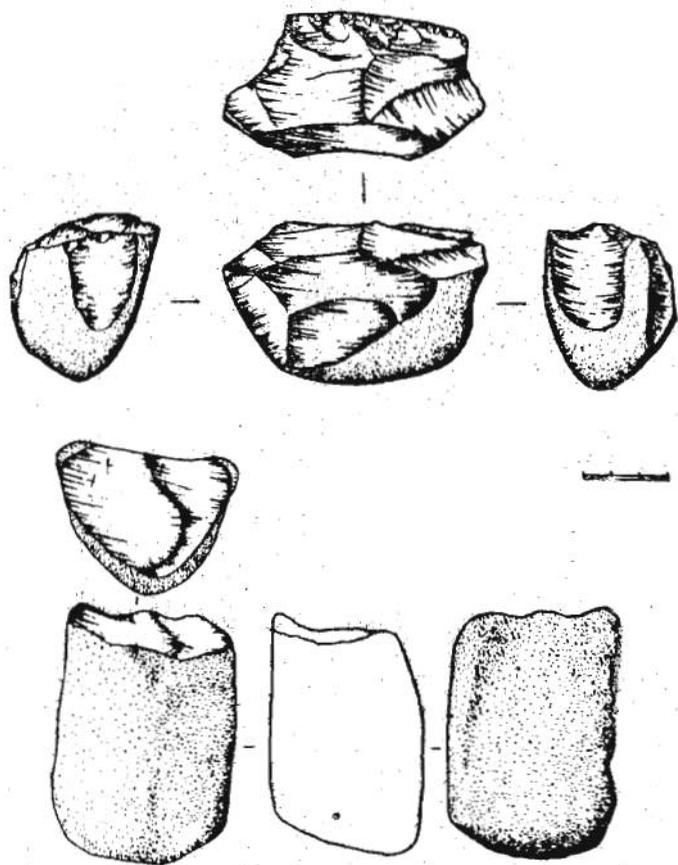

Рис. 15. Макарово IV. "Чоперы"

П.Е.Имугун, А.С.Видракинский

КУРЛИНСКИЙ БЕСКЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НА СЕВЕРНОМ БАЙКАЛЕ
(предварительное сообщение)

В рельефе северо-западного побережья оз. Байкал можно выделить три гипсометрические ступени. Самую высокую ступень образует Байкальский хребет с абсолютной высотой вершин 2000-2200 м. С востока к его склонам причленяется Тийское плато и хребет Унгдар высотой от 1000 до 1500 м. Наконец, ванна оз. Байкал с максимальной глубиной до 150 м является самой низкой ступенью. Курлинский комплекс стоянок находится в зоне счленения двух последних ступеней между мысом Курла и устьем одноименного ручья. Поэтому мы останавливаемся на геоморфологической характеристике лишь этих двух ступеней.

Тийское плато представляет собой систему орудневоотных куполовидных возвышенностей, разделенных речными долинами. Относительное превышение между тальвегами долин колеблется от 200 до 500 м. Крутизна склонов варьирует от 10 до 20°.

Вдоль восточной окраины Тийского плато простирается акватория оз. Байкал. Подводная аккумулятивная равнина полого поднимается в западном направлении и в прибрежной зоне сливается с подводным склоном предгорной ступени.

В районе Курлинской губы рыхлые отложения не образуют мощных осадочных толщ. Продукты выветривания здесь перемещаются по склонам и разгружаются непосредственно в озеро. На побережье довольно часто выступают скалистые мысы, подверженные интенсивной волно-прибойной деятельности. Наряду с мысами боль-

шую площадь составляют склоны с маломощным покровом осмысленных отложений, в подложной части, как правило, разрушаемые абразивной.

Открытые нами стоянки древнего человека Курла I-VI дислоцируются на аккумулятивных формах (рис. 1). Ширина подгорного шлейфа в районе их дислокации не превышает 30-40 м. В северо-восточном направлении ширина шлейфа постепенно уменьшается, и близ устья ручья Курла он почти исчезает.

Поверхность подгорного шлейфа неровная, волнистая, с многочисленными эрозийными рывинами глубиной от 2 до 5 м.

Высота береговых уступов в Курлинской губе (от мыса Курла до устья одноименного ручья) колеблется в пределах 3-15 м, при этом четко прослеживается общее понижение берега в северо-восточном направлении. К устью ручья Курла высота этих уступов не превышает 4 м.

В 900 м от мыса Курла делювиальный шлейф подстилается толщей галечно-песчаных отложений с валунами и слабо окатанными глыбами амфиболовых гнейсов. В таком виде разрез прослеживается по обнажению вплоть до поймы ручья Курла. Примечательно, что кровля галечного горизонта прослеживается устойчиво на высоте 4,5-5 м от современного уровня Байкала. Видимо, эти галечно-песчаные отложения имеют прибрежно-озерное происхождение; аккумулятивный урвень, сложенный ими, явно древнее уровня современного пляжа.

На участке Курлинской губы протяженностью 2150 м нами было открыто 6 новых бескерамических местонахождений, получивших соответственно порядку открытия наименования Курла I-VI. (Торкиова, Ендриханский и др., 1976). Местонахождения Курла IV-V оказались практически полностью уничтоженными водами Байкала. Местонахождение Курла I дало малочисленный невыразительный материал. Наибольший научный интерес представляют пункты Курла II, III, VI - двуслойные бескерамические местонахождения. Самому детальному обследованию подвергся пункт Курла III. Здесь было вскрыто 15 м². Врезкой выявлен следующий стратиграфический разрез (рис. 2).

Сверху вниз:

Мощность в м

I. Почва. Мелкозернистые пески, в кровле черные, ниже красно-коричневого цвета. В подом-

- ве слоя встречаются редкие глыбы грубообломочного материала 0,30-0,40
2. Щебнистый слой. Щебень от мелкого до глыб. Заполнитель - мелкозернистые пески желто-серого цвета и дресва 0,62-0,70
 3. Щебнисто-дресвяный слой. Щебень мелкий. Заполнитель - мелко- и среднезернистые пески желтого цвета. Слой интенсивно заизвесткован 0,30-0,40
 4. Мелкозернистые (пылеватые) пески желто-серого цвета с линзами дресвы и белесоватыми прослойками 0,20-0,22
 5. Мелкозернистые (пылеватые) пески желтого цвета, в подошве интенсивно заглинованы 0,08-0,14
 6. Галечник. Гальки средние, хорошо окатанные. Заполнитель - мелкозернистые пески желто-серого цвета. В кровле слоя погребенная почва темно-коричневого цвета, представленная мелкозернистым песком. В подошве слоя - прослойка дресвы 0,20-0,26
 7. Галечник. Гальки от мелких до валунов. Заполнитель - разнозернистые пески серого цвета. В кровле слоя - погребенная почва того же цвета и текстуры, что и в слое 6. Вскрытая мощность 0,50-0,60

I культурный горизонт зафиксирован в погребенной почве 6 геологического слоя. В погребенной почве 7-го геологического слоя дислоцируется II культурный горизонт. В планах обоих горизонтов наблюдается наибольшая концентрация культурных остатков вокруг кострищ.

I культурный горизонт дал 311 единиц археологического материала - 228 отщепов и 81 изделие. Самую крупную группу изделий составляют призматические микропластинки - 39 экземпляров. Следующая по количеству группа - трансверсальные резцы - 5 экземпляров (рис.3 - 4-8). Остальные изделия представлены единичными экземплярами - клиновидный нуклеус с сильно скошенной к гребню площадкой (рис.3 - 3), срединный резец (рис.3 - 9),

клинновидное изделие из уплощенной гальки, 2 скрепка (рис.3 - I,2), несколько утилизированных отщепов и пластин.

I горизонт представлен также единичными экземплярами костяной индустрии - колотушкой из рога благородного оленя (рис.4 - 1) и обломком изделия из трубчатой кости, на торцевой части которой нанесены нарезки, создающие своеобразные округлые зубчики (рис.4 - 2). Функциональное назначение последнего изделия неизвестно.

Горизонт охарактеризован и многочисленными фаунистическими остатками - на вскрытой площади собрано 1498 фрагментов дробленой кости и свыше 1000-определяемых костей млекопитающих. По предварительному заключению Л.Н.Иваньева (старший научный сотрудник Института Земной Косы СО АН СССР) они принадлежат 4 видам животных: благородному оленю, горному барану, мелкому хищнику (лиса или песец), мелкому грызуну (заяц?).

Наличие трансверсальных резцов, колотушки, относительная концентрация материала вокруг кострищ, фауна позволяют нам проводить некоторые аналогии с мезолитическими памятниками Приангарья (Мезолит Верхнее Приангарья, 1971) и предварительно отнести I культурный горизонт Курлы Ш ко времени среднего - финального мезолита.

II культурный горизонт представлен многочисленным археологическим и фаунистическим материалом - 1289 отщепов, 756 изделий, 3387 фрагментов дробленой кости и свыше 5000 определяемых костей млекопитающих тех же видов, что и в I культурном горизонте. Основную массу изделий составляют призматические микропластинки - 516 экземпляров и краевые сколы с микропуклеусов - 89 экземпляров (рис.5 - 10-15). Наибольший интерес представляет серия микропуклеусов (45 экз.), до сих пор не фиксировавшихся на Байкале. Это своеобразный тип клиновидных микропуклеусов, у которых высота по линии фронта превышает ширину (по латерали). В целом минимальные и максимальные параметры этих пуклеусов следующие: высота 13-30 мм, ширина 7-23 мм. Пуклеусом несут два, три, реже четыре сгнетия. Ударная площадка образована одним (фронтальным) сколом. Угол между фронтом скалывания и ударной площадкой приближается к 90° . Заготовками этих пуклеусов, судя по наличию краевых сколов, служили мелкие бифасы (рис.5 - I-9).

Следующую крупную серию составляют орудия из пластин и отщепов, униформально обработанные, с выемками - 13 экз. (рис.6 -

I-II). Интересно то, что в 12 случаях из 13 выемка сочетается с диагональным сколом либо со сломом, которые являются типологическим признаком трансверсальных резцов. Видимо, в данном случае нами встречены своеобразный тип резцов.

Своеобразна и группа резцов из отлепов (рис. 6 - 12, 13, 16), у которых трансверсальный скол дополняется угловым. Один из них проработан бифациально, два - унифациально. Кроме того, во II горизонте найдено 2 срединных резца (рис. 6 - 14, 15) и целый ряд единичных экземпляров других орудий, чаще всего представленных обломками. Вкладышевые лезвия из пластин и скребки крайне невыразительны и также единичны.

Более многочисленна, чем в I горизонте и костяная индустрия. Это, в первую очередь, колотушка из рога оленя (рис. 7), являющаяся пока единственным элементом сходства с I культурным горизонтом, 3 обломков костяных игл, 2 пластины из рога благородного оленя (рис. 8). Особый интерес представляет пластина с художественным резным рисунком, напоминающим птичье перо (рис. 8 - 2).

Культурные комплексы пунктов Курлы II и Курлы VI, дислоцированных соответственно в 200 и 800 м к юго-западу от Курлы III, зафиксированы в аналогичных ей стратиграфических условиях. В обоих горизонтах этих пунктов по обнажению прослеживаются остатки кострищ. Горизонты насыщены фауной тех же видов, что и на Курле III. Аналогичен и археологический материал. В I культурном горизонте Курлы II найден трансверсальный резец. II культурный горизонт дал унифациально обработанные изделия из отлепов с выемкой, сочетающейся со сломом, краевые сколы с микронуклеусов. Во II культурном горизонте Курлы VI собрано 6 микронуклеусов, типологически аналогичных нуклеусам Курлы III, несколько краевых сколов с микронуклеусов.

Все эти данные позволяют нам говорить о единстве комплексов Курлы II, III, VI, считая их пунктами одной стоянки.

Вопрос о возрасте и культурной принадлежности нижних горизонтов этой стоянки пока остается открытым. Вероятнее всего, что на примере этих горизонтов мы столкнулись с местной локальной культурой. Предварительно, на основании стратиграфических и фаунистических данных, мы относим II культурные горизонты курлынского комплекса ко времени среднего мезолита.

В заключение необходимо отметить, что в настоящее время земляные работы проводились лишь на пункте Курлы III, на ограни-

ченной территории, что, естественно, не может дать полной картины стоянки. Ввиду этого мы не рассматривали подробно весь имеющийся археологический материал, а остановились лишь на наиболее характерных серийных для этого комплекса формах изделий.

Более широкие и полные выводы о возрасте и культурной принадлежности обоих горизонтов курлянского комплекса позволят сделать лишь широкие стационарные работы на всех пунктах с учетом проведенных палеонтологических, палинологических и радиокарбонных анализов.

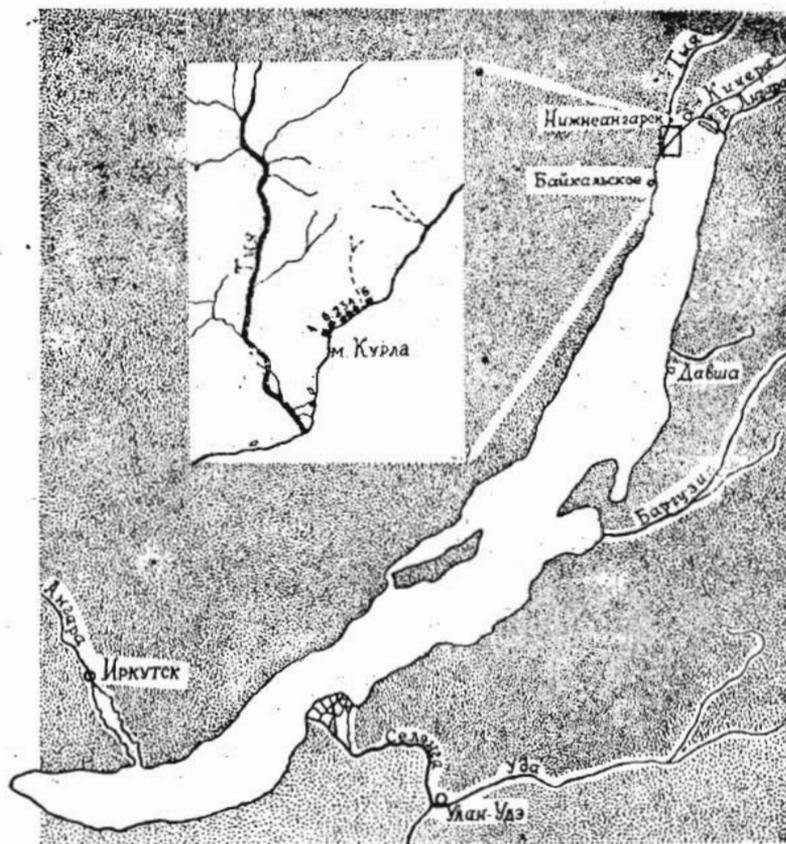

Рис. 1. Карта района исследований

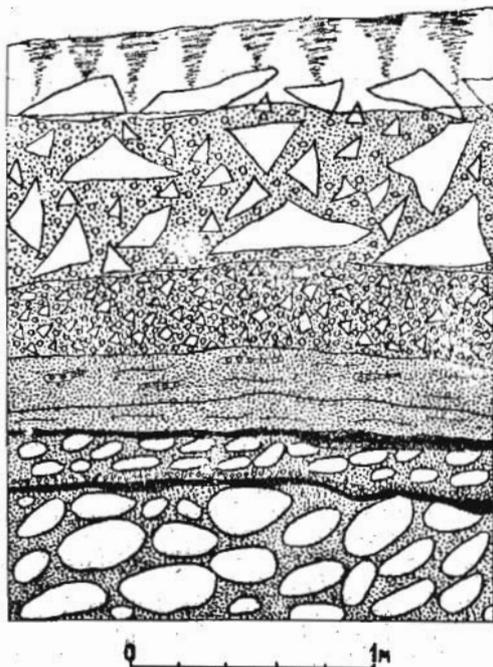

Рис. 2. Курга III. Разрез северо-западной
отенки врезки

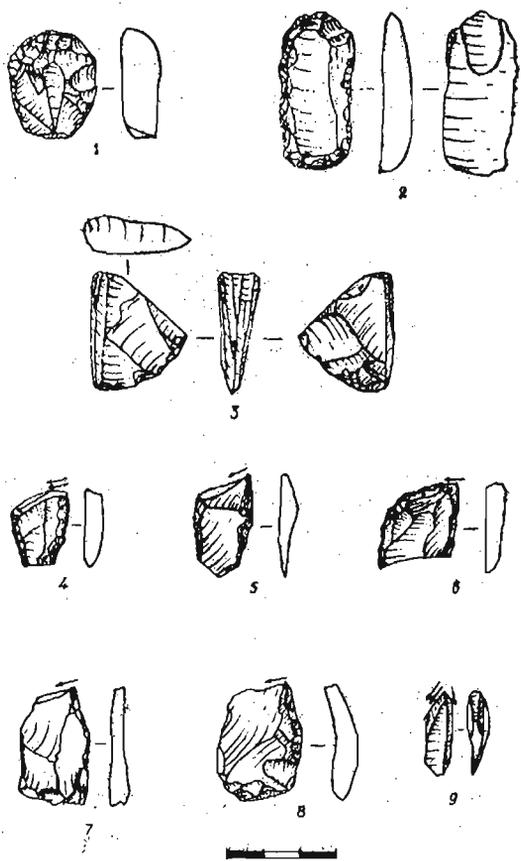

Рис.3. Курля III. I культурный горизонт.
 Изделия из камня: 1-2 - скребки; 3 - нуклеус; 4-9 - резцы

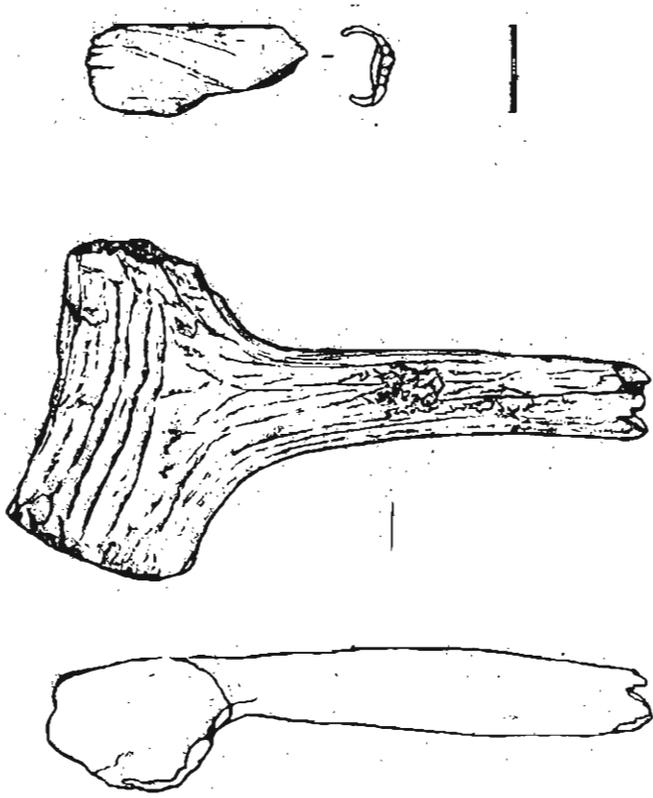

Рис. 4. Кургы II. I культурный горизонт. Игла из кости

Рис. 5. Курля Ш. II культурный горизонт.
 Изделия из камня: 1-9 - микроинструменты; 10-12 - краевые сколы; 13-15 - призматические микропластинки

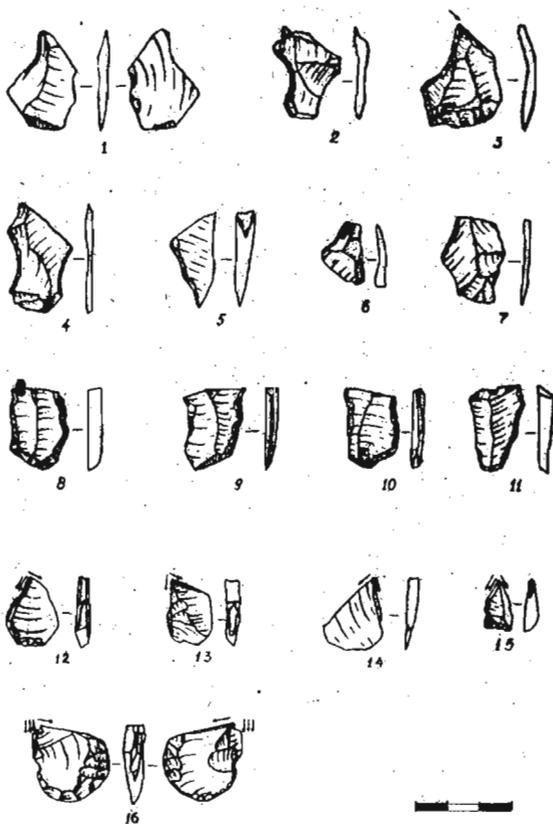

Рис. 6. Курла Ш. II культурный горизонт.
 Изделия из камня: I-II - изделия с выемками; I2-I6 -
 резцы

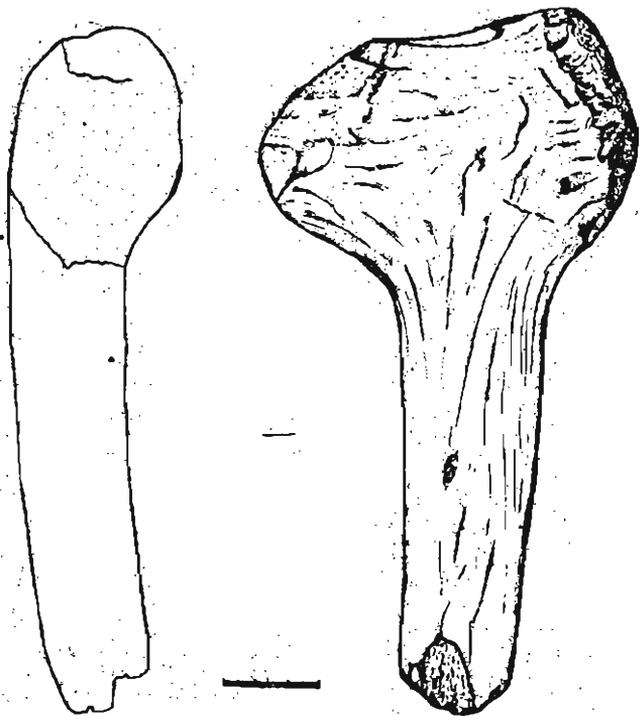

Рис. 7. Курля Ш. II культурный горизонт.
Косточка из рога оленя

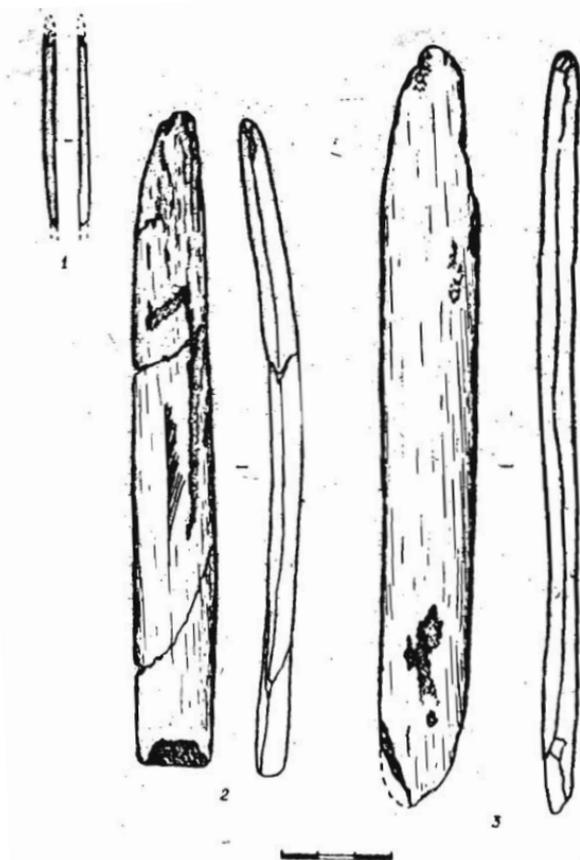

Рис. 8. Курля Ш. II культурный горизонт.
Изделия из кости

О.И. Горюнова

РАННИЕ КОМПЛЕКСЫ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ИТЫРХЕЙ

Для датировки и периодизации археологических памятников Байкала наибольший интерес представляют многослойные местонахождения, в которых комплексы культурных остатков залегают в ненарушенных геологических условиях. Одним из таких местонаждений является поселение на западном побережье Среднего Байкала — Итырхей, масштабное вскрытие которого начато летом 1975 г.¹

Памятник открыт П.П. Хороших во время работ 1921—1923 гг. Первооткрыватель стоянки указал на 2 культурных горизонта, датируемые эпохой неолита (Хороших, 1924). В результате раскопок 1975 г. выявлено 9 культурных горизонтов, из которых 3 нижних — бескерамические.

Цель настоящей статьи — описание и предварительный анализ наиболее равных археологических комплексов многослойного поселения Итырхей, являющихся возможным вариантом генетической линии развития последующих неолитических культур. Самостоятельное описание и введение в научный оборот материалов ранних комплексов позволит определить время первоначального заселения данной территории.

1. Раскопки Итырхей являются началом тематического исследования всего комплекса многослойных памятников Малого моря в плане общей большой проблемы "История хозяйственного освоения бассейна оз. Байкал".

Памятник находится в одноименной бухте, расположенной на юго-восточном побережье залива Куркут (западный берег пролива Ольхонские Ворота), в 3 км к северо-западу от пос. Сатурты (МРС). В геоморфологическом отношении - это район северо-восточной части Привольхонского плато, обрешающего западное побережье Среднебайкальской впадины.

Бухта Итырхей имеет серповидную форму, вогнутую в северо-западном направлении. С востока и юга бухта ограничена скальными выходами, к которым плавно причленяются плечикообразные уступы склонового генезиса, имеющие углы падения в сторону Байкала 5-6° и к центру бухты 2-3°. Внешняя, береговая часть бухты обрамлена широким пляжем, сложенным серым песком (рис.1).

Раскоп расположен в юго-западной части бухты. Общая площадь вскрытия 50 м².

Стратиграфический разрез в месте раскопа представляется следующим (рис.2).

Сверху вниз:	Мощность в м
1. Почвенно-растительный горизонт	0,18-0,24
2. Слой серо-желтого песка с небольшим включением дресвы	0,16-0,20
3. Темная гумусированная супесь с включениями дресвы (I культурный горизонт)	0,12-0,20
4. Стерильная прослойка серо-желтого песка	0,04-0,08
5. Слой темной гумусированной супеси с включением дресвы (II культурный горизонт)	0,06-0,10
6. Прослойка желтого песка (в пакете А прослойка представлена линзами)	0,04-0,08
7. Гумусированная дресвянистая супесь (III культурный горизонт)	0,12-0,08
8. Стерильная прослойка песка	0,04-0,05
9. Гумусированный слой супеси с включением дресвы (IV культурный горизонт)	0,18-0,10
10. Линзовидная прослойка песка	0,06-0,03
II. Гумусированный супесчаный слой, содержащий находки У культурного горизонта	0,16-0,20

12. Стерильная линзовидная прослойка песка	0,06-0,08
13. Гумусированный слой супеси бурого цвета (У1 культурный горизонт)	0,16-0,09
14. Стерильная песчаная прослойка	0,16-0,07
15. Гумусированный супесчаный слой темного цвета с большим количеством дресвы (УП культурный горизонт)	0,18-0,20
16. Линзовидная прослойка песка	0,03-0,05
17. Темная гумусированная супесь; отличается от вышележащих слоев увеличением количества дресвы и плотностью почвы (УП культурный горизонт)	0,16-0,20
18. Плотный гумусированный слой темно-бурого цвета с большим включением дресвы (к подошве олоя привязаны находки IX культурного горизонта)	0,16-0,08

Ниже залегает пачка озерных песков желтого и белесо-серого цвета. Мощность рыхлых отложений, включающих культурные остатки, 2 м. Все культурные горизонты привязаны к темным гумусированным геологическим слоям, четко выделяющимся в стратиграфическом разрезе и в плане (по структуре и цвету), что позволяет достоверно восановить древний микрорельеф.²

IX культурный горизонт

Находки немногочисленны. В пределах вскрытых 50 м² оля дислоцировались скоплениями вокруг счагов и кострищ (рис.3).

О ч а г - Я I (квадрат 1-в; 2-в,г). Кладка овальной формы размерами 1,00 x 0,80 м вытянута по линии СЗ-ЮВ. Она представляла собой скопление плит известняка и кусков гнейса, выложенных в один слой. Зольник размыт (сохранился в виде сажистых примазок). В 10-15 см к югу от зчага обнаружено скопление изделий из кремня: 3 концевых скребка, 2 призматических нуклеуса, плоскочатый скол и отщеп кремня.

2. Описание горизонтов производится с нижнего, как наиболее древнего слоя.

О ч а г № 2 (квадрат 7-г). Кладка кольцевая, размерами 0,40 x 0,40 м. Сложена из плит гнейса. В южной стороне кладки плиты вкопаны наклонно по отношению к поверхности земли, в остальной части - лежали плашмя, плиты поднятые друг к другу. Зольник размыт. К северу-западу от очага обнаружены 2 призматические пластинки и фрагменты неопределимой кости.

О ч а г № 3 (квадрат 10-г, д). Кладка полукольцевая, охватывала зольное пятно с южной стороны. Очажное пятно вытянуто по линии С-Ю. Размеры 1,00 x 0,58 м. Зольник представлен сажистыми примазками. Вокруг очага обнаружено большое количество рыбьих костей. В зольном пятне - отщепы кремня и призматические пластинки.

К о с т р я щ е № 1 (квадрат 4-г). Зольное пятно округлой формы, 0,40 x 0,40 м. Представлено сажистыми примазками. В кострище зафиксировано 2 призматические пластинки, 1 вкладыш, 2 отщепы кремня и фрагменты битой неопределимой кости.

К о с т р я щ е № 2 (квадрат 5-б, в). Зольное пятно овальной формы, вытянуто по линии СЗ-ЮВ. Представлено сажистыми примазками (углей мало). Размеры 0,90 x 0,52 м. В очажном пятне обнаружено скопление отщепов и пластин кремня.

В IX культурном горизонте зафиксировано: кусков породы - 102, битой речной гальки - 1, предметов, непосредственно связанных с деятельностью человека - 335. Из них: отщепов кремня - 71, кварцита - 9, битого кремня - 5, краевых сколов - 6, подживляющих с базы нуклеуса - 1, пластинчатых сколов - 8 (один из них с галечной поверхностью), призматических пластинок: целых - 15, обломков - 50, отщепов с ретушью - 1, призматических пластинок с ретушью - 7 (1 - с альтернативной ретушью, 3 - с дорсальной и 3 - с вентральной, нанесенной по одному маргиналу), изделий из камня - 20, из кости - 2, остатков фауны - 139.

В IX культурном горизонте обнаружено 5 нуклеусов.

Псевдоклиновидный нуклеус. Контур фронта - треугольный. Правая латераль представлена корковой поверхностью. Латерали дистально конвергентные. Площадка скошенная (к левой латерали) (рис. 4 - 4).

Конический нуклеус с горизонтальной округлой площадкой. Фронт скалывания полузамкнутый (рис. 4 - 3).

Призматические одноплощадочные нуклеусы (2 экз.). Площадки горизонтальные; контур овальный. Негативы снятия параллельные. Поверхности скалывания полузамкнутые (рис. 4 - 2).

Призматический одноплощадочный нуклеус с горизонтальной площадкой. Левая латераль представлена корковой поверхностью. Латерали контрфронтально конвергентные (рис.4 - 6).

Все скребки горизонта (4 экз.) концевые: 3 - на пластинчатых околах (один из них с высоким рабочим краем) (рис.4 - 5, I3) и I - на перьячном (рис.4 - I).

В IX культурном горизонте обнаружено комбинированное орудие - скобель-скребок. Субстратом служил отщеп кремня. Рабочие лезвия расположены по антитезе. Скребокковая часть - с высоким рабочим краем, лезвие скобеля - волнутое (рис.4 - I5).

Все резцы IX культурного горизонта угловые, на обломках призматических пластинок (3 - одинарные, I - двойной) (рис.4 - 7-9, II).

Вкладыши на сегментах призматических пластинок; оформлены краевой вентральной ретушью, расположенной: на одном маргинале - 2 (рис.4 - I6), на обоих маргиналах - I (рис.4 - I0).

В слое обнаружено 2 обломка орудий с неопределенным функциональным назначением.

Изделия из кости представлены 2 обломками рога с продольными надрезами (рис.4 - I8).

УШ культурный горизонт

Находки УШ культурного горизонта располагались равномерно по всей площади раскопа (рис.5). В слое обнаружено два идентичных очага (очаг №1 - квадраты 7,8-г; очаг №2 - квадрат IO-в). Кладки, состоящие из нескольких кусков породы, ограничивали зольное пятно с юго-западной стороны. Зольники плохой сохранности. Размеры очагов: 0,50 x 0,45 м.

В УШ культурном горизонте зафиксировано: кусков породы - 6I, речной гальки - 9, предметов, непосредственно связанных с деятельностью человека, 245. Из них: отщепов кремня - I3, краевых сколов - 3, пластинчатых - 6 (из них 2 - из кварцита), призматических пластинок: целых - 9 и 27 обломков, призматических пластинок с ретушью - 5, отщепов с ретушью - 3, изделий из камня - I9, из кости - I3, остатков фауны - I47.

Призматические пластинки с краевой ретушью, расположенной на обоих маргиналах: 3 - с дорсальной, I - с вентральной и I - с альтернативной (рис.6 - I4).

Все нуклеусы УШ культурного горизонта призматические, одноплощадочные (I - целый и 2 - обломка) (рис.6 - 4). Площадка

целого нуклеуса косяя; контур овальный. Поверхность снятия - полужемкнутая (рис.6 - 1).

Скребки (2 экз.) представлены: концевым с высоким рабочим краем на пластинчатом сколе (рис.6 - 2) и скребком с округлым рабочим лезвием из отщеп кварцита (рис.6 - 3).

Группа резцов состоит из углового на обломке призматической пластинки (рис.7 - 6) и полиэдрического резца на пластине с ретушированными краями. Рабочая часть полиэдрического резца оформлена несколькими сколами, образующими коническое острие с широким лезвием. Конец, противоположный рабочему краю, утончен для лучшего крепления в держателе (рис.6 - 7).

Вкладыши на сегментах призматических пластинок с краевой ретушью: 1 - с альтернативной, 1 - с вентральной, расположенной по обоим маргиналам и 3 - с вентральной ретушью, расположенной на левом маргинале (рис.6 - 5,9-11).

Орудия из кварцита (3 экз.), видимо, выполняли рубящую функцию. Одно из них - из обломка плоской речной гальки - трехугольных очертаний. Углы обработаны бифациально (рис.7 - 9). Два других оформлены односторонними сколами, расположенными на выпуклой стороне гальки (рис.7 - 1). Кроме того, в УШ культурном горизонте обнаружено 2 гальки-отбойника.

Изделия из кости - обломки костяных обойм вкладышевых ножей с одним боковым пазом (4 экз.) (рис.8 - 1-4). На правой щеке одного орудия в 8 мм от обушка расположен неглубокий пропил, видимо, орнаментального назначения (рис.8 - 1).

Обломки рога со следами обработки - 4 экз. (рис.8 - 7) и фрагменты кости с надрезами - 5 экз. (рис.9 - 5,6).

УШ культурный горизонт

Находки слоя располагались равномерно по всей площади раскопа (рис.9). В квадрате 3-д обнаружен очаг. Кладка охватывала зольное пятно полукольцом (в юго-восточной части плиты отсутствовали). Размеры очага 0,50 x 0,70 м. Зольник плохой сохранности. В центре очага обнаружен обломок костяной обоймы с двумя пазами.

В УШ культурном горизонте зафиксировано: кусков породы - 612, речной гальки - 27, битой гальки - 61, плиток песчаника - 8, предметов, непосредственно относящихся к деятельности человека - 170. Из них: отщепов кремня - 5, кварцита - 9, краевых сколов - 3, пластинчатых - 2, призматических пласти-

нок: целых - 8 и 5 обломков, 4 гальки-отбойника, изделий из камня - 14, из кости - 8, остатков фауны - 117.

Все нуклеусы призматического принципа скалывания (4 экз.).

Бифронтальный одноплощадочный, латерально плоский призматический нуклеус. Площадка горизонтальная; контур прямоугольный. Латерали частично пришлифованы (рис. 10 - 7).

Бочонкообразный нуклеус с двумя полюсными площадками. Площадки округлые. Контур поверхности скалывания замкнутый (рис. 10 - 8).

Обломок одноплощадочного призматического нуклеуса с дорсально конвергентными латеральными. Площадка косая. Поверхность снятия распространяется и на левую латераль (рис. 10 - 9).

Заготовка одноплощадочного призматического нуклеуса.

Проколка на пластинчатом скеле. Лезвие, расположенное на дистальном конце, обработано крутой дорсальной ретушью, заходящей на маргиналы пластины (рис. 10 - 6).

Вкладыши на обломках призматических пластинок: с дорсальной краевой ретушью - 5 (на левом маргинале - 2, на обоих маргиналах - 3), с вентральной краевой ретушью - 3 (ретушь на обоих маргиналах) (рис. 10 - 1-5).

Орудие из окатанного куска кварцита (скребловидное - ?). Поверх более ранних (окатанных) сколов нанесены новые, образующие рабочее лезвие. Обработка односторонняя (рис. 10 - 10).

Изделия из кости. Обломки костяных обойм вкладышевых рудий (ножей) с двумя боковыми пазами - 2 (рис. 11 - 1,5) и с одним пазом - 1 (рис. 11 - 6); фаланга млекопитающего со срезанной поверхностью (рис. 11 - 3); обломок орудия типа ложила (рис. 11 - 4) и фрагменты трубчатой кости со следами обработки - 3 (рис. 11 - 2).

Археологические материалы IX-УП культурных горизонтов многослойного поселения Итырхей по своему номенклатурному составу и морфологии близки между собой (большой процент призматических пластинок и изделий из них: вкладыши, резцы на углу сломанных пластин, призматические одноплощадочные микронуклеусы, концевые скребки, костяные обоймы составных орудий и изделия из кусков кварцита и речной гальки).

В культурно-историческом отношении нижние комплексы Итырхей обнаруживают типологическое сходство с рядом мезолитических

стоянок Прибайкалья и, прежде всего, о Улан-Хадой (XI слой), с Сармой (нижний горизонт) и Царь-Девичей (III слой) (отсутствие керамики, преобладание призматических пластинок, многофасеточные резцы, резцы на углу сломанных пластин, клиновидные и призматические микронуклеусы). Данное обстоятельство позволяет отнести IX-УП культурные горизонты поселения Итырхей к последнему этапу мезолита и ориентировочно датировать УI-У тыс. до н.э. (Медведев, 1971; Сванин, 1971; Хлобыстин, 1965).

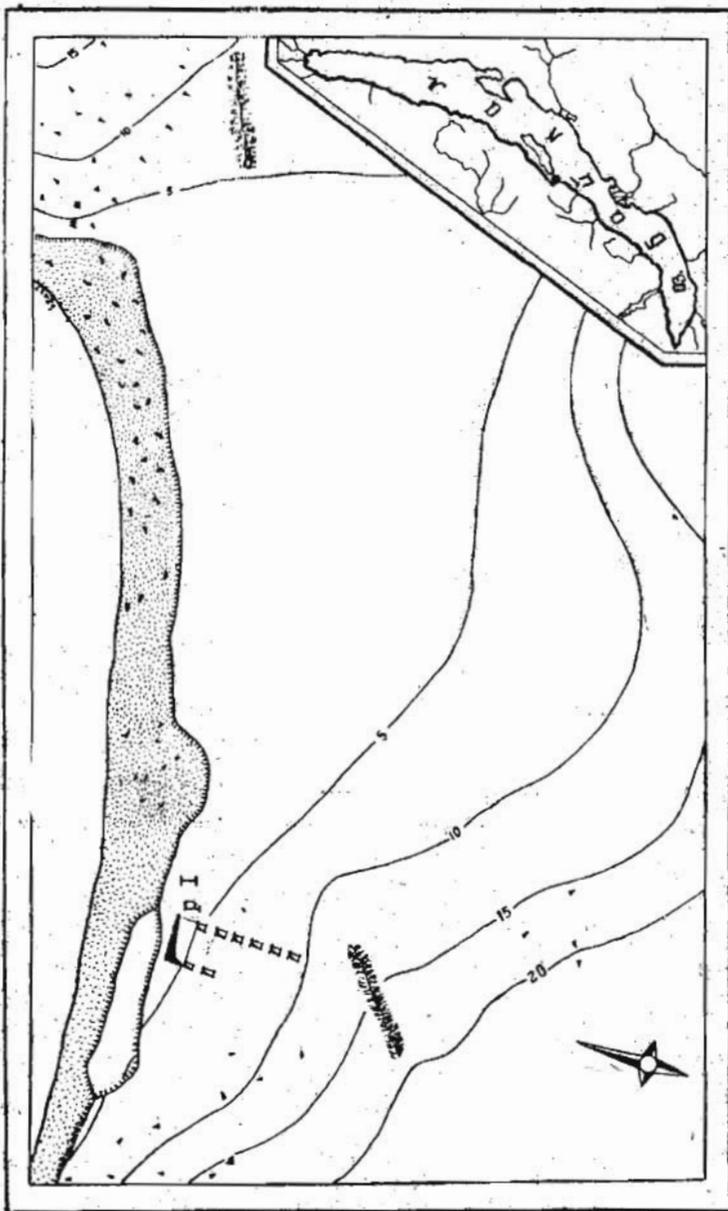

Рис. 1. Топографический план бухты Иырьей

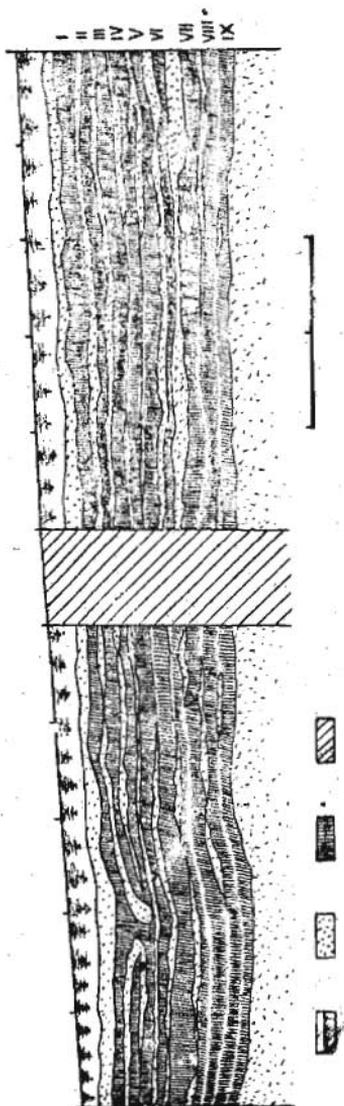

Рис. 2. Стратиграфический разрез южной стенки раскола

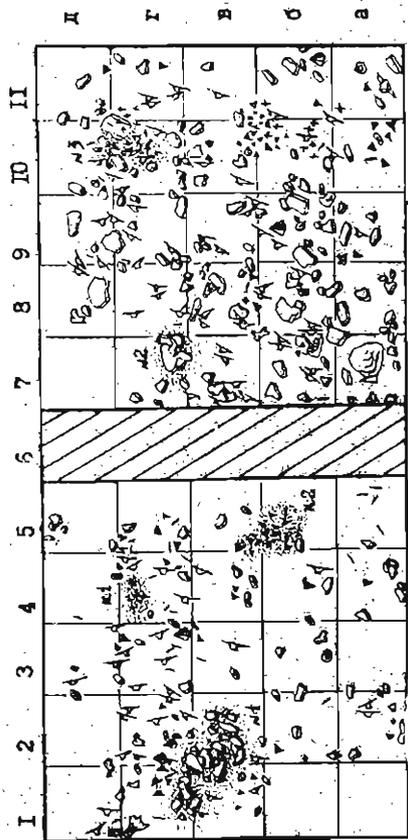

Рис. 3. План IX культурного горизонта поселения Илюхий

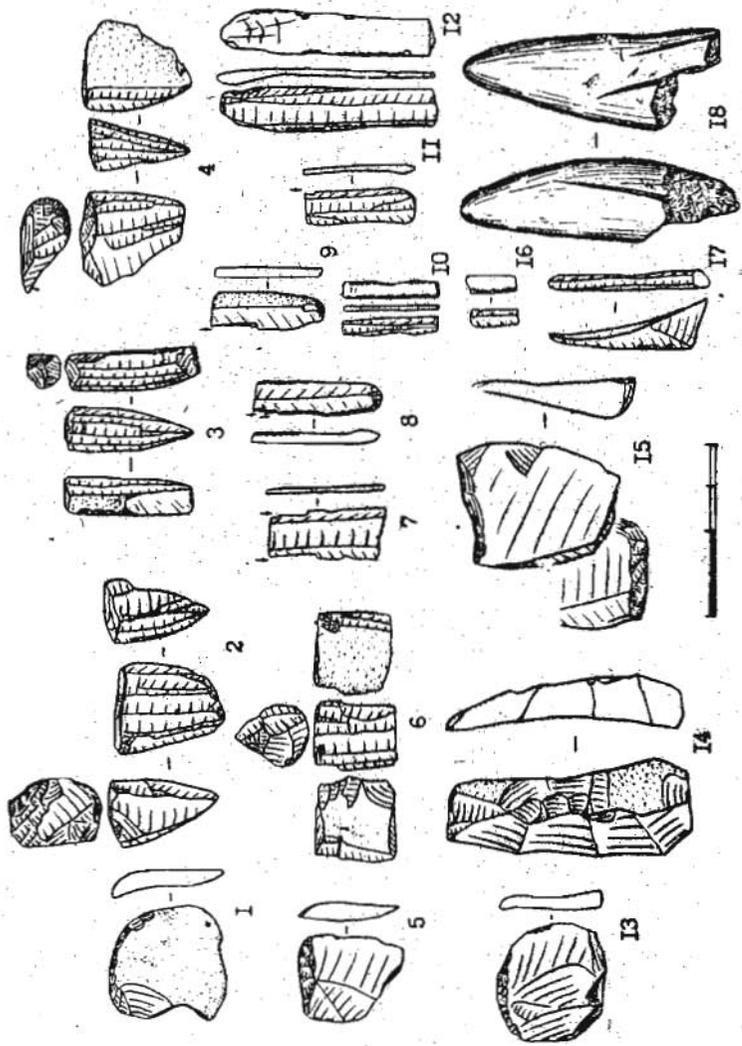

Рис. 4. Инвентарь IX културно-исторического горизонта поселения Итурхай

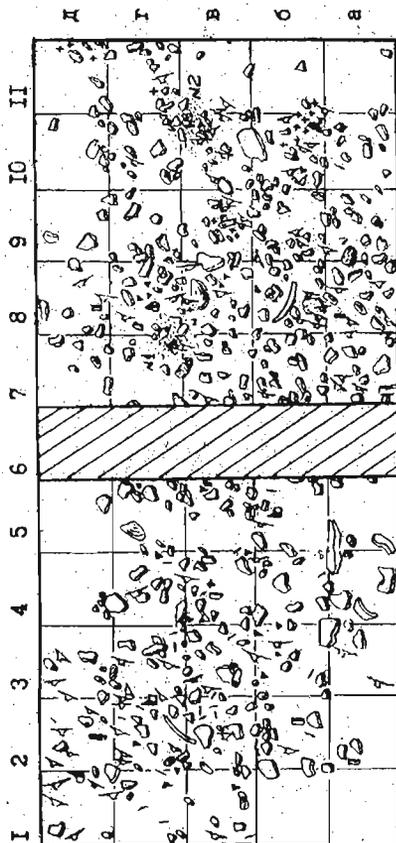

Рис. 5. План VII культурного горизонта поселения Ичней

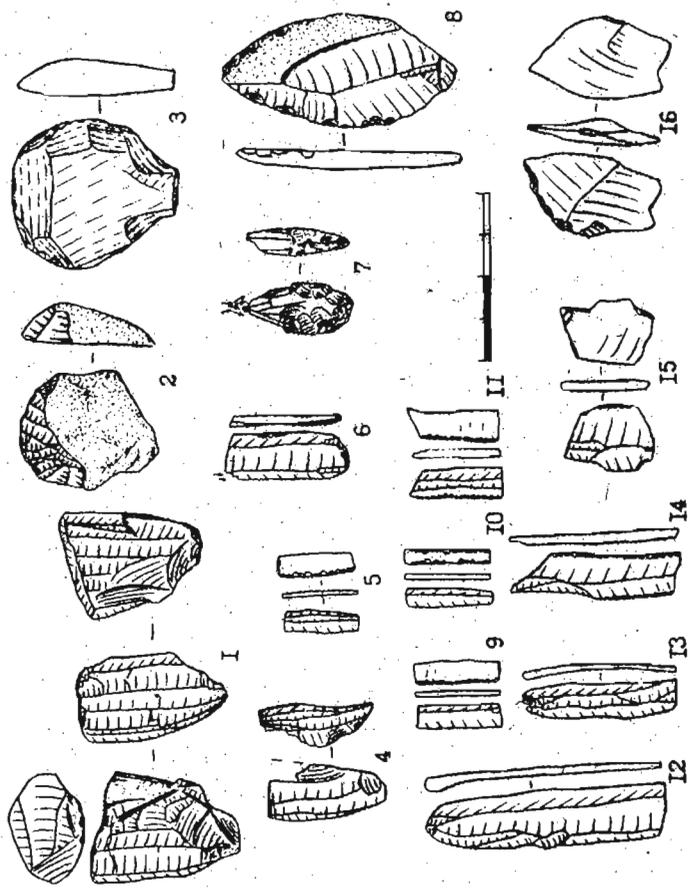

Рис. 6. Каменный инвентарь УИ культурного горизонта (Итхей)

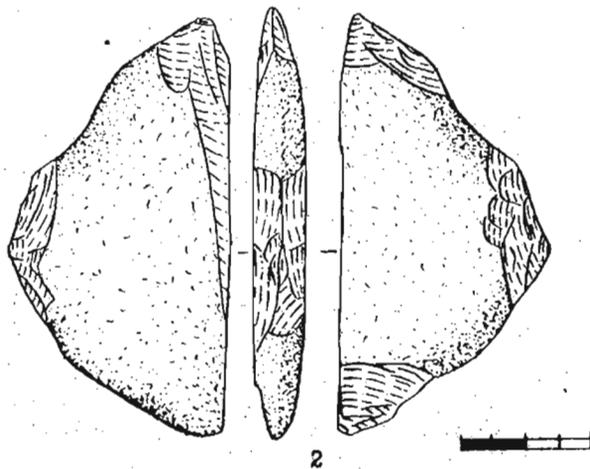
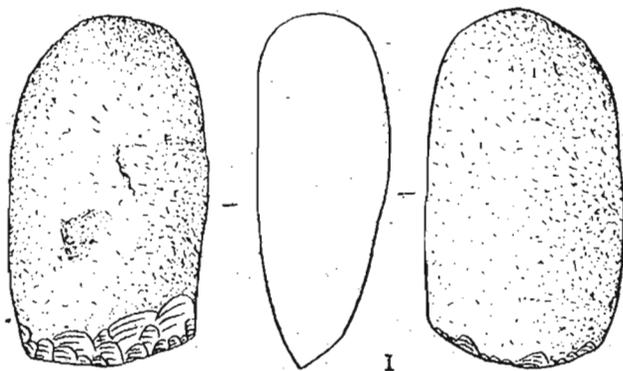

Рис. 7. Каменный инвентарь УШ культурного горизонта (Итирхей)

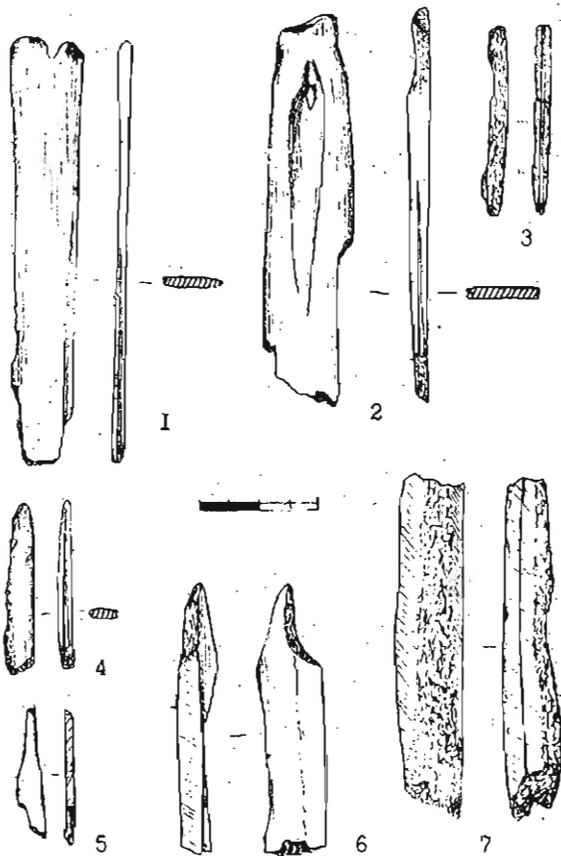

Рис. 8. Костяные изделия УШ культурного горизонта (Итырчев)

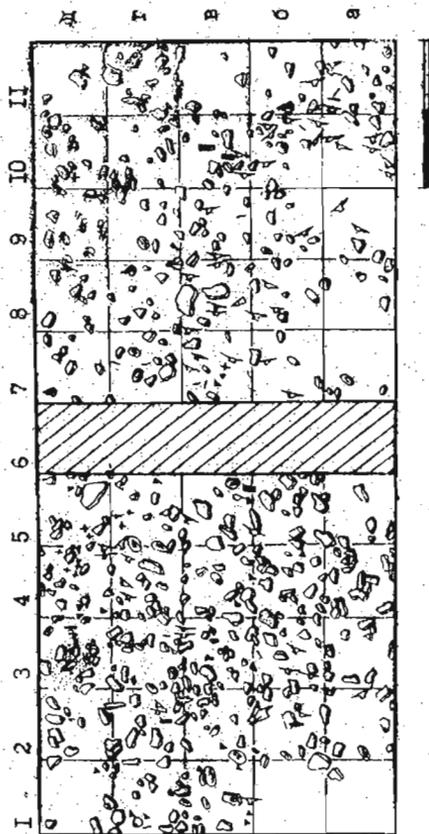

Рис. 9. План II культурного горизонта поселения Итжики

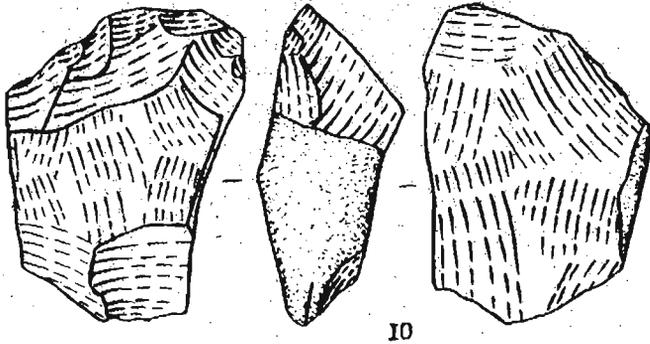
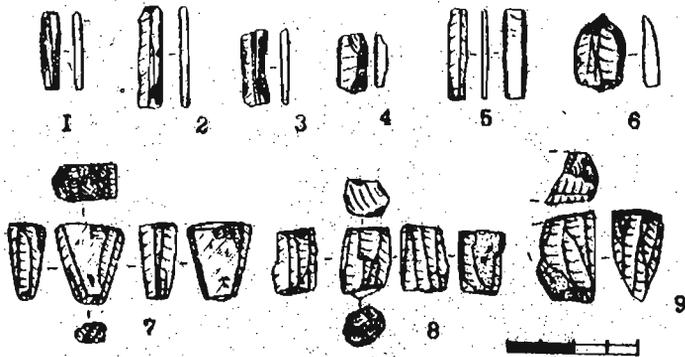

Рис. 10. Каменный инвентарь III культурного горизонта (Втирхей)

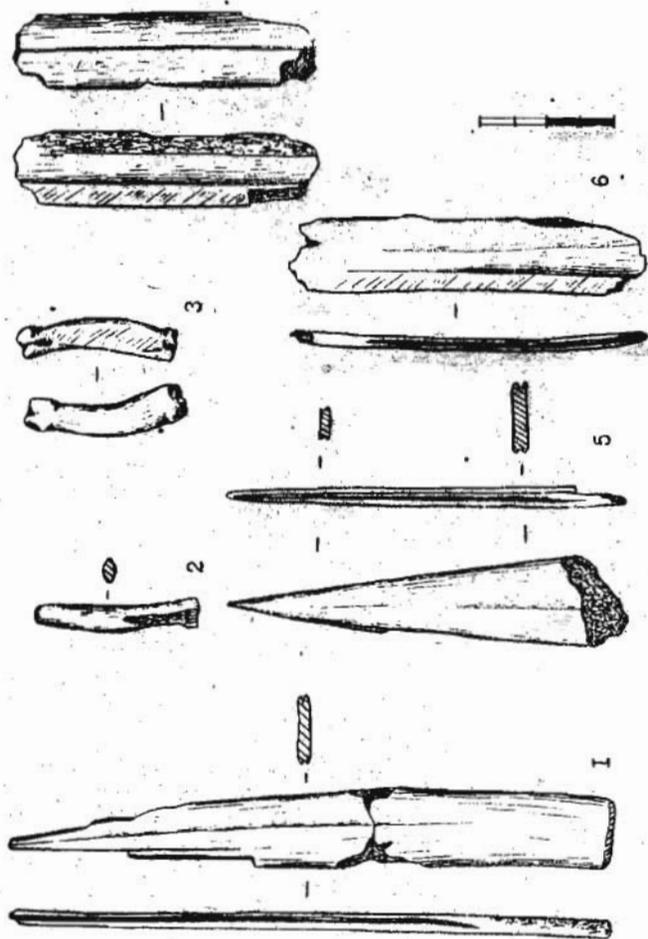

Рис. II. Костяной инвентарь УП культурного горизонта (Литырск.)

Условные обозначения к рисункам 3, 5, 9

 - 1	 - 13	 - 26
 - 2	 - 14	 - 27
 - 3	 - 15	 - 28
 - 4	 - 16	 - 29
 - 5	 - 17	 - 30
 - 6	 - 18	 - 31
 - 7	 - 19	 - 32
 - 8	 - 20	 - 33
 - 9	 - 21	 - 34
 - 10	 - 22	 - 35
 - 11	 - 23	 - 36
 - 12	 - 24	 - 37
	 - 25	

1 - фрагменты керамики	20 - костяное орудие типа ложила
2 - венчики сосудов	21 - остерженок составного крючка (из кости)
3 - скребловидное орудие	22 - полукольцо
4 - нож	23 - битая галька
5 - скрабок	24 - речная галька
6 - тесло	25 - куски гнейса
7 - грузило	26 - плитки песчаника
8 - наконечник стрелы	27 - битая кость
9 - проколка, провертка	28 - жженная кость
10 - резец	29 - раковина
11 - галька-отбойник	30 - рыба чешуя
12 - нуклеус	31 - отдельные зубы
13 - вкладыш	32 - эпифизы
14 - отщеп	33 - лопатка
15 - призматические пластинки	34 - рог
16 - битый кремь	35 - челюсть
17 - орнаментированная кость	36 - фаланга
18 - костяная игла	37 - позвонок
19 - обоймы костяных вкладыше-ных орудий	

И. А. Келленко

ВЕРХОЛЕНСКАЯ ГОРА II

(результаты исследований 1959, 1966 гг.)

Мезолитическое местонахождение Верхоленская Гора II — памятник сравнительно новый, не получивший еще освещения в археологической литературе. Он находится на удалении в 500–600 м (С–СЗ) от раскопов Б.Э.Петра (Верхоленская Гора I) на самой вершине горы одноименного названия на 70-метровых высотах отметках над урезом р. Ангары у борта старой каменоломни (рис. I).

Верхние участки впервые были исследованы археологическим отрядом Братской геолого-палеонтологической экспедиции Восточно-Сибирского филиала АН СССР под руководством М.М.Герасимова в 1959 г. Здесь был заложен небольшой разведочный раскоп и ряд шурфов. Специального описания результатов работ сделано не было.

Исследование местонахождения было продолжено Ангарским археологическим отрядом Иркутского государственного университета в 1966 г. (Медведев, 1967). К раскопу 1959 г. с севера и с юга были прирезаны два участка с непосредственными выходами в каменоломню. Общая площадь поверхности, вскрытой тремя раскопами, составила таким образом 78 м². Кроме этого на С–В от раскопа был заложен шурф, а также произведено несколько зачисток обнажения борта каменоломни, которая более чем на 50% уничтожила памятник, но в то же время создала благоприятные условия для изучения его стратиграфия.

Стратиграфия отонки на участке раскопов представляется следующей (рис. 2):

Сверху вниз:	Мощность в м
1. Наброс мусора от окружающих работ во время существовавшая каменоломня	различной мощности
2. Почвенно-растительный горизонт	0,10
3. Темно-серая оглиненная супесь	0,10-0,15
4. Желто-бурый плотный суглинок, при выношении выступают легкие, рассеянные пятна карбонатных вклучений	0,38-0,40
5. Охристый, оглиненный песок (кровля коры выветривания коренных пород)	0,10-0,50
6. Мелкие плитки песчаника (подшва коры выветривания)	0,30-0,60
7. Поколь, олоденный песчаниками юрского возраста, видимая мощность	до 5,00

Культурные остатки заключены в отложенных слоя 4 на глубине 38-60 см от поверхности. Так как коренные породы, сложенные красными песчаниками, в древности подверглись интенсивному растрескиванию при участии процессов промерзания, в результате чего произошло отседание отдельных крупных блоков¹, то в местах трещин² отмечается затекание рыхлых отложений, а вместе с ними - культурных остатков на глубину от 0,80 до 1,10-1,20 м, перекрытых мощным слоем погребенной почвы голоценового возраста.

На ровных участках блоков и в рывинах, образованных по трещинам, было зафиксировано два уровня находок, которые рассматриваются нами как различные уровни едавого культурного горизонта. Сделать это предварительное заключение позволила сле-

1. Точка зрения о том, что древний рывинный макро рельеф памятника связан с отседанием коренных пород, была высказана геологами Н.А. Логачевым и С.И. Пейтлинным. Того же мнения придерживается Г.И. Медведев (1968).

2. Ширина отдельных трещин по замерам между скальными стенками более 2 м.

лучшие наблюдения: во-первых, оба уровня находок в ритвинах залегают непосредственно под погребенной почвой в одинаковом по окраске и структуре слое желто-бурого суглинка, вмещающем и культурные остатки на ровной поверхности блоков; во-вторых, разница между верхним и нижним уровнями находок на ровной поверхности блоков не превышает 20 см и четкой (стерильной) границы между ними не прослеживается. Находки зафиксированы по вертикали от верхней границы залегания на глубине в 5,8, 16 см; в-третьих, изделия, найденные на этих уровнях, типологически не различаются и представляют единый археологический комплекс.

Находки в слое по всей площади раскопов располагаются неравномерно, небольшими скоплениями (рис.3). Но при слабой насыщенности культурного слоя содержание изделий из камня и пластика составляет 21,14% от числа найденных предметов (560 единиц)³.

В составе каменного инвентаря - нуклеусы, пластины, ножи, резцы. В единственном числе найдены скребок, скобель, долотообразный инструмент из кремния, чопсер, галька-отбойник, скребло, найденное в обломках, по которым трудно судить о действительной форме орудия.

Группа нуклеусов немногочисленна (9 экз.). Она представлена двумя призматическими, четырьмя клиновидными (рис.4 - 2), двумя обломками нуклеусов, нуклеусом из крупной гальки в начальной стадии расщепления (рис.5). Все они - вариации типов нуклеусов параллельного принципа скалывания, встречающихся на Верколенской Горе I.

Двухплощадочный призматический нуклеус из плитки аргиллита в начальной стадии расщепления (рис.4 - 3) представляет собой пример использования не требующего трудоемких операций подготовки нуклеуса к скалыванию доминирующего природного сырья - аргиллита.

Особо олеует отметить нуклеус из гальки кремнеолой породы с единственным негативом широкого скола (рис.5). На дистальном конце нуклеуса имеется ряд звездчатых выбоин. Можно предполагать, что данный нуклеус первоначально выполнял функции отбойника. Небольшой процент в инвентаре составляют пластины кремнистого оленца (рис.6 - 1,2).

3. В статье суммарно рассматриваются материалы исследований 1966 и 1959 гг.

Среди орудий из камня группа ножей - наиболее многочисленная (более 20 экземпляров целых и представленных в обломках орудий) и обращает на себя внимание разнообразием форм (рис.6 - 6; рис.8 - 2). Часть ножей найдена в обломках, по которым легко судить о величине орудий. Большинство ножей представляет собой различные модификации знаменитого верхоленского "улу" (рис.7 - 1,2; рис.8 - 1,3).⁴ Все они изготовлены из плиток кремнистого сланца. Размеры ножей различны: от 6 до 12 см в длину и от 3 до 7 см в ширину. Лезвия сформированы плоской стелюшей ретушью. В ряде случаев кромка лезвия подправлена мелкой отжимной ретушью с целью выравнивания рабочего края. На некоторых орудиях ретушь нанесена только с одной стороны лезвия. Степень обработки и ее тщательность у различных экземпляров ножей неодинакова. С особой тщательностью обработан обычно рабочий край, в то время как остальная поверхность большинства орудий оформлена несколькими крупными околами или иногда совершенно необработана, что допускает плитчатая структура поделочного материала - аргиллита. Обушком орудия часто служит естественная корка сырьевого материала. Иногда часть стелющихся сколов нанесена со стороны обушка с целью выравнивания и уплощения боковых граней. Нередко края обушка заматы мелкой отжимной ретушью с целью притупления или на них имеется забитость. Но всей вероятности эти ножи были снабжены рукоятками.

Резцы представлены двумя выразительными экземплярами трансверсальных резцов. Оба они изготовлены из пластин и оформлены характерным резцовым сколом, пересекающим пластину

4. Из всей массы овальных скребел - орудийного компонента верхоленского комплекса - выделены двусторонне обработанные экземпляры с полукруглым выпуклым лезвием, которые были определены как ножи (Медведев, 1961). Применение термина "ножи" для данной категории орудий является условным. Оно основывается на характере двусторонней обработки, создающей у орудия симметричный в сечении, тонкий режущий рабочий край, а также на особой полудунной форме орудий. Эти ножи как морфологически, так и по целевому назначению сравнивались с женскими эскимосскими ножами "улу" или "уляк" (Руденко, 1947; Окладников, 1959; Арутюнов, Сергеев, 1969 и др.). Учитывая большое их сходство, вплоть до тождества данных орудий с ножами северных народов, надо полагать, что они составляют группу универсальных скребуших и режущих орудий (что также доказывают и следы употребления их в работе, обнаруженные с помощью биверкуляра).

наискось справа налево. Края пластин обработаны мелкой при-
тупляющей ретушью (рис.6 - 3,4).

Скрёбок вытянутой неправильной овальной формы изготовлен
из плитки кремнястого сланца. Имеет выпуклов лезвие, тща-
тельно оформленное односторонней крутой ступенчатой ретушью, на-
несенной по всему периметру заготовки (рис.4 - I). Близкие по
морфологии скрёпки были известны и ранее на Верхоленской
Горе I.

Долотообразный инструмент из широкого пластинчатого от-
щепя черного кремня с лезвием, оформленным тщательной плоской
двусторонней ретушью, можно отнести к категории орудий из пла-
стия и отщепов с концевой подтеской piece e'caille (рис.6 -
5).

Орудие, типологически относимое к чопшигам, изготовлено
из плоской гальки кремнедой породы. Слегка скошенное лезвие
срудия, оформленное крутой ретушью, занято от ударов (рис.9).

Подавляющее число находок - отщепы и обломки кремнисто-
го сланца и кварцита. На некоторых пластинках и отщепях замет-
ны следы использования в работе без специальной подготовки.
В большом количестве встречаются бессистемно оббитые плитки
аргиллита. Обломков и заготовок орудий найдено немного.

Остатки фауны на памятнике Верхоленская Гора II представ-
лены двумя небольшими фрагментами трубчатой кости некрупного
млекопитающего. Изделий из кости не обнаружено.

В целом каменный инвентарь, собранный на Верхоленской
Горе II типологически можно сравнить с комплексом нижних го-
ризонтов Верхоленской Горы I, зафиксированных здесь в свое-
образных трещинах (Аксенов, 1966). На это указывает значи-
тельная однородность сырьевого материала - аргиллита, боль-
шой процент ножей из плиток и отщепов, малое число призматиче-
ских пластин. А тот факт, что находки не встречаются на
глубине, не превышающей 36 см от поверхности можно рассмат-
ривать как признак отсутствия аналога I культурному гори-
зонту Верхоленской Горы I, а отсутствие керамики и наличия
более поздних эпох - как свидетельство в пользу существо-
вания "чистого" мезолитического комплекса, возраст которого может
быть определен пока весьма приблизительно - в рамках равне-
го - среднего отдела мезолита. Для уточнения возраста куль-

турных остатков и объективной корреляции горизонтов двух памятников необходимо продолжить исследования на Берколенской Горе.

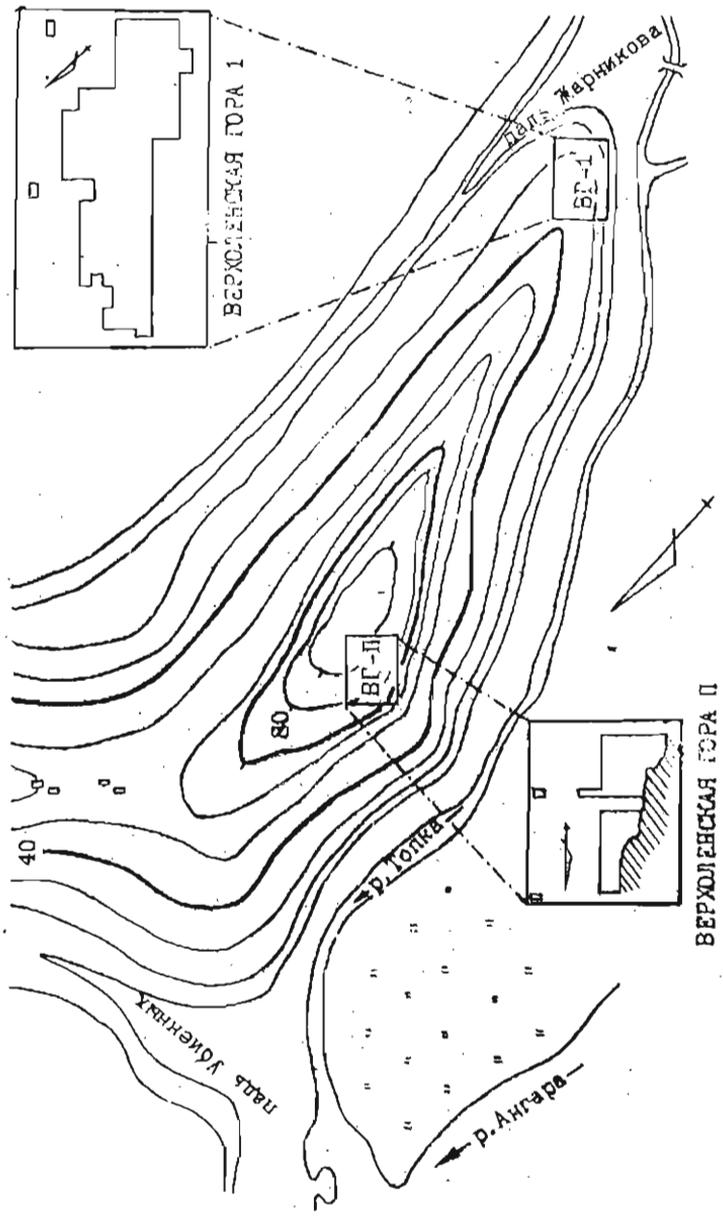

Рис. 1. Верховенская Гора. План местности

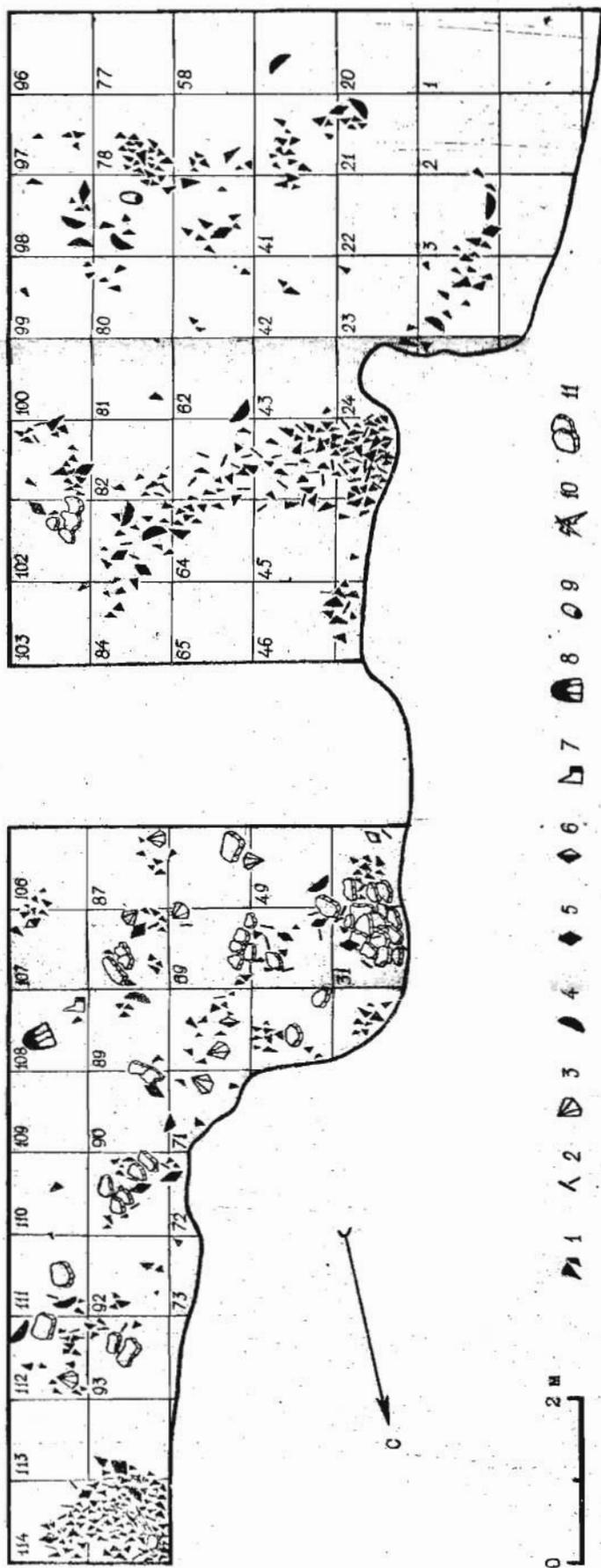

Рис. 3. Верхневолынская Гора II. План культурного горизонта

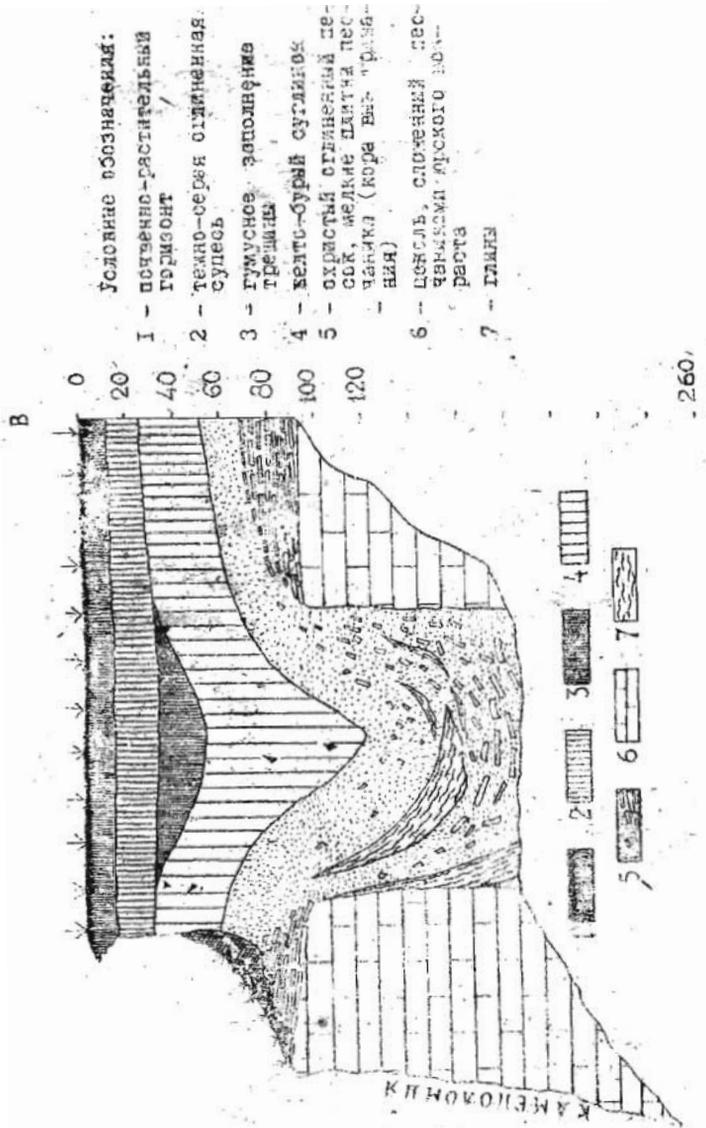

Рис. 2. Верхленоккая Гора П. Стратиграфический разрез

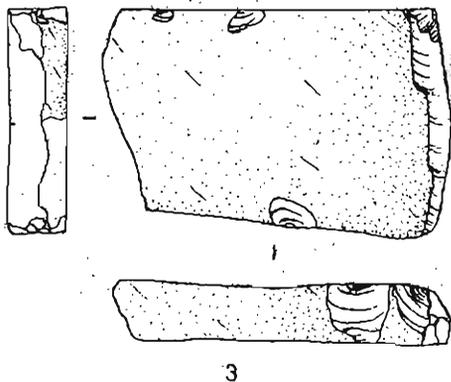
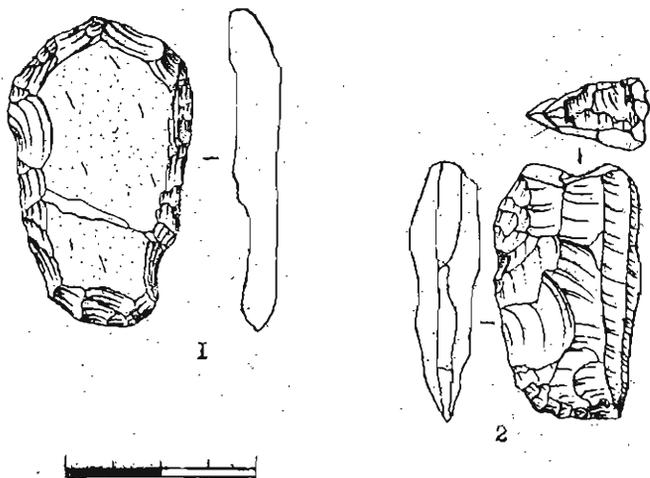

Рис. 4. Верходонская Гора II:
 1 - скребок; 2,3 - нуклеусы

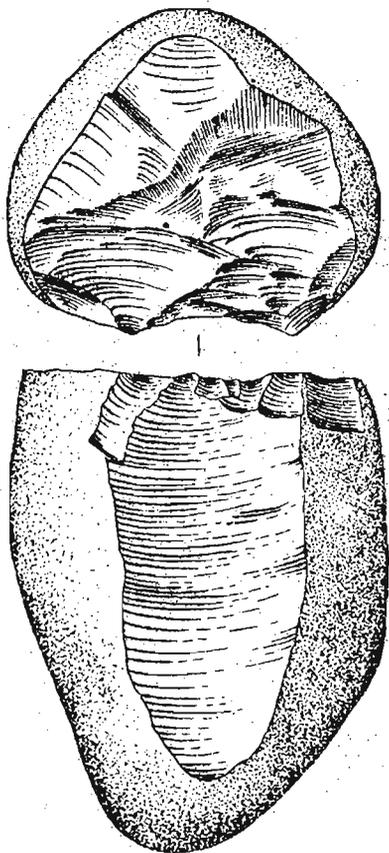

Рис. 5. Вархолонская Гора II.
Нуклеус

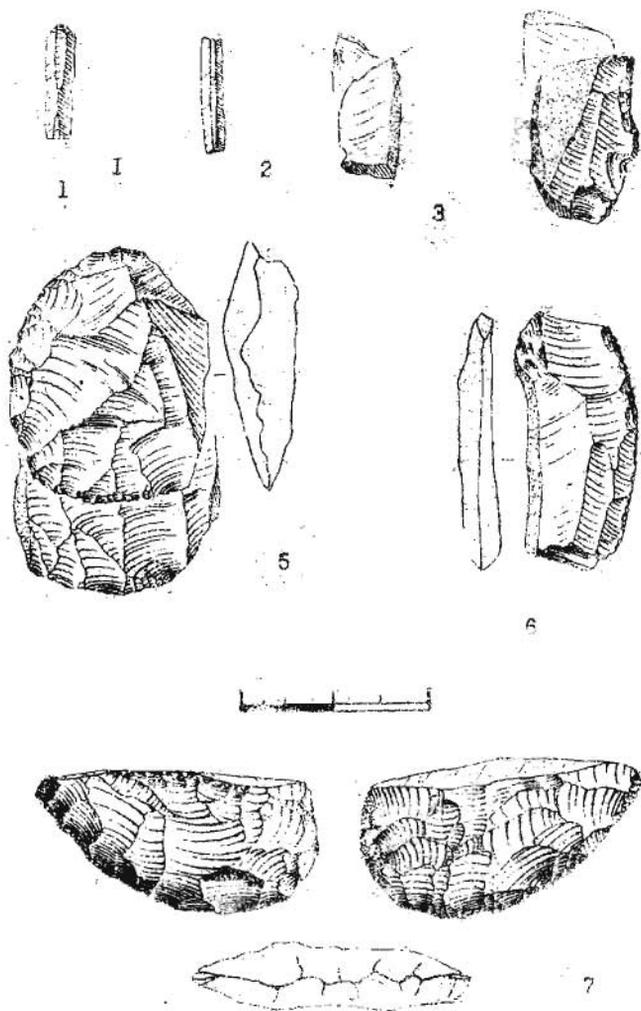
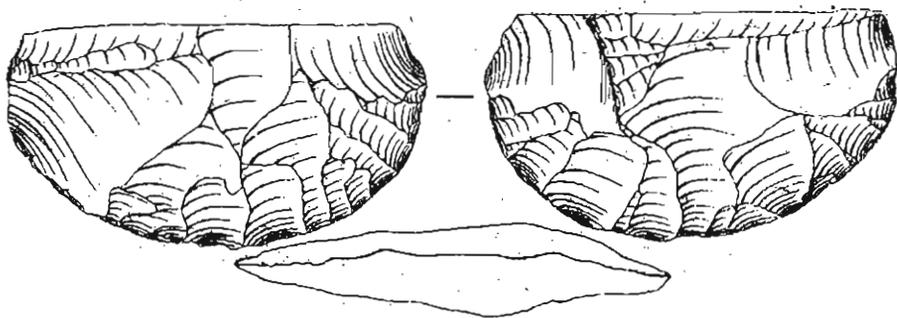
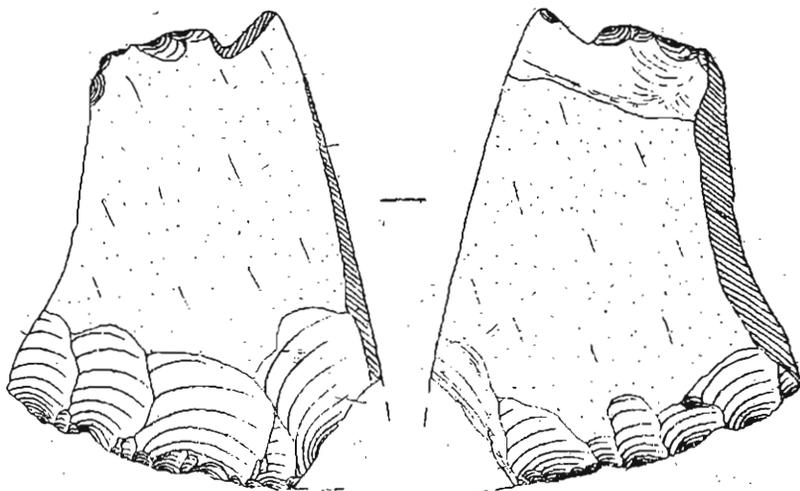

Рис. 6. Верховенная Гора II:
 1, 2 - пластины; 3, 4 - резцы

1

2

Гис. 7. Бердзюнская Гора II. Ноги "улу"

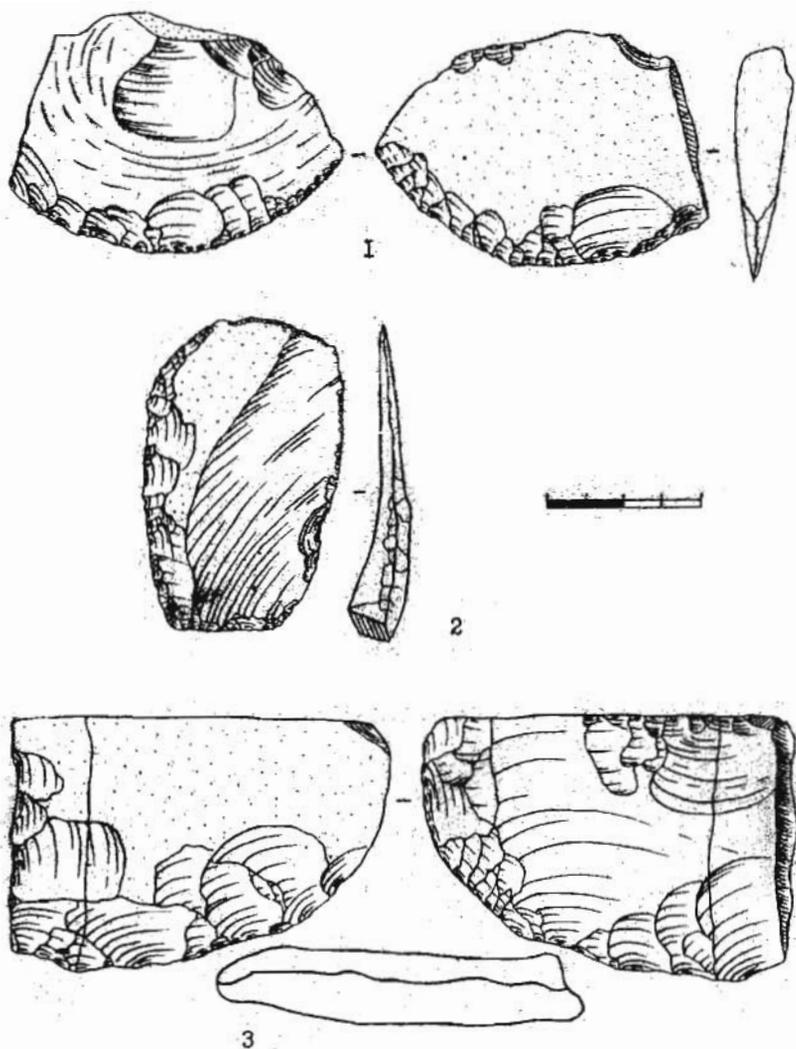

Рис. 8. Верхоленская Гора II. Ножи

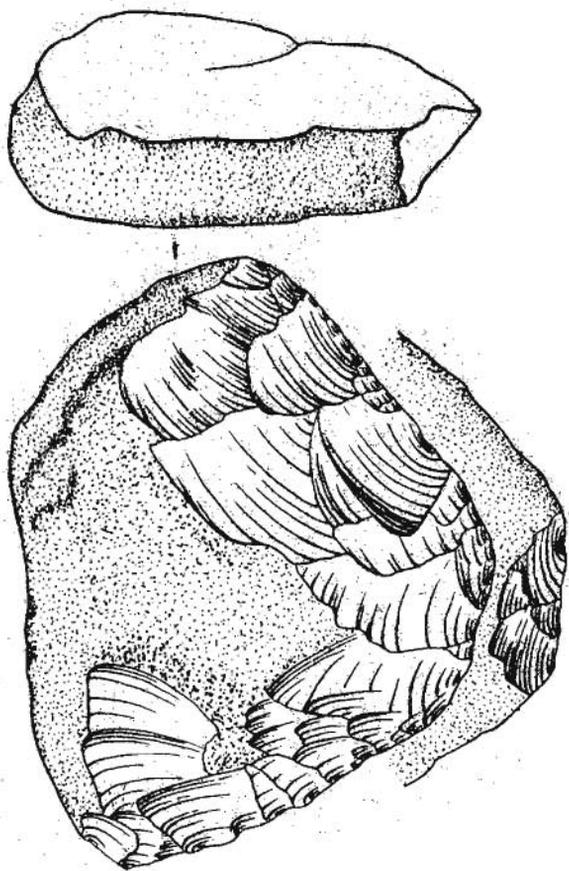

Рис. 9. Верхотенская Гора Д. Чопкинг

А.М.Георгиевский, В.С.Зубков,
О.А.Роговской

К АРХЕОЛОГИИ ДОЛИНЫ РЕКИ ИЛИМА

После археологических изысканий Я.Н.Ходукина в 1926 г. и Г.Ф.Дебеца в 1931 г. на стыке верхнего и среднего течения р.Илима в долине этого своеобразного притока р.Ангара исследования практически не проводились вплоть до 1960 г., когда историко-этнографической экспедицией Иркутского государственного университета под руководством П.П.Хороших был открыт один из важнейших памятников первобытности — многослойное поселение в устье р.Тушамы.

Затем в августе 1961 г. ангаро-илимским археологическим отрядом Иркутского университета и областного краеведческого музея была произведена разведка на участке долины р.Илима от пос.Илимск до устья р.Илим и далее до пос.Невин на р.Ангаре.¹

Разведка проводилась специально в плане будущего археологического изучения зоны затопления Усть-Илимского водохранилища. В задачу ставилась фиксация, определение научной значимости и установление размеров полезной раскопной площади древних памятников, как известных ранее, так и открываемых впервые. Впервые в археологическом отношении была обследована долина

¹ Отряд работал в следующем составе: начальник отряда — Г.И.Медведев, научные сотрудники — М.П.Аксенов, Г.М.Зайцева, Н.Н.Шербаков, Ю.А.Егоров, О.А.Роговской.

р.Илима в нижнем его течении. Отрядом было обследовано свыше 28 разновременных памятников, из которых 20 обнаружены впервые (рис.1).

Результаты этой разведки в значительной мере определили в районе последующих поисков и выбор объектов для раскопчных работ, особенно в направлении изучения каменного века р.Илима. По рекомендациям археологической лаборатории Иркутского университета производились стационарные исследования на многослойных поселениях в устьях рр. Тушамы и Игирмы силами Усть-Илимской археологической экспедиции Сибирского отделения АН СССР (Васильевский, 1970; Васильевский, Аксенов, 1971; Васильевский, Бурилов, 1971). Эти памятники являются в настоящее время опорными для долины р.Илима.

Нам кажется, что краткое изложение результатов разведки, предваряющее монографические публикации материалов илимских древностей, вполне оправдано как в чисто историографическом, так и в научном плане. К уже известным ранее археологическим памятникам долины р.Илима (Ходукин, 1928; Окладников, 1939) в итоге разведки 1961 г. добавились:

1. Стоянка в 3 км ниже пос.Илимск на 8-метровой правобережной террасе р.Илима.
2. Верхне-Боярская. Расположена на скальном павесе в 3 км ниже одноименного ручья на правом берегу р.Илима.
3. Оглоблинская - на правом берегу р.Илима на 9-12-метровой террасе против д.Оглоблино.²
4. Усть-Семеновская - на правом берегу ручья Семеновского в его устье, на 9-12-метровой террасе.
5. Бескерамические стратифицированные комплексы в устье р.Игирмы: 1) на правом берегу р.Илима в основании толща голоценового ледовика у тылового шва I террасы; 2) на правом берегу р.Игирмы в ее устье, "у брода".
6. Ручей Сухой - вблизи ручья в 3 км ниже устья р.Игирмы.
7. Ярско-Корабельщяково - в 1 км выше д.Ярско-Корабельщяково на правом берегу р.Илима.
8. Романовская - на левом берегу р.Илима против д.Романово на 9-12-метровой террасе.

² На левом берегу р.Илима в 1 км от д.Оглоблино были сделаны находки Я.Н.Ходукиным (Ходукин, 1928).

9. Макаевская - на 9-12-метровой террасе против д. Макаево.

10. Балаганов Яр - в 2 км ниже с. Ступино у Балаганово Яра. Находки собраны в 3 пунктах: на 6-8-, 9-12- и 35-метровой террасах правого берега р. Илама.

11. Коробейниково - на правом берегу р. Илама в 2 км ниже д. Коробейниково против острова на 8-метровой террасе.

12. Речка Талая - на правом берегу р. Талой, впадающей с левой стороны в р. Илам, в 1,5 км ниже д. Коробейниково.

13. Чернореченская - на 9-12-метровой террасе ниже р. Черной, правого притока р. Илама, у охотничьего зимовья.

14. Мезолитическое местонахождение в 500-700 м вниз по р. Илим от устья р. Черной против урочища "Обрск". Памятник получил наименование Качинский Яр.

15. Корсуково - в 2 км ниже д. Корсуково против устья р. Тубы, на левом берегу р. Илама на 10-12-метровой террасе.

16. Сотниково - в 2 км выше с. Сотниково на 9-12-метровой террасе р. Илама.

17. Гремячинское - в 2 км выше д. Бубново на правом мысу ручья Гремячего на 17-18-метровой террасе.

18. Бубновский Порог - на 9-12-метровой террасе в 400 м ниже Бубновского порога на правом берегу р. Илама.

19. Симахинский Порог - 2 пункта: 1) ниже Симахиноского порога на 10-12-метровой террасе выше ручья Гремячего; 2) на 8-9-метровой террасе ниже этого же ручья.

20. Палеолитическая стоянка - на высокой террасе против д. Сизово на одновременном острове.

Археологические находки с указанных пунктов, представленные главным образом подъемными сборами и материалами из вачисток, шурфов, характеризуют материальную культуру населения в долине р. Илама в широком хронологическом диапазоне от позднего палеолита до эпохи палеометалла и указывают на большое количество разновременных археологических памятников.

Предметом нашего внимания в настоящей статье являются только пять местонахождений, содержащих остатки материальной культуры обитателей долины р. Илам в донеолитическое время.

К а ч и н с к и й Я р. В основании 35-метровой террасы правого берега р. Илама, сложенной красно-бурыми плотными супесями собран подъемный материал мезолитического облика: нуклеус од-

одноплощадочный бифронтальный из куска траппа (рис.2 - 1) и бифациально обработанное изделие (рис.2 - 2). Предмет сильно окатан.

Г р е м я ч и н с к о е. На 17-18-метровой террасе на глубине 40 см в слое серого песка найдены отщепы траппа. Осмотр обнажения на большом расстоянии не дал находок, ни более поздних, ни более ранних. В осыпи обнажения обнаружены отщепы, пластины, скребок из отщепа траппа и наконечник дротика (стрелы?) с черешковым насадом, изготовленный из светлого роговика (рис.2 - 3). Эти предметы, несомненно, относятся к выявленному слою.

Б у б н о в с к и й П о р о г. Поверхность правобережной 9-12-метровой террасы р.Илима в районе Бубновского порога примерно на 1,5-2 км занята пашней. Вся пашня двумя промоинами разделена на три части. Многочисленные находки собраны на средней пашне.

По всей поверхности средней пашни большими пятнами были рассеяны громадные отщепы и желваки траппа и порфиритового диабаз. Проведенная зачистка показала, что на глубине 20 см от современной поверхности лежит нетронутый слой (остаток слоя) мощностью 5-8 см, содержащий массивные отщепы. Первоначальная глубина залегания слоя была, видимо, 40 см. Керамика ни в слое, ни в подъемных сборах не обнаружена. Коллекция изделий из камня весьма разнообразна. Наиболее интересны следующие предметы: 1. Тесло с "перехватом" из кварцитовидной гальки, унифациально обработанное, зерцало сохраняет галечную корку. "Перехват" выражен слабо. Подобные тесла встречены в мезолитических комплексах верхней Ангары и Лены (рис.2 - 5); 2. Тесло из диабазового порфирита, в сечении треугольное. Вся поверхность тесла обработана ударной ретушью (рис.3 - 4); 3. Бифациально ретушированный нож (вкладыш?) с полунульным лезвием (рис.2 - 4); 4. Массивные одноплощадочные монофронтальные нуклеусы из желваков траппа (рис.3 - 3); 5. Обломок бифациального изделия (рис.2 - 6). В коллекции имеются также микропластины из траппа и кремня, крупные сколы с рабочей ретушью. Основную же массу находок составляют массивные сколы траппа и диабаз.

С и м а х и н с к и й П о р о г. Ниже Симяхинского порога на 10-12-метровой террасе правого берега р.Илима, выше ручья Гремячего и на 8-9-метровой террасе ниже ручья был со-

бран подъемный материал. Выше ручья на обоих уровнях заложено 2 шурфа.

В шурфе №1 на 8-9-метровой террасе культурный слой лежит на глубине 50 см в супеси красно-бурого цвета. Подстилает ее слой плотной серой супеси с включениями известки. Отдельные находки проникают на глубину до 1 м.

В шурфе №2 на 10-12-метровой террасе слой зафиксирован на глубине 40 см на границе серой и красной супеси, захватывая по 5 см той и другой.

В слое и в подъемных сборках найдены только предметы из камня, относящиеся к единому культурному комплексу, к анализу которого мы и перейдем.

Подавляющее число находок составляют массивные желваки, отщепы и пластины траппа и диабаса. К типологически определенным изделиям относятся нуклеусы, ножи, скребки.

Нуклеусы представлены 3 экземплярами. Все нуклеусы одноплощадочные монофронтальные, изготовленные из желваков траппа (рис. 4 - 1, 2).

Группа ножей насчитывает 4 предмета. Каждый нож своеобразен: 1. Нож из скола траппа, лезвие unifacialно обработано по дорсальной поверхности и имеет полулунную форму (рис. 3 - 1); 2. Нож из массивного скола траппа, лезвие оформлено по правому краю (рис. 4 - 3); 3. Нож из крупного скола диабазового порфирита. Лезвие оформлено по периметру скола на дорсальной поверхности (рис. 4 - 6); 4. Нож из бифаса лядовидной формы, лезвие полулунное (рис. 4 - 4). Последние два ножа типологически близки отдельным подобным изделиям Верхнеленокой Горы.

Скрепки (2 экз.) изготовлены из отщепов и типологически невыразительны.

С и з о в о. Местонахождение дислоцируется на 40-метровой террасе правого берега р. Ангары. В обнажении террасы на глубине 1 м 20 см в известковом слое обнаружены одноплощадочный монофронтальный нуклеус, изготовленный из гальки кремневой породы (рис. 4 - 5) и крупный скол с гальки мелкозернистого кварцита со следами обработки. Предметы сопровождалась позднплейстоценовой фауной - челюстью лошади. Это обстоятельство, в сопоставлении со стратиграфическим положением находок, позволяет датировать их как позднпалеолитические.

В целом материалы описанных местонахождений указывают на определенную родство материальной культуры Илама и верхнего Приангарья в мезолитическую эпоху — нуклеус, тесло с "перехватом", ножи, близкие верхолениским (Мезолит Верхнего Приангарья, 1971).

С другой стороны, по всей видимости, материальная культура в долине р.Илама в это время имела и свои особые черты, например, наличие треугольных в сечении топоров и тесел, полностью обработанных ударной ретушью. В неолитическое время они получают свое дальнейшее развитие.

На перспективность последующих исследований в этом районе в плане изучения докерамических комплексов указывают и последние находки возле пос.Большая Курья, где обнаружены три многослойных поселения, содержащие бескерамические культуры (Георгиевский, 1974). Вместе с тем следует отметить, что донеолитическая эпоха в долине р.Илама крайне слабо охарактеризована археологическим материалом и требует дальнейшего всестороннего изучения.

Условные обозначения:

- [] - граница разведочного маршрута 1961 г.
- ▲ - местонахождения под открытым небом
- ▣ - пещера
- - населенные пункты

Рис. 1. Карта-схема археологических памятников, осмотренных Ангаро-Илимским археологическим отрядом летом 1961 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС

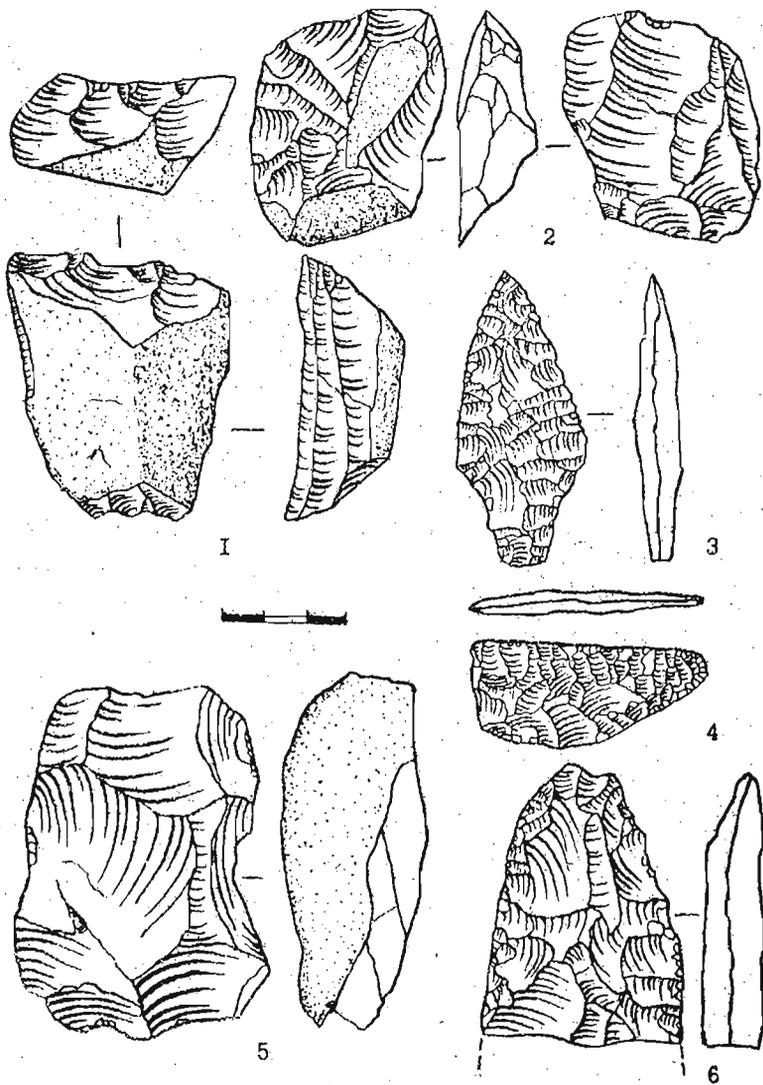

Рис. 2. Изделия из камня:
 1, 2 - Качинский Яр; 3 - Гремячинское; 4-6 - Бубновский Порог

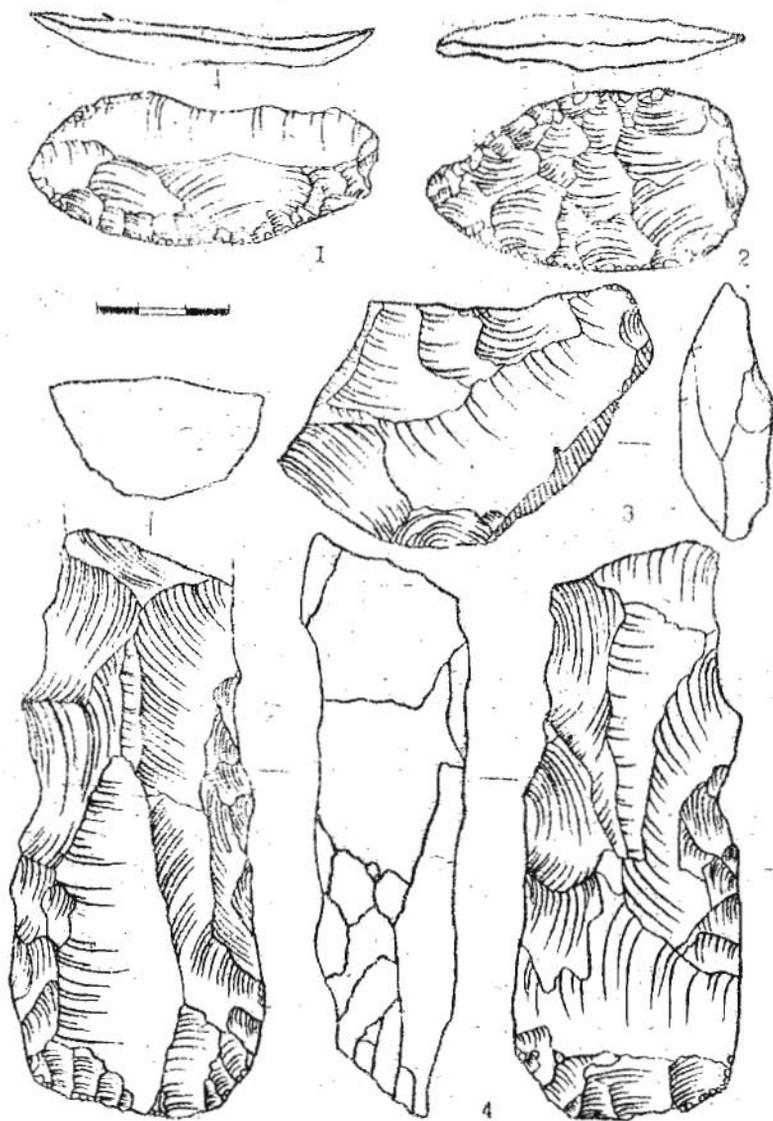

Рис.3. Изделия из камня:
 1 - Симауицкий Порог; 2-4 - Еубновский Порог

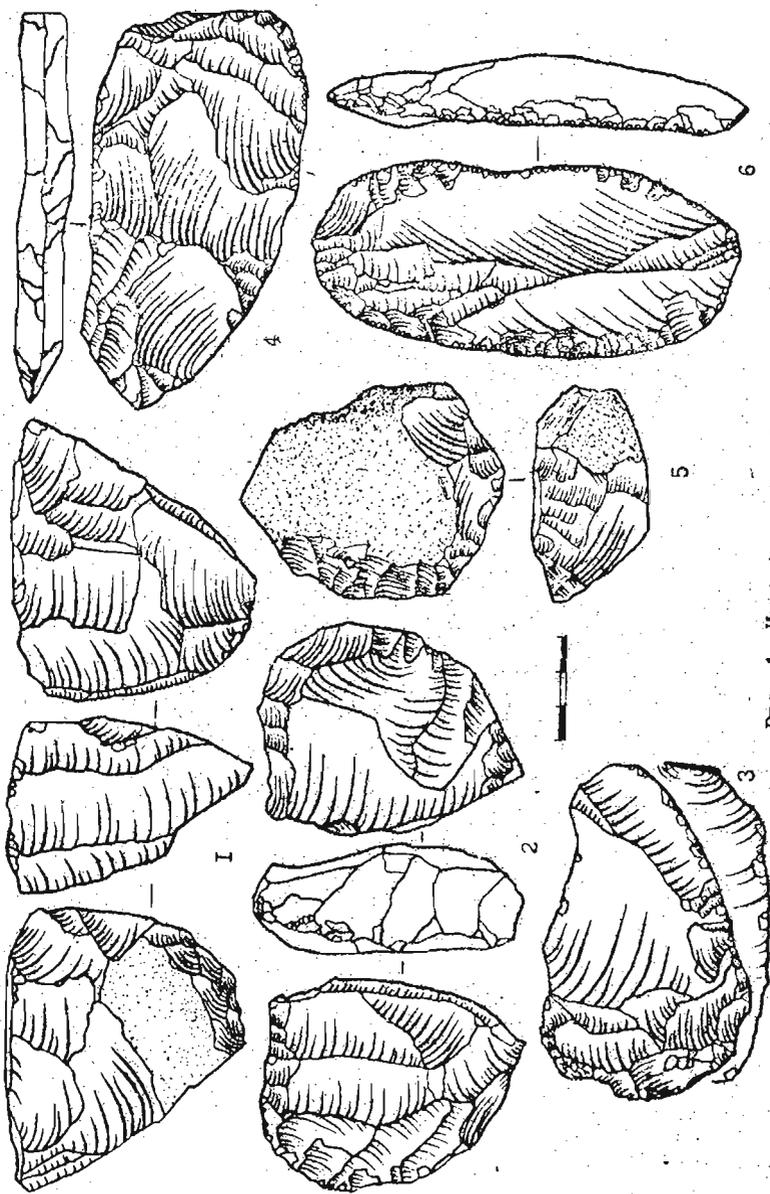

Рис. 4. Изделия из камня:
 1-4 - Самаркандский Порог; 5 - Сизово

Г.И.Медведев

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ФОРМ
НАКОНЕЧНИКОВ ГАРПУНОВ В МЕЗОЛИТЕ, НЕОЛИТЕ И ЭНЕОЛИТЕ
ПРИАНГАРЬЯ¹

Отправным моментом появления интереса к проблеме эволюции форм наконечников гарпунов послужило мнение В.И.Подгорбунского (1928) о том, что верхоленские гарпуны очень сходны с китайскими. Трудно сказать, что было положено в основу такого утверждения, но именно эта неясность и побуждает автора время от времени возвращаться к тезису В.И.Подгорбунского по мере того, как появляются новые фактические материалы по мезолиту, неолиту и энеолиту Приангарья. Специальной планомерной работы по теме не проводилось, но постепенно накопилась определенная сумма вещественных данных, были сделаны некоторые наблюдения.

Когда В.И.Подгорбунский выступил со своим замечанием, были известны только два типа наконечников гарпунов: "верхоленские", как тогда считали, палеолитические - "мадленские" и "китайские"-неолитические.

Позднее, в 30-х гг. появились "серовские" и "глазковские" типы, достаточно подробно описанные А.П.Окладниковым (1950).

1. Предлагаемая статья была представлена в виде доклада собранию археологической комиссии ВСОГО СССР в марте 1968 г. В 1975 г. секретариатом комиссии было решено опубликовать текст доклада с некоторыми дополнениями в терминологию.

Как В.И.Подгорбунский оценил их соотношение с первыми формами неизвестно, но они отличались и от "верхоленских" и от "китойских".

В конце 30-х гг., а затем и в 60-х гг. были обнаружены до-неолитические, мы говорим мезолитические, наконечники гарпунов при раскопках Усть-Белой (М.М.Терасимов, Г.И.Медведев), Ленковка (А.П.Окладников), Уляхи (Н.А.Савельев). Они напоминали "верхоленские", но больше все-таки тяготели к "оеровским".

Когда было установлено, что Усть-Белая в своем донеолитическом отделе и Верхоленская Гора находятся в близком хронологическом соотношении и принадлежат к одному историческому (археологическому) периоду - мезолиту, стало интересным и заманчивым проследить эволюцию гарпунов, наиболее четкую транзитную группу инвентаря в послепалеолитическое время, в направлении мезолит - неолит.

Тогда и было сделано предположение, что усть-белый и верхоленский типы наконечников гарпунов представляют собой самостоятельные линии развития и в неолитическое время происходит эволюция этих типов.

Прежде чем говорить конкретно о формах приангарских мезолитических, неолитических и энеолитических наконечников гарпунов, я хочу остановиться на более общем вопросе о морфологии этих изделий и различной степени эволюции морфологических элементов.

Каждый наконечник гарпуна представляется нам в серии четырех выраженных морфологических элементов (рис.1): 1) жало, 2) тело, (оставляющие перо наконечника), 3) зубы, 4) стопор-ляль, 5) пятка, 6) насад.

Первые три элемента наиболее варибельны по причине многообразия узкопромысловых потребностей (один-два ряда зубов, частота или разреженность их посадки, уплощенность, ромбовидность или округлость сечения жала, наличие на нем ложных зубов и т.д.). На малых сериях признаки по этим элементам очень трудно группировать и не дают представления о различных культурно-исторического порядка.

Четвертый элемент представляется нам наиболее конструктивно-консервативным. Этот элемент в производстве участвовал косвенно и, можно сказать, пассивно. Его человек выполнял механически, шаблонно - "как раньше". Поэтому именно здесь, во второ-

степенном элементе должно было наиболее ярко проявиться косное подражание определенному шаблону и даже изменения в нем очень медленны и незначительны.

Пятый элемент в чистом виде довольно редок даже в неолитическое время. Зарождение его началось в мезолите и завершилось в позднем неолите или, скорее, в энеолите - он приобретает форму четкого прямоугольного упора в "крыловидном" и "крестовидном" типах насада.

Последний, шестой, элемент не менее чем первый важен в производстве. едва ли будет ошибкой сказать, что именно насад наконечника гарпуна претерпел наиболее радикальные изменения в процессе эволюции. Коротко это должно выглядеть так: от плоского палеолитического до цилиндрического неолитического. Но изменения в насаде в общем-то "интернациональны" и только рассмотрение их в совокупности с системой стоппор-линия дает интересную своеобразную картину.

Мезолитические гарпуны верхнего Приангарья (рис.2) можно различать по всем трем элементам, но наиболее четко - по стоппор-линию. Собственно, не сам стоппор-линия, а в целом конструктивный узел - насад + стоппор-линия + проксимальная часть пера (или тела) - создает своеобразный рисунок - контур, в котором можно усмотреть и элементы общетехнической эволюции, и сохранение консервативных традиций в конструкции стоппор-линия. У "верхоленского" мезолитического гарпуна - косая боковая прорезь, "усть-бельский" имеет плечики, "ленковский" - "косой шип".

Различия в системе крепления линия наблюдаются и в неолитическое время. "Серовские" наконечники имеют "плечиковую" систему, подобную гарпунам мезолита Усть-Белой; у верхоленских "косая прорезь" эволюционирует через ряд переходных форм в отверстие, характерное для "китая". В районе Усть-Белой в неолите появляется промежуточная форма с чертами, близкими как усть-бельским, так и верхоленским мезолитическим наконечникам. Все наконечники - с одним рядом зубов и стоппор-линией в виде бокового шипа. Само впрочем аналогично ленковским экземплярам, но контур стоппор-линия близок верхоленскому типу (рис.2 - 19-21).

Сопоставление наконечников гарпунов мезолита, неолита и энеолита как будто позволяет выделить ряд последовательно раз-

бывающих форм, которые возможно свести в две основные группы — "верхоленско-китойскую" и "бадайско-серовскую", понимая под бадайской вариант Усть-Белой (рис.3).

Третья, промежуточная форма, фиксируется в мезолите в Ленковке и в неолите Усть-Белой. Возможно, она имеет самостоятельное значение, но пока мы располагаем ограниченным количеством подобных изделий.

Различий между этими группами наблюдаются в системе крепления дна, т.е. в области второстепенных, консервативных элементов-признаков. Подобные признаки относятся обычно к категории этнических. Доля истины, конечно, в этом есть, но мы склонны именовать их культурно-историческими, отражающими локальные различия внутри, возможно, одной этнической общности. Но для постановки вопроса о локальных вариантах археологической культуры или даже попыток решения таковой проблемы² эти признаки вполне действительны. В конкретном примере они фиксируют последовательную эволюцию каждого из трех вариантов на протяжении по крайней мере двух археологических эпох.

2. Проблема значительно осложняется тем, что пока совершенно неизвестны истоки "китойской" культуры, которая, возможно, и не является в Приангарье автохтонной.

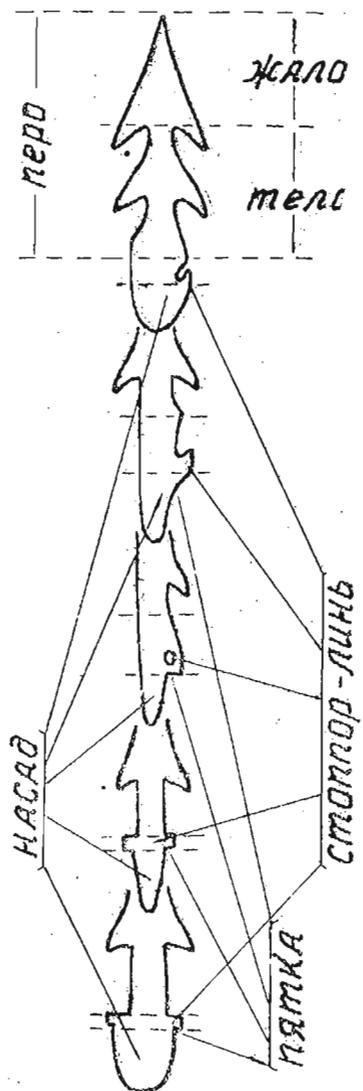
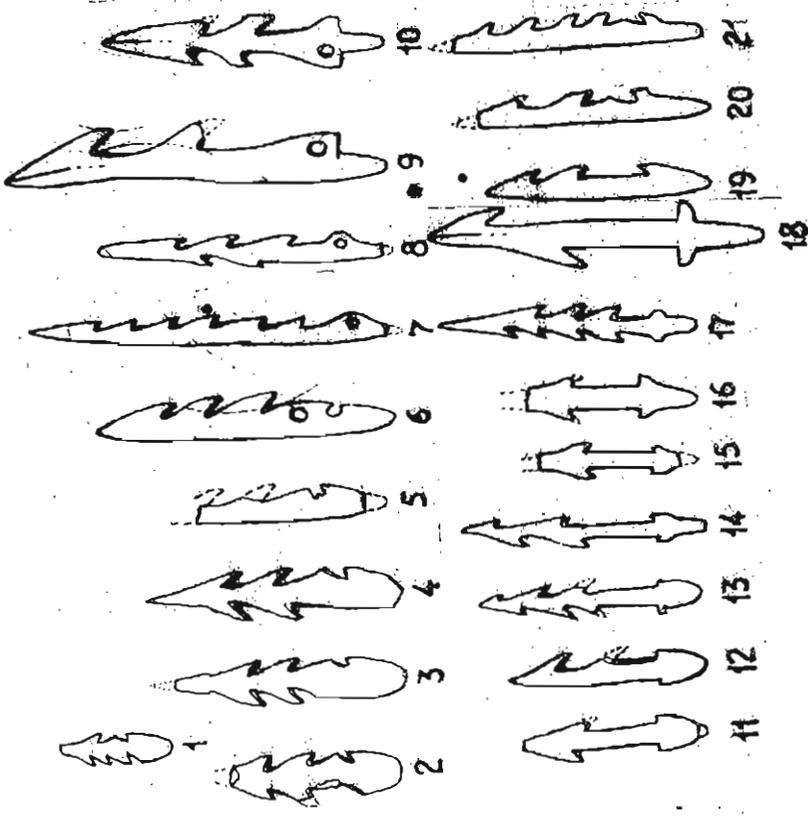

Рис. 1. Схема конструктивных деталей наконечника гарпуна

Рис. 2. Типы наконечников
галстугов мезолита, неолита,
энеолита:

- 1 - Ожурково - из слюда;
- 2-4 - Берхаленская Гора - из
слоя; 5 - Глазково (псковск-
восточные соборы М.П. Озчиновичко-
ва); 6-7 - Аскомоть - по-
гребення катвяского типа;
- 8 - Усть-Белая - погребение
катвяского типа; 9 - Глазко-
во - глазковской могильник;
- 10 - Усть-Белая - погребение
катвяского типа; 11, 12 -
Усть-Белая - мезолит УШ-ХШ
горшечники; 13 - Ленковка -
мезолитический горизонт;
- 14 - Нижнее Середино - по-
гребение серовского типа;
- 15, 16 - Глазково - глазков-
ский могильник; 17 - Усть-
Пряная - погребение Глаз-
ковского типа; 18 - Аносово -
погребение глазковского ти-
па; 19 - Ленковка - мезоли-
тический горизонт; 20, 21 -
Усть-Белая - неолитическая
комплекс слюда II-A

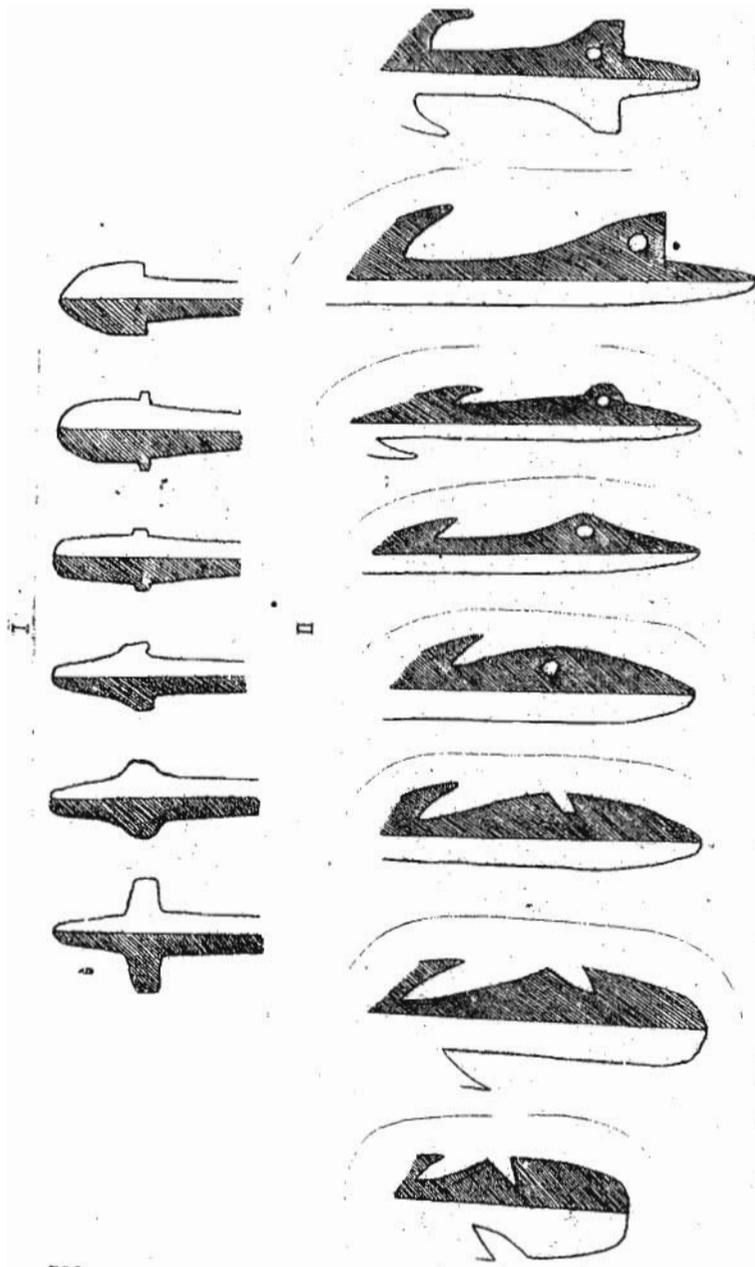

Рис. 3. Формы эволюции конструктивных деталей наконечников гердунов "насад + стопор-линь" в Жюмо Приангарье:
 I - "бодийско-серовско-глазковская" линия; II - "верхленско-китойско-глазковская" линия

Н. Ф. Сергеева

К ХИМИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ МЕТАЛЛА ЭПОХИ БРОНЗЫ
В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Изучая древнейшую бронзовую металлургию Забайкалья на основе химических характеристик металла, мы столкнулись со значительными трудностями. Это и неравномерность коллекций, представленных в основном подъемным материалом, и сложность химического состава забайкальских бронз, вызванная, вероятно, как влиянием различных металлургических пределов, так и сложным составом предполагаемых руд, и многие другие. Поэтому, чтобы максимально избежать субъективных выводов, основывающихся на известных, простых методах математической статистики¹, представляло интерес проверить их новым, более совершенным методом кластер-анализа. Суть кластер-анализа состоит в следующем. Предполагается, что в n -мерном пространстве существует метрика, с помощью которой можно увидеть, что задаваемое множество объектов проявляет свойство объединяться в группы-кластеры. Вообще вся методика кластер-анализа строится на эмпирических данных, которые, как показано (Другов, Ковалева, 1971), убедительно подтверждают первоначальные интуитивные соображения о возможности "разглядеть" в n -мерном пространстве объективно существующую гетерогенность задаваемого множества объектов. При этом важно, что при классификации кластер-анализом не вводятся заранее какие-либо субъективные предположения об эталон-

1. Составление гистограмм, графиков точечной корреляции, вычисление дисперсий, коэффициентов корреляции и т.д.

ных классах и группах, хотя при интерпретации кластерных диаграмм используется вся информация, помогающая разобраться в характере полученных результатов. Спектральным анализом был исследован металл из Посольской стоянки, Закаменского клада, плиточных могил Забайкалья, олучайные находки, а также пробы, взятые с рабочей части литейных форм и каменных орудий для дробления руды.

Всего было изучено 120 проб забайкальских бронз, типологически датируемых карасукоким, тагарским и гуннеким временем. Кластер-анализ, разработанный в Иркутске (Казьмин, Карпов, 1972), представлен двумя самостоятельными подпрограммами: "кластер" и "график". В данном случае мы рассматриваем подпрограмму "график", где кластируются химические элементы бронз (рис.).

Условимся обозначать выделенные в общем массиве крупные группы через $A^1 \dots x^n$, где показатель степени указывает на величину близости, т.е. чем меньше показатель степени, тем теснее связь в группе. Обозначим через A_1^1, \dots, x_1^n более мелкие подгруппы, где показатель степени числа также обозначает порядок связи проб; а еще более мелкие подгруппы будем обозначать через $a^1 \dots x^n$. Например, в подгруппу A_1^2 объединяются пробы со связью второго порядка, а в подгруппу A_1^4 - четвертого, т.е. подгруппа A_1^2 составлена из проб по химизму более близких друг другу, чем подгруппа A_1^4 .

Весь массив проб на Q - графике можно разбить на пять групп: А, Б, В, Г, Д, из них группа "А" представлена 54 пробами, наиболее тесно связанными между собой ($D = 0,01-0,07$). В группу "Б" ($D=0,03-0,1$) объединяются 17 проб: 13 проб - в группу "В" ($D=0,02-0,14$); 21 - в группу "Г" ($D=0,06-0,2$); 10 - в группу "Д" ($D=0,03-0,8$).

Группа А подразделяется на четыре более мелкие группы: $A_1^3, A_2^{2-5}, A_3^{4-6}, A_4^7$. В подгруппу A_1^3 вошли нож (84, 85, 95, 80, 81, 90), кельты Закаменского клада (№ 97, 99), колечатый нож из Посольска (№ 53), случайные находки ножей и кельтов из Забайкалья (№ 20, 7, 9, 10), шило и блики из Закаменского клада (№ 106, 101) а шило из случайных находок (№ 127). Во всех пробах группы содержание олова колеблется, в основном, в пределах 4,7 - >5%, мышьяка 0,22-1,1%, свинца 0,035-0,26%, висмута 0,03-0,08%, кобальта 0,001-0,006%. Везде в сотых до-

дах процента присутствует серебро (0,046-0,08), а в двух ножах (№ 80,84) содержание его поднимается до 0,1-0,13%. Интересно, что все вещи группы датируются исследователями (Диков, 1958; Волков, 1967; Новгородова, 1970) ранне-тагарским временем, однако, Н.Л.Членова (1972) относит ножи к поздне-карасукскому времени. Подгруппа А2а⁴ представлена кельтом (№ 98) и ножом Закаменского клада (№ 91) и ножами из случайных находок (№ 5,120). Подгруппа А2в²⁻⁵ составлена кинжалом (№ III), наконечником стрелы (№ 23) и долотом (№ 21). Кинжал (№ II2) и ножи (№ 94,92) объединяются в подгруппу А2с²⁻⁴. Группа А2²⁻⁵ (12 проб) также датируется карасукско-тагарским временем (Диков, 1958; Волков, 1967; Новгородова, 1970).

Группа А3⁴⁻⁵ состоит из двух подгрупп: а² и в³. Подгруппа А3а² второй связью объединяет весьма близкие по химическому составу ножи (№ 87,79,88,89), кельт (№ 96), шило (№ 106) и бляху из Закаменского клада (№ 105), а также шилья (№ 113,124,125) из случайных забайкальских находок, датируемые Н.Н.Диковым (1958) тапхарским этапом плиточных могил, и карасукский нож из долины р.Онона (№ 16). Сюда же входит карасукско-тагарский кинжал (№ 18) и ножи этого времени (№ 120,83). Чекан (№ 129), бляшка (№ 104), наконечник копья (№ 122) и ножи (№ 131, 15), типологические относящиеся к карасукско-тагарскому времени, образуют подгруппу А3в³. Подгруппы А3а² и А3в³ объединяются связью третьего порядка, а четвертым и пятым подключаются в общий массив А. Подгруппа А4а⁵ составлена ножами (№ 61, 86, 119) и шилом (№ 128). Шило, навершие кинжала (№ 107,109) и нож (№ 82) несколько обособливаются в подгруппу А4в⁴, которая входит в массив А на седьмом порядке. Практически этими пробами заканчивается группировка металла А с теснотой связи, имеющей численное значение 0,02-0,07. Пробы, объединенные в группы Б, В, Г и Д, имеют слабые связи друг с другом. По сути дела в этом случае можно говорить лишь о тенденция к связи.

В группе Б¹⁰ (№ 54-60) выделяются подгруппы Б1² и Б2², составленные поздне-карасукским или ранне-тагарским металлом, весьма близким по химическому составу. Это бляшки (№ 56, 57, 55), подвески-ложечки (№ 54), наконечник стрелы со стоянки Посольская (№ 58), нож из Закаменского клада (№ 93), карасукский нож (№ 17) с р.Онона (с.Усть-Тулугай), ранне-тагарский гарпун (№ 114), топор-кельт проушной (№ 132), бляха-подвеска из плиточных могил и тапхарский наконечник копья (№ 130). Об-

тальные пробы (№№ 121, 100, 44, 14, 102, 60) не связаны между собой, однако каждая из них с большей или меньшей связью тяготеет к группе А?

В группах В и Г в основном можно говорить лишь о тенденциях к связи. Пробы весьма слабо связаны и представляют собой самостоятельные центры неизвестных пока нам группировок. Так кластируется почти весь исследуемый гуннский материал из погребений Дерестуйского Култука, Ильмовой пади и Черемуховой пади² и некоторый тагарский металл из случайных находок Забайкалья. Однако бляха из погребения на горе Апатат (№ 118) и кольцо из могильника Дерестуйский Кулдук (№ 51) весьма тесно связаны ($D=0,02$) так же, как и тагарский динжал (№ 110), шило (№ 8), нож из Закаменского клада (№ 78) ($D=0,04$). Связь шестого порядка предполагает близость химического состава в таких предметах, как: наконечник ножен (№ 11) и бляха (№ 48); зеркало (№ 31) и наконечник жезла в виде собачьей головы (№ 28). Достаточно отчетливо выделяются на графике в отдельную группу "Г" пробы, взятые с внутренней (рабочей) поверхности отливочных форм ножей, топоров и т.д.; с рабочей части молотов и пестов для отбивки и дробления руды. Сюда же включается и анализ оплавленной части ножки трипода (№ 38), найденного вместе со шлаком в древней плавильне у оз.Шахта (см. рис.). Наиболее близкими в группе "Г" (связь третьего порядка) являются пробы с форм для отливки ножей и наконечников копий, найденных у с.Беклемешево (№ 2, № 3). Проба, взятая с рабочей части песта, найденного на прииске Отрадный (р.Тиримкан) (№ 43), по составу близка к беклемешевским формам (№ 2, 13), так же как и анализ пробы из внутренней части плавильной чашки (№ 41), найденной у с.Доронино. Плавильная чашка из случайных находок Забайкалья (№40) стоит обособленно. Все рассматриваемые формы в основном сделаны из сланца с естественно высоким содержанием кремния (мн. > 10). Наличие таких микропримесей, как никель (0,32-0,15), титан (0,08-1), кобальт (0,006-0,029), серебро (0,0026-0,01) и цинк (0,0068-0,0087) характеризует в некоторой степени отливаемый в формах металл. Набор микропримесей сурьмы (1,0), мышьяка (2,6), серебра (0,002), цинка (0,4),

2. Материалы для исследования любезно предоставлены П.Б.Коноваловым.

титана (0,32) и кобальта (0,0025) в пробе, взятой с рабочей части каменного песта (№ 43), характеризует также исходную руду.

Расшифровывая химические группы Q-графика, можно сделать вывод о том, что для забайкальских изделий карасукского типа характерны мышьяковистые, оловянистые и мышьяково-оловянистые сплавы. На оледушем этапе развития, в позднем бронзовом веке, технология усложняется и появляются бронзы со свинцово-оловянистой и сурьмяно-оловянистой лигатурой. Иногда наблюдается примесь железа, достигающая в кинжалах (№ II0, II2) 10,0%. Имеет место значительное содержание кобальта. Цинк, как характерная примесь забайкальских бронз, встречается от сотых долей до целых процентов, давая латунные сплавы. Из латуни, например, изготовлен тагарский кинжал (№ 12), где цинка - более 10,0% и олова 3,45%. Предметы конской обрubi из Закаменского клада (№102, 103) также отлиты из латуни. Исследованные гуныские украшения и зеркала выполнены из сплавов с оловянно-свинцово-сурьмянистой лигатурой, иногда с примесью железа (до 1,5%) и мышьяка (3,5-10,0%). Включение алюминия и кремния в количестве 1,0% свидетельствует о недостаточно чистой плавке металла, что относится и к выплавке золота для фольги, обрывки которой были найдены в одном из гуныских курганов (Коновалов, 1974).

Проведенное исследование химического состава бронзовых изделий Забайкалья позволяет выделить следующие металлургические группы:

- 1) оловянистые бронзы (Sn 1,9-6,0%);
- 2) мышьяковистые бронзы (As 1,1-3,2%);
- 3) мышьяково-оловянистые бронзы (Sn 1,5-6,0%,
As 1,1-10,0%);
- 4) свинцово-оловянистые бронзы (Sn 1,5-2,5%,
Pb 1,5-1,9%);
- 5) оловянно-свинцово-сурьмянистые бронзы (Sn 4,2-10,0%,
Pb 10,0%, Sb 2,7%, As 3,6-6,4%).

Итак, предварительная классификация методом кластер-анализа карасукского, тагарского и гуныского металла Забайкалья позволяет сделать предположения:

- 1) о местном бронзолитейном производстве;
- 2) о высоком мастерстве бронзолитейного производства на среднем этапе бронзового века Забайкалья, в I-УШ вв. до н.э.;

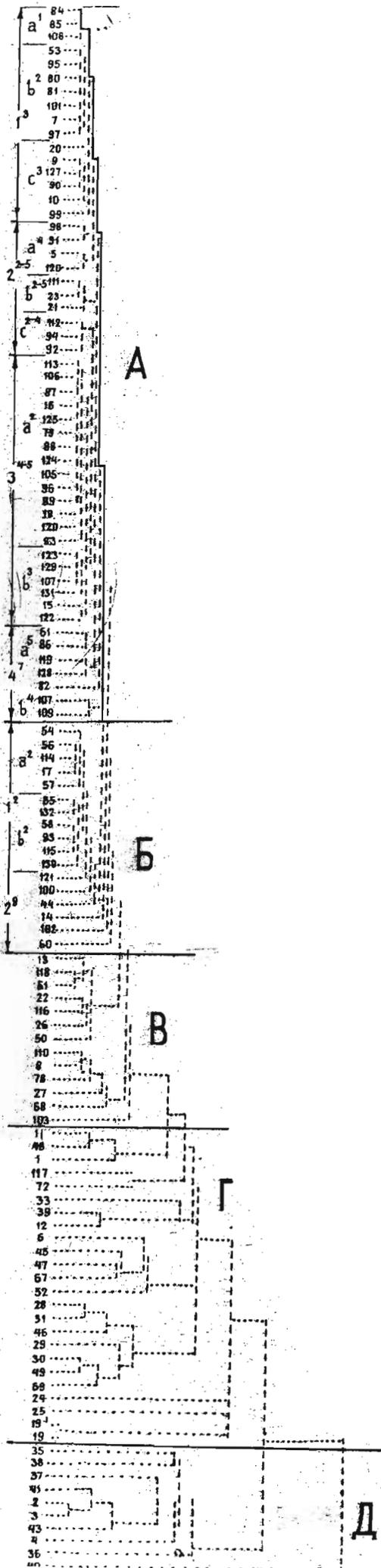
3) о преемственности горного и металлургического дела на следующем этапе позднего бронзового века, в УП-П вв. до н.э.;

4) о возможном существовании нескольких металлургических очагов в Забайкалье.

Качественная и количественная характеристика металла дает возможность предполагать использование не только окисленных руд, но и сульфидных, в частности, бедных руд из полиметаллических месторождений Забайкалья; а также высокий уровень металлургического процесса с применением относительно герметичного тигля, наличием восстановительной среды и флюсов, позволяющих опускать точку плавления руды.

Q-график

0,0 0,1 0,2 0,3 0,4 0,5 0,6 0,7 0,8 0,9 1,0

Ю. С. Худяков

ЭВОЛЮЦИЯ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ЛУКОВ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ
(VI - XII ВЕКА)

Одним из наиболее распространенных видов оружия у енисейских кыргызов в VI - XII вв. был сложносоставной рефлексированный лук. Об этом свидетельствуют письменные источники (Бичурин, 1950), изображения кыргызских воинов (Евтюхова, 1948, табл. ХVI-ХVII) и находки костяных накладок на лук в кыргызских погребениях. Упоминания о наличии луков у кыргызов содержатся в работах Г. Е. Грум-Гржимайль, В. П. Лерашевой, Л. А. Евтюховой, С. В. Киселева, Л. Г. Нечаевой, Л. Р. Кызласова, хотя вопросы реконструкции, типологии и эволюции кыргызского лука в них не рассматриваются.

Картину эволюции луков кочевников Алтая предложила в своей работе А. А. Гаврилова (1965), ее положения были уточнены Д. Г. Савиновым (1974). Однако в развитии лука у кыргызов мы наблюдаем существенные отличия от намеченной эволюции луков на Алтае, что позволяет специально остановиться на данной проблеме.

Ввиду господствующего у кыргызов обряда группосожжения, деревянные основы (кйбити) луков, за редким исключением не сохранились, поэтому судить о форме и конструкции луков можно только на основе находок костяных накладок. Все реконструируемые таким образом кыргызские луки подразделяются нами на типы по наличию и местонахождению костяных накладок.

Тип 1. С концевыми и срединными боковыми накладками

В нашем собрании экземпляры 1-4 (рис.1). Остатки луков данного типа найдены в Минусинской котловине, в Уйатском Чаатасе II, курган I; Капчалы II, курган 8; в Восточном Казахстане (Бобровский могильник II, курган 6); на Алтае (Яконур, курган I). Судя по находкам из Уйбата II и Бобровского могильника II, где накладки сохранили местоположение на истлевшей кибите лука, длина его со спущенной тетивой достигала 130-134 см. Срединные боковые накладки - массивные, трапецевидной формы. Длина накладок - 13,5-16,5 см, ширина - 2-3 см. По внутренней стороне, внешнему краю, обращенному к спине, и концам накладки нанесена косая нарезка для склеивания с деревянной основой кибиты и оплеткой из оухожилий. От концевых накладок сохранились фрагменты с вырезом для тетивы и изогнутыми концами. Длина их - 18 см, ширина - 2 см. По внутренней стороне накладок (а у экземпляров из Капчалы и по внешнему краю, обращенному к спине) нанесена косая нарезка.

Такие луки издавна были широко распространены во всем кочевническом мире VI-IX вв. (Евтюхова, 1948). Они встречаются в синхронных, близких по культурно-хозяйственному типу киргизским, памятниках, на сопредельных территориях: Алтае (Гуденко, Глухов, 1927, с.12), Туве (Вайнштейн, 1966, рис.2) (рис.1 - 1).

Тип 2. Со срединными боковыми накладками

В нашем собрании экземпляры - 5-12. Остатки луков данного типа найдены в Минусинской котловине (Капчалы II, курган 3; р.Таштык, могила 10); в Туве (Хемчик-Бом II, курган 25, курган 43; Салдам, курган 12; Шагнар Бай-Даг); в Восточном Казахстане (Бобровский могильник II, курган II). Установить размеры лука лишь по находкам срединных боковых накладок затруднительно. Судя по аналогиям, длина его не превышала 110 см (Евтюхова, Киселев, 1941). Длина накладок - 9-15 см, ширина - 2-2,5 см. Все накладки имеют косую нарезку по внутренней стороне, частично по внешнему краю, обращенному к спине, и концам.

Луки данного типа встречаются в синхронных, близких по культурно-хозяйственному типу киргизским, памятниках на сопредельных территориях: Алтае, Туве, Восточном Казахстане (рис.1 - 2).

Тип 3. Со срединными боковыми и фронтальной накладками

В нашем собрании экземпляры 13-15. Остатки луков данного типа найдены в Миусинской котловине (Капчалы II, курган I); в Туве (Тора-Тал-Арты, курган 4); в Восточном Казахстане (Бобровский могильник II, курган 6). Длина лука достигла 140 см. Длина срединных боковых накладок - 15-16 см, ширина - 2 см. По внутренней стороне накладки, внешнему краю, обращенному к спинке и концам, нанесена косая и ромбическая нарезка. Длина фрагментов фронтальных накладок - 3-12,5 см, ширина - 1,2-1,4 см. Накладка узкая прямоугольной формы с чуть расширяющимися концами, трапециевидная в сечении. По внутренней стороне и концам накладки нанесена косая и ромбическая нарезка. Судя по находке остатков кибита из Бобровского могильника, отдельные части основы лука: плечи и детали рукоятки - соединялись в месте прикрепления срединных накладок. Кля основы одного плеча вставлялся в раздвоенный выгубообразный паз второго плеча и укреплялся деревянным шпунтом.

Луки данного типа известны в сияхрийных, олязках по культурно-хозяйственному типу киргизским, памятниках с сопредельных территорий: Алтая, Тувы (рис. I - 4).

Тип 4. С фронтальными плечевыми накладками

В нашем собрании экземпляр 16. Найден в Миусинской котловине, в погребении на р. Бель. Длина лука со спущенной тетивой - 120 см. Кибить лука состоит из деревянной планки - спинки, роговых плеч-накладок. Концы лука, с вырезами и упором для тетивы, надставлены на окончания плеч и укреплены с основой кибита деревянными шпунтами. Длина роговых фронтальных накладок составляет приблизительно 30 см, ширина 3 см. По внешней стороне по краям накладка имеет косую нарезку. Вся поверхность кибита, исключая концы, обклеена сплошным слоем бересты.

Наиболее близкой аналогией в типологическом, хронологическом и территориальном отношении является находка остатков лука с длинными фронтальными концевыми накладками из Осинкинского могильника на Алтае (Саввинов, 1974) (рис. I - 3).

Сложносоставной лук появляется в Сибири еще в сарматском этапе неолита Приобьейкалья (Окладников, 1950). Для Южной Сибири в эпоху резной бронзы и раннего железа в литературе отмечено бытование луков "скифского типа" (Хазанов, 1971). Но наибольший интерес для изучения эволюции киргизских луков представляют

находки моделей луков в памятниках, непосредственно предшествующих кыргызской, таштыкской эпохи.

Деревянные модели сложных луков в памятниках I-III вв. н.э. сделаны из прутьев, с оригинальным приспособлением для укрепления тетивы: на загнутых концах лука - вырез и выступ для ее привязывания (Кызласов, 1960). Длина лука около 60 см, толщина I-I,2 см. Он сделан из круглого прута, который с одной стороны (направленной к тетиве) имеет плоский срез, другая сторона оказалась выпуклой. Концы лука круто загнуты. Если представить этот лук с натянутой тетивой, то он примет точную форму сложных, М-образных луков, которые известны в VI-X вв. (Кызласов, 1960).

Хотя конструкция крепления тетивы и отсутствие накладок отличает модели таштыкских луков от позднейших кыргызских, общая для них конфигурация киоята позволяет видеть в таштыкских луках форму, генетически предшествующую кыргызским.

В VI-IX вв. у кыргызов бытуют сложносоставные луки с массивными срединными и концевыми накладками. Лук отличался значительными размерами, до 134 см, и симметричностью концов. Данный тип лука имел значительную мощность и был универсальным оружием для войны и охоты.

Непрерывные войны с уйгурами в VII-IX вв. и усиление интенсивности конного боя повлекли за собой ряд изменений в конструкции лука. Исчезают концевые накладки, вероятно, заменившиеся деревянными вкладышами или надставками, которые "являлись более прочной заменой роговых, так как дерево труднее отклеивалось от киоята, чем рог" (Газрилова, 1965, с.88). Несколько уменьшаются размеры лука и срединных накладок. Такой лук был более удобен в скорострельной стрельбе на близкие дистанции, более надежен, реже выходил из строя.

При скорострельной стрельбе основная нагрузка на прочность падает на центральную часть лука - место соединения плеч киоята. Поэтому в IX в. рукоять лука дополнительно укрепляется фронтальной накладкой, возможно, заимствованной с уйгурского лука. Процесс усовершенствования сложносоставного лука был постепенным, поэтому различные типы луков существовали известное время, что подтверждается находками остатков луков первых трех типов в одном могильнике Капчалы II, а первого и третьего даже в одном кургане № 6, Бобровского могильника II. В отличие от находок остатков луков из синхронных памятников на Алтае, которые часто

давали исследователям возможность предполагать ассиметричность плеч, в отношении киргызских луков таких данных нет, включая единственный экземпляр из Бобровского могильника.

Все отмеченные типы луков при некоторых конструктивных различиях характеризуются общими чертами в использовании костяных деталей, в наибольшей мере соответствующими традиционному сложившемуся в литературе представлению, что костяные накладки служили для повышения жесткости, прочности, неподвижности скреплявшихся с ними частей кибита лука. Костяные детали луков первых трех типов испытывались на прочность не на изгиб, а на излом, неслучайно они расположены ребром по отношению к изгибу кибита. Единственным исключением здесь может служить срединная фронтальная накладка луков третьего типа, применение которой означает принципиальное технологическое усовершенствование в использовании костяных деталей лука. В данном случае используется не жесткость, а гибкость кости, как материала.

В наибольшей мере это получило свое выражение в конструкции луков четвертого типа, где длинные фронтальные накладки составляют часть плеч кибита. К сожалению, конструктивное устройство рукояти лука и окончаний плеч, ввиду того, что они обклеены берестой, остается не вполне ясным. Несомненно, что использование упругости кости более прочного материала, чем дерево, для основного функционального назначения, метания стрел, должно было значительно повысить эффективность стрельбы. Подобный тип лука в полной мере соответствует сведениям китайских источников о "роговых" луках кочевников. Единичная пока находка рогового лука в киргызском погребении IX-X вв. свидетельствует, что этот новый тип луков зарождается в конце I тыс. н.э. Находки остатков лука со срединной веслообразной и плечевыми фронтальными накладками в Осинкинском могильнике говорят о том, что позднейшие луки "монгольского" типа со срединным веслообразным фронтальным вкладышем являются упрощенной модификацией "рогового" лука. Вероятно, изготовление рогового лука было более трудоемким делом, нежели обычного сложносоставного. Поэтому перешли к изготовлению кибита из дерева со срединным роговым вкладышем, где некоторый эффект упругости вкладыша также используется. Таким образом, луки "монгольского" типа сохраняли основной конструктивный принцип рогового лука (рис.2).

Использование лука играло большую роль в тактике ведения конного боя. Сложносоставной лук связан с прочной посадкой

всадника в седле со стременами и набором вооружения легкой конницы, "подвижной и стремительной, действующей рассыпным строем" (Мерперт, 1955, с. 143), которая составляла основную массу киргизского войска. Луками пользовались и тяжеловооруженные киргизские воины.

В боевом положении лук носился с надетой тетивой, для крепления которой на концах лука со стороны спинки имелись специальные пазы - арочные вырезы для петли тетивы, а с внутренней стороны - выступ - упор, вокруг которого загибалась петля тетивы.

В походном положении луки носились со снятой тетивой в специальных чехлах-налучьях, подвешивающихся с правого бока к поясу всадника.

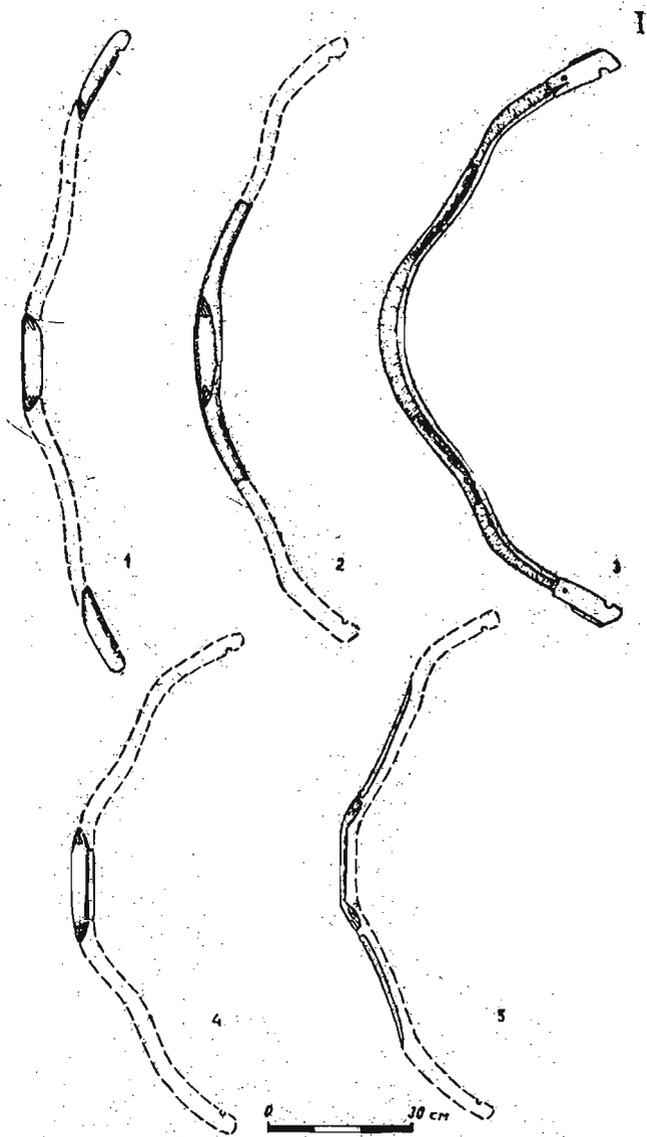

Рис. I. Типы сложносоставных рефлексрующих луков

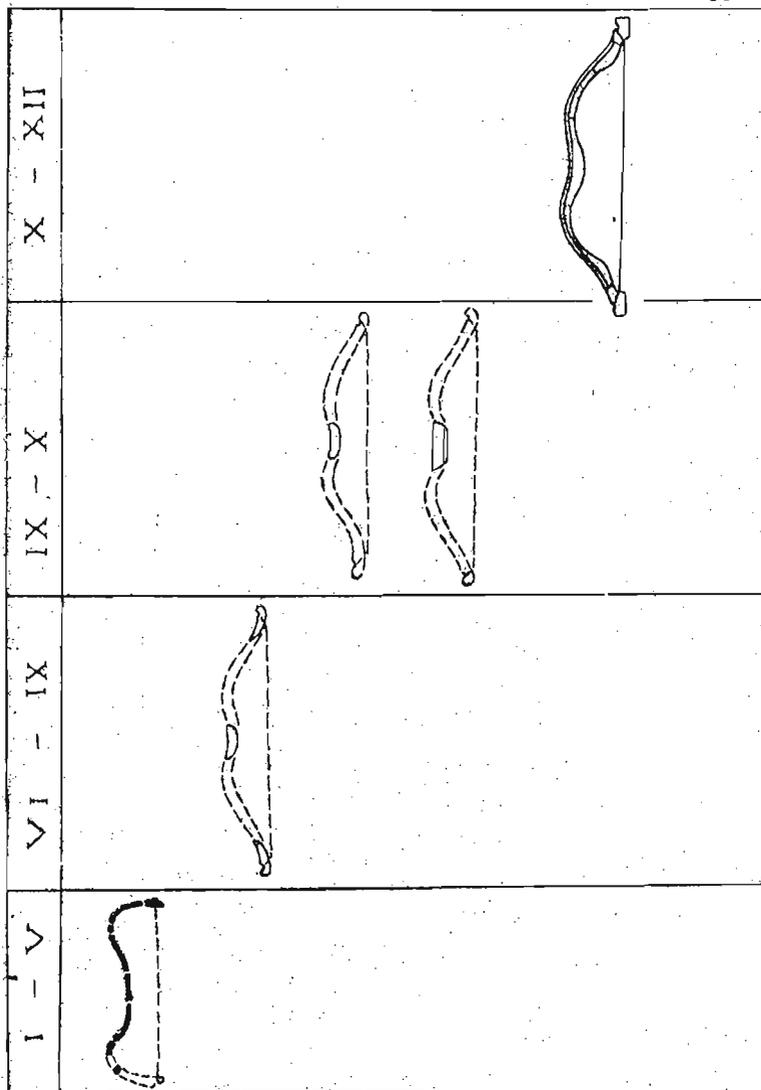

Рис. 2. Схема эволюции сложносоставных луков Южной Сибири

Н. А. Савельев, В. В. Свиинин

ПОГРЕБЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА РЕКЕ КАНЕ

Осенью 1972 г. специальным отрядом (Н. А. Савельев, Д. И. Деметьев, А. Г. Генералов) комплексной археологической экспедиции Иркутского университета была проведена разведка по правому притоку р. Енисея — р. Кан. В итоге открыто 14 новых местонахождений, хронологический диапазон которых — от эпохи палеолита до позднего железа.

Среди памятников поздней эпохи представляет особый интерес первое на р. Кане погребение железного века, открытое в местности "Ржавый остров", находящейся в 6 км выше г. Канска, в окрестностях с. Анжевки; на останце правобережной 10–12-метровой террасы (рис. 1).

При шурфовке южного склона террасы под олоем гумуса, на глубине 5–10 см, в красно-бурой супеся было обнаружено вторичное захоронение, представляющее темное зольное пятно в форме почти правильного круга, диаметром 65 см, толщиной около 20 см (рис. 2). Останки человека вместе с сопровождающими его вещами были сожжены и, затем, собраны в кучу. Судя по их расположению в плане и разрезе, погребения останков, видимо, не делалась. В могильной яме, а вернее, в погребальном кострище, сохранились некоторые неперегоревшие кости человека: девять позвонков, лежащих дугообразно, в анатомическом порядке, рядом — лопатка, в центре кострища — раздробленные кости черепной коробки, ниже — обломок тазовой кости. Никакого надмогильного сооружения не отмечено.

Погребальный инвентарь представлен предметами вооружения (рис.3,4,5), поясными украшениями (рис.6) и остатками канской посуды (рис.6,7).

Вооружение представлено четырьмя крупными трехлопастными и пятью так называемыми "бронзобойными" черешковыми наконечниками стрел. Трехлопастные трапециевидные наконечники стрел имеют в нижней части лопастей сердцевидные (рис.3) или сердцевидные и круглые прорезы (рис.4), черешки круглые в сечении. Длина стрел 13-17 см, длина лопастей от острия до упора 6,5-8 см, ширина - 2-3 см. Верхняя часть лопастей наконечников слегка отогнута влево, что способствовало вращательному движению стрелы при полете. Этот тип наконечников относится к так называемым "шумдящим".

"Такая стрела, с винтообразно spojenным оперением древка, летела, вращаясь вокруг осяей оси, а воздух, проходя окрестности, производил шум. Когда же под пером стрелы был надет костяной шарик-свисток, она издавала еще и свист. Такие стрелы были исключительно боевыми, и шум, производимый ими, пугал конницу врага" (Левашова, 1952, с.133). Трехлопастные наконечники стрел шароко представлены в погребальных комплексах УП-Х вв. Тувы, Хакассии, Алтая, Монголии и Среднего Амура (Кызласов, 1969; Левашова, 1952; Евтихова, 1948; Гаврилова, 1965; Вайнштейн, 1970; Деревянко Е.И., 1975). Стрелы бережно хранили, а в случае поломки - ремонтировали, если это было возможно. Следы ремонта лопасти имеются на одном из наконечников стрел, представленных в нашей коллекции (рис.4-3). Лопнувшая лопасть скреплена с двумя другими при помощи узкой полоски железа и заклепок.

По технологии изготовления трехлопастные наконечники стрел относятся к типу сварных. Следующие пять наконечников (рис.5) относятся к типу цельнокованных. Несмотря на свои малые размеры (7-10 см), они производят впечатление большой массивности за счет толщины тела наконечника.

Два наконечника - плоские (рис.5 - 1,2), относятся к типу так называемых "резной". Первый из них (рис.5 - 1) представляет по контуру фаса вид прямоугольной узкой лопаточки (шириной - 1 см, длиной - 3,5 см) со слегка овальным острием, которая плавно переходит в круглый стержень (длиной - 2,2 см, диаметром - 0,6 см), заканчиваясь коротким четырехгранным че-

решком (длиной - 3,5 см, толщиной в точке упора - 4,3 мм). Общая длина наконечника стрелы - 9,7 см. От обычного типа подобных срезней, известных по коллекциям монгольского времени XIII-XIV вв., также как и срезней, бытовавших в Восточной Европе в домонгольское время (VIII-X вв.) (Медведев А.Ф. 1966, с.53,57-58), данный наконечник отличается подчеркнуто вытянутой "шейкой", длиной 2,2 см, тогда как у выше упомянутых срезней она не более 0,2-0,5 см. Второй срезень (рис. 5 - 2) по контуру фаса имеет вид узкой вытянутой ромбовидной лопаточки с треугольным острием и сужающимся к упору телом наконечника (ширина наконечника в зоне лезвия - 1,5 см, длина от острия до упора - 4 см); черешок четырехгранный (длиной - 5 см, толщиной сечения в точке упора - 3x3 мм). Общая длина наконечника стрелы - 9 см. Подобные срезни имеют широкое географическое распространение в степях Евразии в X-XIV вв. (Медведев А.Ф., 1966, с.53-60; Гаврилова, 1965, табл. XXV - 9, XXXI; Хамзина, 1970, с.128, табл. III - I; с.129, табл. IV - 9, 10).

Третий наконечник стрелы - трехлопастной (рис. 5 - 3) с четко выраженной круглой шейкой. Форма головки стрелы - ромбовидная. Лопасты имеют форму тупоугольного треугольника (длиной в основании - 2 см, шириной - 0,5 см). Наибольшая ширина головки наконечника по контуру - 1,2 см. Длина шейки - 1,5 см, диаметр в точке упора - 0,8 см, диаметр в средней части шейки - 0,5 см. Черешок круглый в сечении, диаметром в точке упора - 3 мм, длиной - 4 см. Общая длина наконечника стрелы - 7,5 см. Наконечник находит аналогию среди древнекавказских бронзобойных наконечников боевых стрел IX-X вв. (Кызласов, 1969, с.106, рис. 37 - 10). Древнекавказские наконечники, близкие по форме головки вышеописанному, в то же время отличаются более вытянутыми пропорциями шейки (примерно, в 2 раза).

Четвертый наконечник стрелы - трехлопастной (рис. 5 - 4). Лопасты его по контуру слегка дуговидны, в нижней трети имеют фигурный вырез и заканчиваются у точки упора прямым срезом, перпендикулярным черешку. Длина лопасти от острия до упора - 3,8 см, ширина - 0,5 см. Наибольшая ширина головки наконечника по контуру - 1,1 см. Черешок круглый в сечении, диаметром в точке упора - 0,4 см, длиной - 3,5 см. Общая длина наконечника стрелы - 7,3 см. Близкие к нему формы наконечников встречены в уйгурских курганах VIII-IX вв. (Кызласов, 1969, с.76, рис. 25 - 2).

Пятый наконечник стрелы — четырехгранный (рис. 5 — 5), с хорошо выраженной круглой шейкой, подобной шейке третьего наконечника. Длина жала в виде четырехгранной пирамидки — 2,2 см, толщина в основании — 0,7х0,7 см. Длина шейки — 2 см, диаметр в точке упора — 0,6 см, диаметр в средней части шейки — 0,4 см. Черешок круглый в сечении, диаметром в точке упора — 0,4 см, длиной — 2,8 см. Общая длина наконечника стрелы — 7 см. Аналогичный наконечник встречен в древнехакасском кургане XI—XII вв. (Кызласов, 1969, с. II2, рис. 45 — 1). И в этом случае древнехакасский наконечник имеет более вытянутую шейку (отношение длины жала к длине тела наконечника — 1/3, соответственно пропорции шейки составляют 2/3, тогда как у канского наконечника длина жала равна длине шейки).

В юго-западной части погребального костра (рис. 2) найдено железное тесло-топор (по терминологии Гавриловой, 1965, с. 67, рис. 9 — 12). Размеры его: длина — 16 см; ширина лезвия — 7 см; высота лезвия — 8 см; ширина насада — 6 см; длина — 8 см. Тесло почти в два раза крупнее, чем подобные изделия из Тувы и Алтая, известные в комплексах IX—XIV вв. (Гаврилова, 1965, с. 67, 71, 75 и др.; Кызласов, 1969, с. 104, 139). На территории Прибайкалья такие мотыгообразные тесла известны в курканоких комплексах VII—X вв. у народов Восточной Сибири они бытовали вплоть до недавнего времени. Вероятно, данный предмет выполнял универсальные функции, мог служить и топором, и теслом, и мотыгой, и, возможно, пешней в зимнее время, а потому был необходимой принадлежностью воина-воадника.

Украшения представлены бляшками и пряжками (рис. 6):

1. Три бронзовые фигурные бляшки (размером 4,0х3,5 см) со штампованным сердцевидным орнаментом и железными шпеньками для крепления к ремню (рис. 6 — 1, 2, 3). Пока они не находят аналогии в известных нам средневековых комплексах Евразии.

2. Две железные фигурные бляшки (размером 3,5х2 см) с кольцами (диаметром 1,2 см) и железными шпеньками для крепления к ремню (рис. 6 — 4, 5). Аналогичная бляшка найдена в древнехакасском кургане XI—XII вв. (Кызласов, 1969, с. III, рис. 44—13).

3. Три бронзовые фигурные сердцевидные бляшки (размером 2,2х2,0 см) со шпеньками, покрытые "чешуйчатым" орнаментом (рис. 6 — 12, 13, 14). По краям "чешуек" нанесены мелкие насечки, придающие орнаментации объемность. Сердцевидные бляшки извест-

ны на поясах каменных изваяний Монголии древнетюркского времени УП-IX вв. (Евтюхова, 1952, с.88,109). "Чешуйчатый" орнамент встречается на предметах древнетюркского времени УП-X вв. Центральной Монголии (Сэр-Оджав, 1970, с.115, рис.16).

4. Прямоугольная бронзовая бляшка (размером 2,2х1,3 см) с шарнирным соединением (рис.6 - 15). Подобна по форме бляшкам из древнехакасских курганов Тувы XI-XII вв. (Кызласов, 1969, с. III, рис.44 - 2-4). Отличается от последних пропорциями и орнаментом. Орнамент "чешуйчатый", как и на вышеописанных сердцевидных бляшках.

5. Железная обойма от ремня (размерами 2,1х0,8х0,8 см). Орнамент в виде тонких резных линий, идущих вдоль края обоймы (рис.6 - 6).

6. Железный наконечник (размером 3,3х1,3 см) с двумя шпеньками для крепления ремня. Без орнамента (рис.6 - 9). Подобен наконечнику из указанных выше тувинских комплексов XI-XII вв. (Кызласов, 1969, с. III, рис.44 - 1).

7. Бронзовый наременный наконечник (размером 2,7х1,3 см), орнаментированный по краю двойной линией. На внутреннем пространстве нанесено какое-то сложное изображение, напоминающее идеограмму (рис.6 - 8). Найти аналогию данному изображению пока не представляется возможным. По форме подобные наконечники, но с совершенно другим орнаментом, встречены в древнехакасском погребении IX-X вв. (Кызласов, 1969, с.108, рис.40 - II).

8. Бронзовая пряжка с прямоугольной петлей для крепления ремня (размером 2,5х2 см) и железным подвижным язычком (рис.6 - 10). Аналогичные пряжки известны на Алтае в могилах сросткинского типа УШ в. (Гаврилова, 1965, с.67, рис.9 - 2), киргизских могилах УП-УШ вв. в Хакассии (Евтюхова, 1948, с.25, рис.54).

9. Железные кольцеобразные пряжки (диаметром: первая - 4,5 см, вторая - 2,5 см), с подвижным язычком, орнаментированные по бортику косыми трехгранными насечками (рис.6 - 7, II). Аналогичные пряжки встречены в гунно-сарматских комплексах Тувы II в. до н.э. - У в. н.э. (Дьяконова, 1970, с.206, табл. XI - I-II), в могилах одиноцкого и катадцанского типов на Алтае - II-УШ вв. (Гаврилова, 1965, с.53, рис.3 - 4; с.63, рис.8 - 6), древнетюркских комплексах Тувы XI-XII вв. (Кызласов, 1969, с.98, табл. III - 90).

Пока на основании только имеющегося материала трудно решить какие бляшки и пряжки относятся к конской сбруе, а какие

к поясному набору воина. Вероятней всего, бронзовые бляшки с чешуйчатым орнаментом, бронзовый ременный наконечник и бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 6 - 12-15, 8, 10) относятся к поясному набору воина; фигурные бронзовые бляшки и железные бляшки с кольцом (рис. 6 - 1-5), железный ременный наконечник (рис. 6 - 9), железная обойма (рис. 6 - 6) и круглая железная пряжка малого диаметра (рис. 6 - 11) относятся к уздечному набору¹; а круглая железная пряжка большого диаметра (рис. 6 - 7) является подпругой.

Наконеч, к сбруйному комплексу относятся два железных стремена (рис. 2, 7). Высота стремян - 17 см, ширина в основании - 13 см; высота ушка - 3 см, ширина ушка в основании - 5 см. Ушко овальной формы, прорезь для крепления стременного ремня узкая, квадратной формы, размером 2,2x0,5 см. Подножка олегка выгнута внутрь, шириной 3,5 см, в сечении - ромбовидная, толщиной 1 см. Эти стремена по общему облику ближе всего к VI типу стремян VI-X вв. Евразии по классификации А.Н. Кирпичникова. По контуру же ушка они ближе к У типу того же автора и датируются им VI-VII вв. (1973, с. 45-50, табл. XIV - 6, 8). На Алтае близкие по облику стремена были найдены в могилах каталинского и часо-венногорского типов VII-XIV вв. (Таврилова, 1965, с. 63, рис. 8-9, табл. XX - 5). Наши стремена отличаются от алтайских находок профилем подножки (ромбовидным) и вогнутостью подножки. А.Н. Кирпичников (1973, с. 45-46) связывает изменение формы подножки, ее выпрямление с изменением тактики ближнего боя и сменой мягкой обуви на сапоги с жесткой кожаной подошвой. датируя эти процессы X-XI вв.

Как видим, большинство вещей имеет широкие границы бытования (рис. 8), не выходящие однако за пределы X-XI вв. Более широкую датировку - до XIII-XIV вв. имеют только срезы и стремена с прямой подножкой. Однако эта поздняя датировка касается, в основном, материалов древнемонгольского времени Восточной Европы, которые на территории Монголии и Сибири должны датироваться более ранним временем. Учитывая, что большая часть вещей бы-

1. Д. Р. Кызласов (1969, с. 109) указывает на обаяч погребения невзнузданной лошади в древнетюркских могилах IX-X вв. Возможно, и в данном случае в погребении не было узды. За это как будто говорит отсутствие среди находок железных удиц. В таком случае, все бляшки будут относиться к поясному набору.

тует в Южной Сибири в VII-X вв., а стрема с прямой подножкой датируется не ранее X-XI вв. н.э. (являясь в то же время наиболее ранним вариантом этого типа стремчи), мы склонны датировать комплекс вещей из Канского погребения X-XI вв. н.э.

Больше всего этот комплекс находит аналогии в древнехакасских могильниках Тувы IX-XII вв. В то же время в каждой из находок с р.Кана мы видим локальные отличия от сходных материалов Южной Сибири и Алтая. Очевидно, здесь мы обнаружили местный вариант древнехакасской культуры. О близости канского погребального комплекса к древнехакасской культуре свидетельствует и обряд погребения - с трупосождением, который зафиксирован в Хакасии с II в. до н.э., а во II-IV вв. и позднее становится там единственным (Кызласов, 1969, с.97,195). Канское погребение отличается от древнехакасских тем, что над погребальным кострищем не было надмогильного сооружения из камней. Погребения с трупосождением известны и в Прибайкалье, на Ольхоне, начиная с курьканского времени V-I вв. и вплоть до современности.

Пока на территории юга Восточной Сибири памятники кочевников раннего средневековья остаются почти неизученными. Только дальнейшие их исследования дадут возможность уточнить хронологические рамки Канского погребения, его культуру и этническую принадлежность.

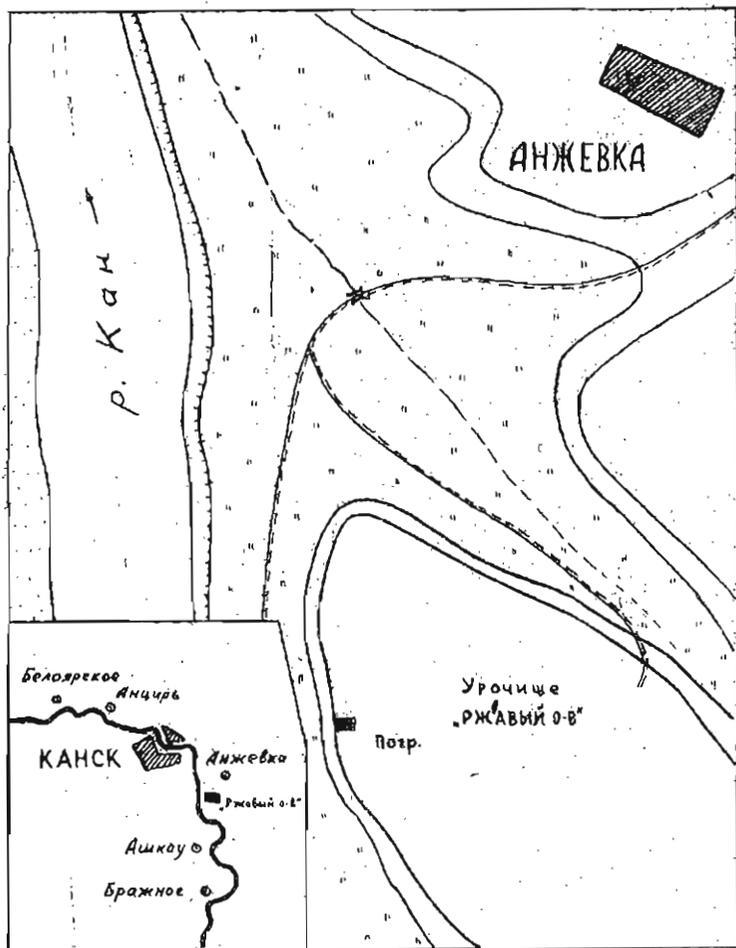

Рис. 1. Карта-схема местонахождения Канского погребения
железного века

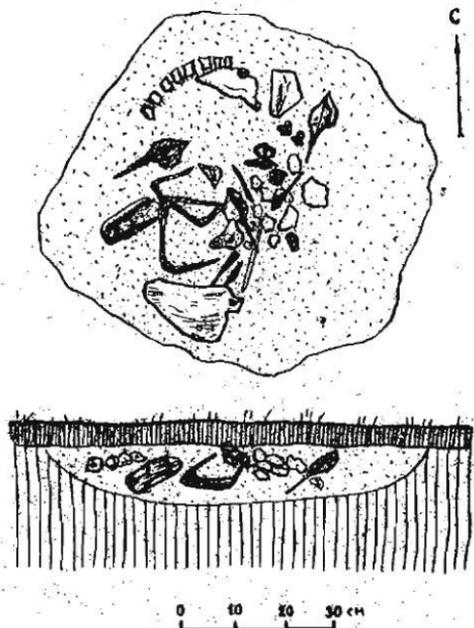

Рис. 2. План и разрез погребения с трупосожжением на р. Кан

Рис. 3. Трехлопастной наконечник стрелы
из Канского погребения

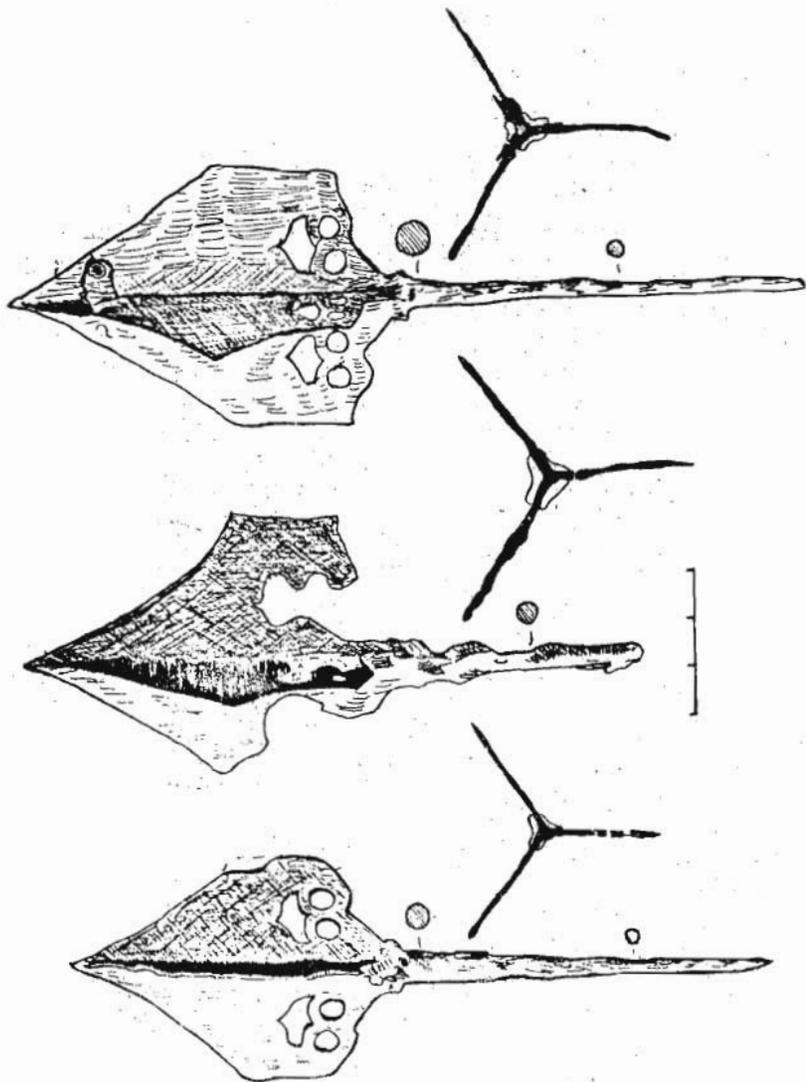

Рис. 4. Трехластные наконечники стрел из Канского погребения

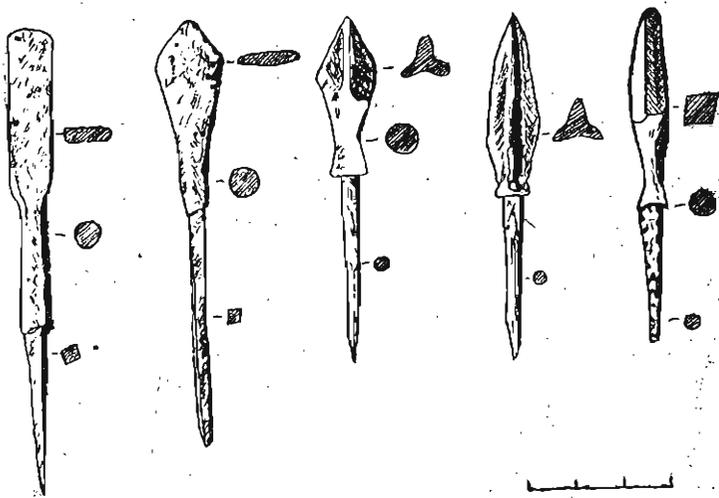

Рис. 5. "Бронзобойные" наконечники стрел
из Каяского погребения

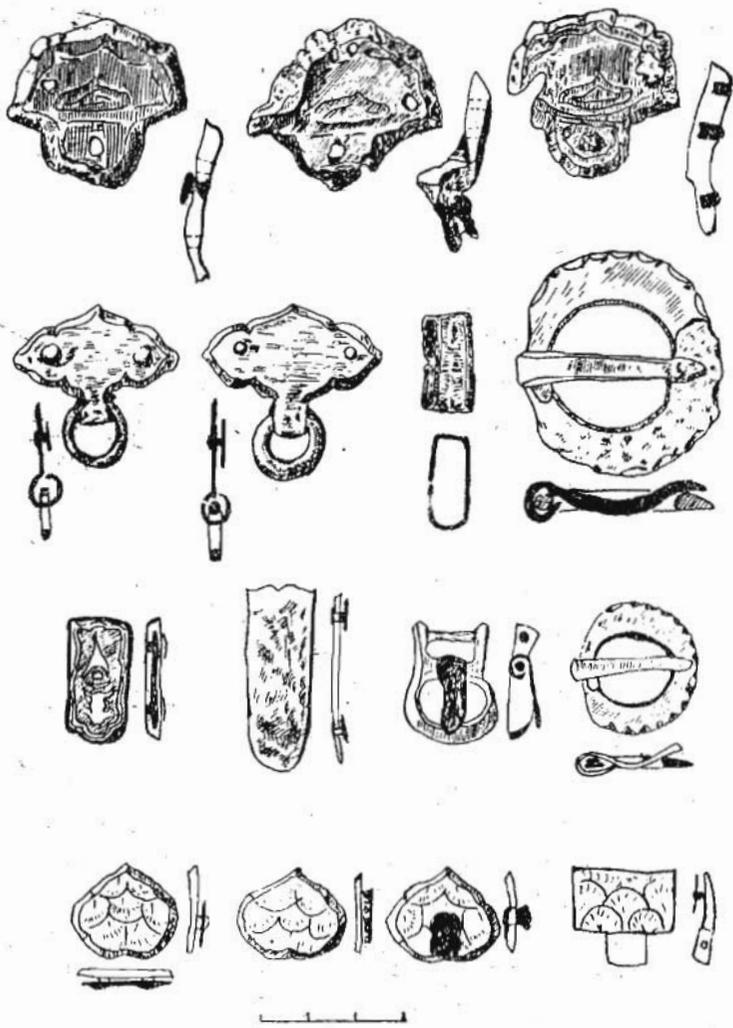

Рис. 6. Подвесные бляшки и пряжки из Канского погребения:
1-3, 8, 10, 12-15 - бронза; 4-7, 9, 11 - железо

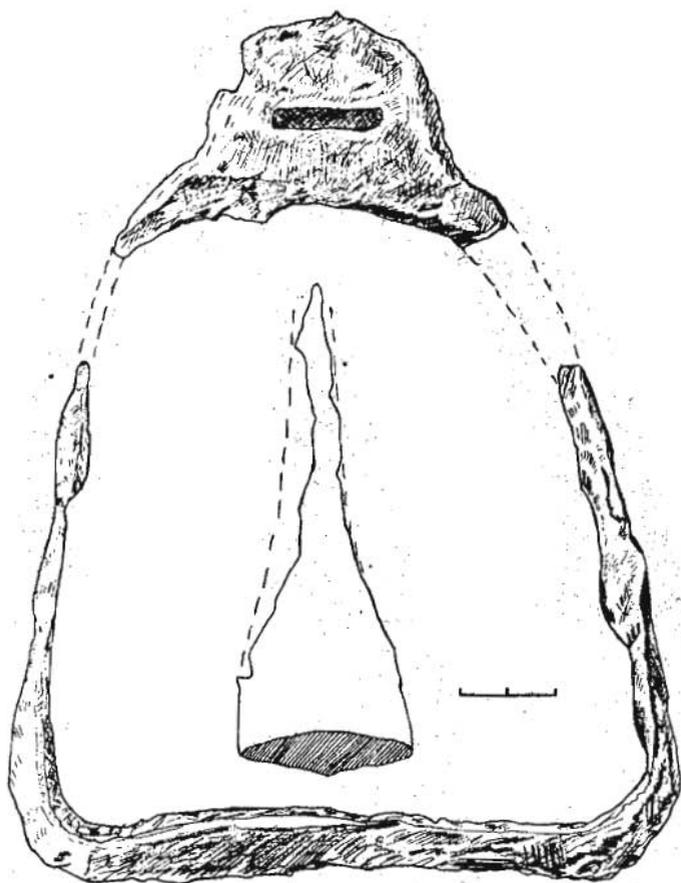

Рис. 7. Железное стремя с прямой подножкой
из Канского погребения

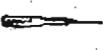
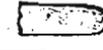
														
VII														
VIII														
IX														
X														
XI														
XII														

Рис. 8. Хронологическое распространение типов предметов, аналогичных находкам из канского погребения

И.И. Кириллов, Е.В. Ковычев,
И.В. Асеев, С.Л. Зубов

МОГИЛЬНИК БУРХОТУЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПАДИ УЛАН-САР

В 1973 г. читинский археологический отряд, наряду с изучением памятников каменного века в бассейне р. Онон, проводил раскопки могильников раннего средневековья (рис. I). Один из таких могильников находился на правом берегу р. Аги, в 7 км выше с. Цаган-Ол. В месте расположения могильника широкую долину оконтуривают высокие сопки, рассеченные распадками, по одному из которых протекает ручей. По всему течению ручья в глубину до 4 км левый берег представляет собой террасовидный склон, сложенный мощными песчаными отложениями и в основной своей части разветленный. Правый берег ручья, примыкающий к высоким сопкам, подвергся эрозии лишь в самом устье распадка. На этой стороне ручья, на невысокой опушке, примыкающей к крутому склону сопки, находился могильник, названный нами по наименованию местности Улан-Сар (Красный Бык).

В могильнике было выявлено 12 каменных выкладок курганного типа и 3 прямоугольных в плане кладки, внешне напоминающие плиточные могилы. Восемь курганов были расположены компактной группой на расстоянии 1,5-2 м один от другого, остальные в 20 м глубже по распадку. Кладки погребений были сильно задернованы и слабо различимы среди оползших по склону камней разрушающейся скалы.

Погребение I

Кладка в плане имеет овальную куполообразную форму, размером 280x300 см и мощностью кладки в центре 45-50 см. В центральной части кургана сразу под кладкой обнаружены фрагменты глиняного сосуда. Сосуд был обложен камнями, которые придавали ему устойчивость и предохраняли от повреждения. Он имел амфоровидную форму, узкую короткую горловину, резко выгнутый наружу округлый венчик с двумя ушками, соединяющими последний с широким туловом. Днище сосуда сужено и в центре его имеется аккуратно просверленное круглое отверстие. Сосуд ручной лепки со слегка зашцепами стенками (рис.3 - 8). Характер погребения и форма сосуда не оставляют сомнения в его ритуальном назначении. Подобные сосуды были обнаружены нами ранее в аналогичных погребениях на р.Унде - притоке Онона.

Очевидно, мы встретились с распространенным среди кочевников Центральной Азии и Сибири обрядом почитания умерших или погибших на стороне соплеменников, родственники которых не имели возможности погребти их прах (Сосновский, 1946).

Погребение 2

Погребение расположено в 2 м к В от первого. Размеры кладки 250x310 см, мощность в центре - 55-60 см. Камни плотно уложены ("овязаны") между собой. Края кургана укреплены наклонно поставленными крупными плитами (рис.2). Под каменной выкладкой имелось перекрытие могильной ямы из небольших плиток, повторяющее контуры последней. Могильная яма забутована камнями и землей до глубины 110 см. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, ориентированный головой на СЗ. Правая рука вытянута вдоль тела, левая положена кистью на таз. В изголовье, с левой стороны, лежал небольшой сосуд с выгнутым наружу венчиком в виде воротничка, по нижней части которого шли насечки, оставленные узким прямым штампом (рис.3 - 1). Рядом с сосудом найдена лопатка барана. С левой же стороны у пояса находился узкий односторонний железный ножичек и наконечник стрелы с обломанным плоским пером (рис.6 - 3). С правой стороны на тазовых костях найдены железная рамчатая пряжка с вогнутыми сторонами и крючок от колчана.

Погребение 3

Кладка куполообразная неправильной формы, размерами 240х360 см. В центральной части кладки осталося на 3-4 ряда камней и достигала мощностью 75 см. В северо-восточной части кладки срез под дерном и между камнями обнаружены фрагменты сосуда с сильно выгнутой наружу венчиком и мелкими ямками по тулову, слегка залощенному, черного цвета. На глубине 145 см от поверхности кургана, в узкой могильной яме лежал скелет, в выгнутом положении на спине, ориентированный головой на СВ. В его изголовье, с левой стороны, на боку лежал все один сосуд аналогичной первому формы с сильно выгнутой наружу венчиком (рис. 3 - 2). У левой руки находился небольшой железный нож, у тазов - железная рамчатая пряжка с язычком.

Погребение 4

Форма каменной кладки аналогична предыдущим. Размеры ее 210х250 см. По срезу кургана, укреплял его по краям, камнями поставлены наклонно к центру. После разборки кладки выделена четырехугольная могильная яма, размерами 140х60 см. В ней, на глубине 135 см от поверхности, обнаружен плоскодонный глиняный сосуд плохой сохранности. Венчик его выгнут наружу. Часть венчика и тулово сосуда не сохранились. Погребение аналогично погребениям № I и принадлежит, как и последнее, к типу кенотафов.

Погребение 5

Кладка округлой формы размерами 240х260 см. Она плотно заложена камнями и имела мощность в центре 60 см. Могильная яма плотно забутована камнями. В ней на глубине 105 см от поверхности находился скелет, лежащий вытянуто на спине, лицевой частью к СВВ. Руки вытянуты вдоль тела. Сосуд в изголовье этого погребения отсутствовал. Вместо него у черепа лежала дощечка береста. У правой бедренной кости найден железный наконечник стрелы с длинным черешком и плоским пером шестиугольной в плане формы. Еще 8 железных наконечников были обнаружены в районе таза костей. Они лежали компактной группой, остриями вверх. Все наконечники небольших размеров, плоские, с различным очертанием перьев. У 5 - перья имели почти правильную треугольную в плане форму и различались только степенью приостренности их, отсутствием или наличием выемки, иногда оканчивающейся выемкообразом, а также охранявшимся у 2 из них выгнутыми ребрами.

пересекавшими с обеих сторон плоскость пера. Еще один наконечник имел широкое в плане перо с остроугольной головкой и резко очерченными плечиками, переходящими в шейку-упор. На некоторых наконечниках видны остатки костяных "овистунок".

С правой стороны костяка у таза лежали фрагменты узкого однолезвийного ножичка. У эпифиза левой бедренной кости - рамчатая пряжка с вогнутыми боковыми сторонами и длинным язычком. В области шейных позвонков найдена золотая гривна дугообразной формы с широкой плавно свисающей вниз центральной частью (рис. 7 - 8). Края верхнего вогнутого полукружья слегка подогнуты внутрь и образуют с ее поверхностью ребристую спинку. Гривна украшена 9 выпуклыми-горошинами, выдавленными с внутренней стороны. Ниже гривны в районе груди сохранились фрагменты железного пластинчатого панциря. Пластинки его различных размеров и очертаний (рис. 5 - 10, 13). Часть из них имеет сквозные отверстия для крепления, на других сохранились заклепки.

У локтя правой руки с внутренней стороны лежали фрагменты железных колец и железный крючок от колчана. Оба конца крючка загнуты внутрь и имеют крыловидные планки, с помощью которых прицеплялись за кольца колчана (рис. 5 - 2, 4, 9). У черепа найдено медное колечко-серьга, диаметром 18 мм с приостренными концами (рис. 5 - 1). Несколько выше лежали фрагменты железных предметов: часть втулки с отверстиями для крепления ее к древку и шилообразный инструмент с кольцевым отверстием на одном из концов (рис. 5 - 7, 8).

Погребение 6

Погребение имело округлую слегка выпуклую кладку размерами 240х340 см. В забутованной камнями узкой могильной яме, на глубине 100 см от поверхности обнаружен костяк, лежавший на боку со слегка подогнутыми в коленях ногами и ориентированный головой на СЗ. Руки вытянуты вдоль тела, череп повернут лицевой частью на СВ. Слева от лицевой части погребенного лежал небольшой глиняный сосуд баночной формы с широким отогнутым наружу венчиком, по краю которого шли неглубокие округлые вдавления (рис. 3 - 5). Под черепом в районе шейных позвонков найдены 7 фрагментов пластинчатых лат. Это небольшие пластинки прямоугольной формы с овальным верхним краем, в котором имелись отверстия для крепления. Ниже их, в области грудной клетки, обнаружен небольшой железный ножичек с коротким черешком, на котором видны

остатки деревянной рукояти (рис.6 - 2). Ниже ножа лежали 5 черешковых железных наконечников стрел, обращенных остриями вверх. Один из них имел пятиугольное в плане перо с вытянутым жалцем, невысокую округлую шейку и очень короткий черешок (рис.4 - 4). Два других - трехгранные, заканчивались у головки валиками-упорами (рис.4 - 10,15). Кроме того, в области правой бедренной кости обнаружен железный крючок от колчана с поперечной планкой на нижнем конце (рис.5 - 15).

Погребение 7

Кладка округлой формы размерами 280х300 см. В кладке, при ее зачистке, обнаружено беспорядочное скопление костей человека. В центре кургана среди костей лежали бронзовая курительная трубка и широкий железный нож с коротким черешком (рис.8 - 8,9). Трубка имеет длинное вытянутое тело, оканчивающееся маленькой цилиндрической чашечкой, под которой проходят 2 кольцевых валика, а по изгибу трубки - небольшой гребешок, предохраняющий ее от излома. Такие же (тройные) валики украшают другой конец трубки, отделяя его от мундштука.

Хотя других находок в кургане не обнаружено, следует признать все же данное погребение вторичным и отнести его к более позднему времени, чем остальные. Трубки подобного типа получают распространение только в XIV-XVI вв. и встречаются в погребениях позднемонгольского времени (Кириллов, Ковычев, 1975).

Погребение 8

Несмотря на хорошую сохранность кладки кургана, находок в нем не обнаружено.

Погребение 9

Имело прямоугольную в плане форму кладки размерами 140х240 см. Прямоугольная оградка из поставленных на ребро плит внутри плотно перекрывалась камнями. Под засылкой шли камни перекрытия могильной ямы. Конструкция, характерная для плиточных могил, отражена здесь наиболее полно. Дополнительно могильная яма была забутована на глубину до 55 см. На дне могильной ямы лежал костяк, ориентированный головой на СЗ. Он был в вытянутом положении на спине. Под черепом находилась небольшая каменная плетка-"подушка". Левая рука погребенного вытянута вдоль тела, правая, слегка согнутая, положена кистью на таз (рис.2). У лак-

тевого стиба левой руки найден узкий железный нож плохой сохранности. На тазовой кости - железная рамчатая пряжка с вогнутыми сторонами, а в районе шейных позвонков - дугобразная мелкая гривна с обломанными концами. С обеих сторон по краю она имеет подогнутые внутрь бортики. От центральной части гривны отходит вниз уступ, украшенный продольными валиками (рис.7 - 7).

В юго-восточной части погребения, у ног, лежали 6 наконечников отрезков. Один из них, плоский шестигульный в плане, имел 2 отверстия в уголках плечиков и короткую шейку с упором. (рис.6 - 5). Другой - аналогичное плоское перо, но пятиугольное в плане (рис.4 - 16). Еще один плоский наконечник имел вытянутую лопаточкообразную форму. У четвертого наконечника, относящегося к типу броневых, была острая головка четырехугольной формы и длинный черешок (рис.4 - 17). Два последних наконечника - трехперые. Один из них крупного размера с широкими лопастями, расширяющимися к лезвию, другой - маленький, подтреугольных очертаний с вытянутой ударной частью (рис.4 - 11, 14). Ни на одном из наконечников не замечено следов присутствия костяных "свистунок". Рядом с пряжкой у пояса обнаружен дугобразный железный пробой с разогнутыми концами и с зацепленным за них железным колечком.

Таким образом, в погребальном инвентаре Улан-Сарского могильника преобладают предметы вооружения и керамика.

Среди сосудов преобладают изделия горшковидных форм, с выпуклыми широкими тульями коротких пропорций, невысокими зауженными шейками и широко отогнутыми наружу уплощенными венчиками, под которыми иногда проходят налепные валики с насечками и вдавлениями. Все эти черты близки мохэской керамике Приамурья и Приморья, на что указывал еще А.П.Окладников (1960), публикуя материал первых бурхотуйских погребений. Вместе с тем, для отдельных сосудов могильника Улан-Сар присущи черты, не имеющие аналогий на востоке. Таковы прежде всего сосуды из погребений № 1 и № 3, которые отличаются от прочих большими размерами, формой и способами украшений. Характер отворотов венчиков, украшение сосудов налепными разорванными валиками с загibaющимися вниз концами, наличие у одного из них двух симметрично расположенных ушек для подвешивания и специально просверленного отверстия в дне приближают эти сосуды к керамике другого региона, связан-

ного этнически с тюркоязычными племенами. Технология изготовления таких сосудов также отлична от бурхотуйской и близкой ей мохэской, где использовался способ ленточно-кольцевого налета, тогда как последние изготовлены путем формовки в специальной основе из сетки или грубой материи, оставляющей характерные следы на поверхности посуды, которые проступают даже после ее дополнительной обработки лощением или замывкой. Такие сосуды были обнаружены нами, в частности, в погребениях на р. Унде (Кириллов, Константинов, 1972).

а также в погребениях могильника в пади Новоселиха на р. Ононе.

Предметы вооружения представлены обломками железных пластин от пещерных лет, подчетыреугольных и овальных форм и богатым набором железных черешковых наконечников стрел различных типов и форм. Среди них основное место занимают плоские наконечники. Вопрос о времени существования тех или иных форм наконечников стрел из бурхотуйских погребений представляет определенную трудность, так как до сих пор нет ни одной абсолютной датировки для бурхотуйских памятников. Следует отметить, что железные наконечники в ранних погребениях, как правило, плоские и черешковье (Окладников, 1952). Среди бурхотуйских погребений плоские наконечники "архаичного" облика обнаружены Е. С. Гришиным у с. Кунгур, А. П. Окладниковым в пади Бурхотуй (Окладников, 1960; Гришин, 1962). Таковы прежде всего треугольные в плане стрелы с коротким плоским черешком. По существу, она копирует наконечники стрел аналогичной формы из бронзы, относящиеся к культуре плиточных могил Забайкалья (Гришин, 1962), и являются исходной формой для более поздних черешковых наконечников стрел с треугольными или близкими к ним очертаниями перьев. Именно такие наконечники стрел в различных вариантах представлены в погребениях рассматриваемого могильника (рис. 4). Все они небольших размеров, с короткими или длинными, но уже округлыми в сечении черешками. Некоторым из них, путем характерных срезов нижней части пера, придавалась пяти- и шестиугольная форма, которая находит свое полное завершение в классических пяти- и шестиугольных наконечниках стрел (рис. 4 - 13; рис. 6 - 3, 5). Для наконечников этого типа характерны широкие лезвия, плоские (иногда с отверстиями в нижней части - тип "свистунка") и длинные тонкие черешки.

Интересен наконечник стрелы с крыловидным раздвоенным жалом. Подобные наконечники стрел получали широкое распространение у многих народов Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока (Медведев А.Ф., 1966; Деревянко, 1972). Известны они и в памятниках поздних кочевников Забайкалья (Асеев, 1973). Улан-Сарский наконечник существенно отличается от последних как размером, так и формой пера. Ближе всего он к аналогичным изделиям, обнаруженным при раскопках мохоских поселений (Деревянко, 1972). Основное назначение подобных наконечников - использование для охоты на птиц и мелкую дичь.

Вот в коллекции наконечников из Улан-Сара один экземпляр плоского срезня с пером в виде расширяющейся лопаточки с прямым лезвием, получивших широкое распространение уже в монгольскую эпоху (Медведев, 1966) (рис.4 - 12).

Два наконечника относятся к бронёбойным типам (рис.4 - 6, 17). Один из них имеет утяжеленную ромбическую головку и длинный черешок, другой - маленькую четырехгранную головку и шейку и такой же длинный черешок. Простота их форм, удобство изготовления в сочетании с высокими боевыми качествами обеспечивали им длительное существование. В нем в высокой степени этому способствовало усовершенствование средств защитного вооружения. Первые находки пластинок от лат были связаны в Забайкалье с плиточными могилами (в частности, у с.Чадаант - 1965 г., в долине р.Ага, непосредственной близости от Улан-Сара - 1971 г.). Аналогичные пластины из подъемных оборов имеются в фондах Читинского областного краеведческого музея. Широкое распространение пластинчатые латы получили у племен бурхотуйской культуры. Причем, в большинстве случаев это не сплошное панцирное покрытие воина, а защита лишь наиболее уязвимых мест - левая сторона груди и широкий пояс.

Весьма интересны трехперые наконечники стрел. Среди них имеются экземпляры сравнительно ранних типов (рис.4 - 15). К более поздним типам относятся наконечники с широкими трапециевидными лепестками (рис.4 - 10, 14). Подобные известны в памятниках тюркского времени в Туве (Ванштейн, 1970), на Алтае (Гаврилова, 1965) и в Западном Забайкалье (Хамзина, 1970). В единичных экземплярах они встречаются в памятниках раннемонгольского времени на территории Восточного Забайкалья (Асеев, 1973).

В погребальном инвентаре Улан-Сарского могильника были обнаружены немногочисленные предметы украшения. К ним прежде всего относятся золотая и медная гривны в форме полумесяца, носив-

шиеся на шею при помощи шнура, продетого через дырочки на концах. В нашем распоряжении имеются 4 таких гривны. Две из них обнаружены в Улан-Сара (рис.7 - 7,8), одна в погребении у с.Токчин (Кириллов, Константинов, 1972) и одна в разрушенном погребении у оз.Хороой в Ононском районе (рис.7 - 6). Нам не известны прямые аналогии бурхотуйским гривнам. Однако следует отметить, что украшения подобного типа (в форме дуги или полумесяца) имелись у алтайских племен V-III вв. до н.э. (Завитухина, 1966) и у хуннов Западного Забайкалья (Давидова, 1971). Но они отличны от вышеперечисленных как по форме, так и по орнаменту.

Из других предметов погребального инвентаря следует отметить узкие железные ножики монгольского типа (рис.6 - I,2,9; рис.7 - 9), железные пряжки с вогнутыми боковыми сторонами и длинными язычками (рис.5 - II,12), а также железный шильобразный предмет, идентичный хуннскому из Ильмовой пади (Давидова, 1971) (рис.5 - 7), железные крючки от колчанов с загнутыми концами, на которые приварены тонкие поперечные планки (рис.5 - 9; 15,16). Крючки подобной конструкции - типичная черта бурхотуйской культуры. Очевидно, с такими крючками был связан и особый способ крепления колчанов, установить который пока не представляется возможным.

Из 9 могил Улан-Сара - 8 имели идентичную курганную куполообразную кладку из плит гранита и гнейса, укрепленную по краю овала наиболее крупными, поставленными наклонно к центру, камнями. Центр кургана укреплялся двумя-тремя рядами камней, мощностью до 45-70 см. Могильная яма дополнительно перекрывалась аккуратно уложенными плашмя плоскими плитками и на всю глубину (до 60-85 см) от основания кладки забутовывалась мелкими камнями вперемешку с землей.

Для могильника характерны две формы труположения:

1. В вытянутом положении на спине, с правой рукой свободно положенной вдоль тела и левой, слегка согнутой в локте и положенной кистью на таз. Лицевая часть черепа в этом случае обращена на северо-восток;

2. На левом боку, со слегка подогнутыми ногами и вытянутыми вдоль тела руками.

При любом из этих положений костяки ориентированы головой на северо-запад с незначительным отклонением в ту или иную сторону.

Раскопки могильника Улан-Сар подтверждают уже имевшиеся сведения о присутствии бурхотуйского населения обряду сооружения "ложных" курганов в честь погибших на стороне родственников. Найдены сосуды и остатки угольков от кострищ, имеющиеся в захоронениях этих курганов, свидетельствуют в дань уважения, которую отдавала погибшему его сородичи.

Интересным и сложным является вопрос о соотношении бурхотуйской культуры с более ранней культурой плиточных могил, о преемственности между ними. Раскопки нового могильника позволили: во-первых, выявить среди погребений курганного типа ограды прямоугольной формы со всеми конструктивными особенностями плиточных могил, но с ориентировкой погребения и о набором вещей типичных для бурхотуйской культуры; во-вторых, отметить в конструкции курганных кладок бурхотуйцев ряд черт, присущих плиточным могилам - укрепление краев курганов плитками камня, поставленными на ребро, перекрытие могильной ямы плитами, сооружение каменных ящиков (цэст) в могильной яме. К настоящему времени не вполне достаточно интересный материал, который позволяет с определенной долей вероятности утверждать, что бурхотуйская культура в Восточном Забайкалье сменяет культуру плиточных могил. Очевидно, это происходит в связи с проникновением сюда новых племен, ассимилировавших местное население, но и воспринявших ряд признаков ему черт в культуре, в том числе и в обряде погребения. Это положение согласуется с данными исторических хроник (Викторова, 1958).

Что касается материала могильника Улан-Сар, то он, очевидно, фиксирует более поздний период, когда процесс складывания новой культуры был завершен и сохранились лишь отдельные, наиболее устойчивые черты культуры плиточных могил, которые проявляются в обряде погребения. Сравнительная характеристика погребального инвентаря данного могильника позволяет типологически определять его хронологические рамки концом I тыс. н.э.. Исключение представляет впускное погребение № 7, в котором обнаружены вещи более позднего времени.

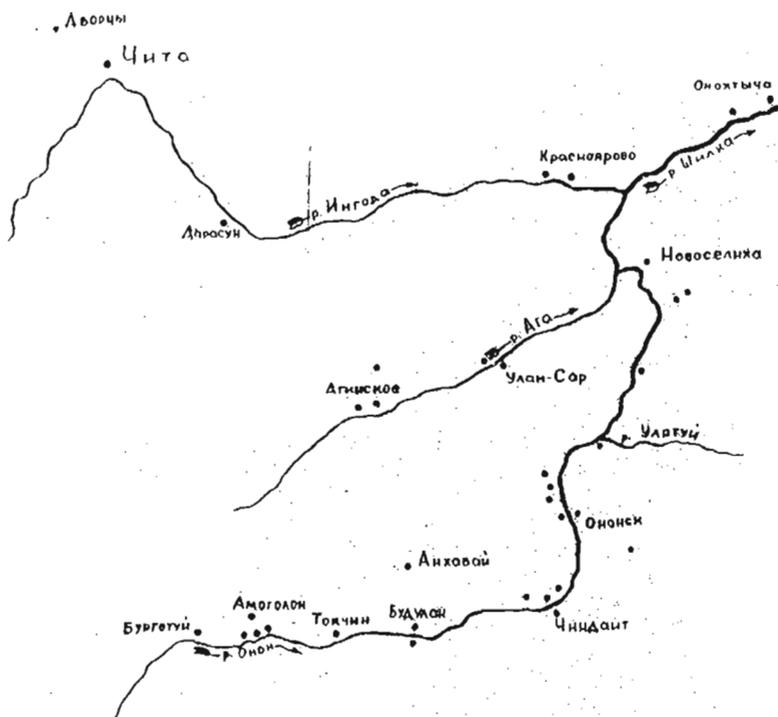
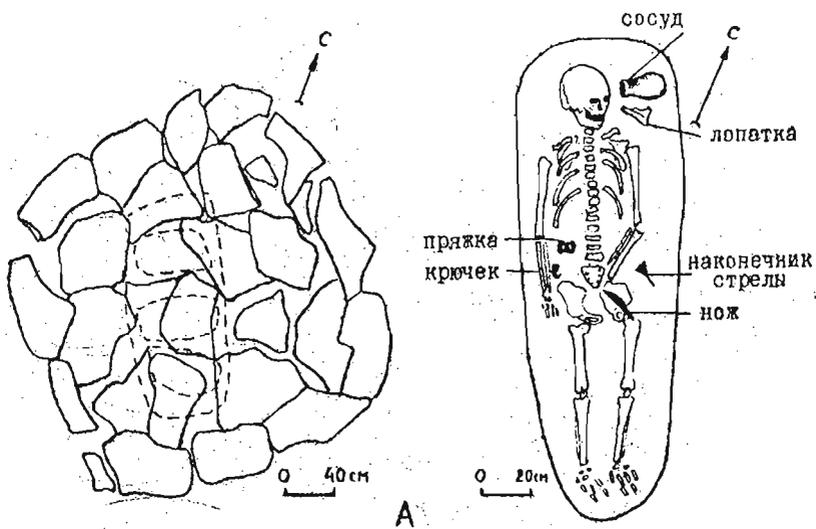
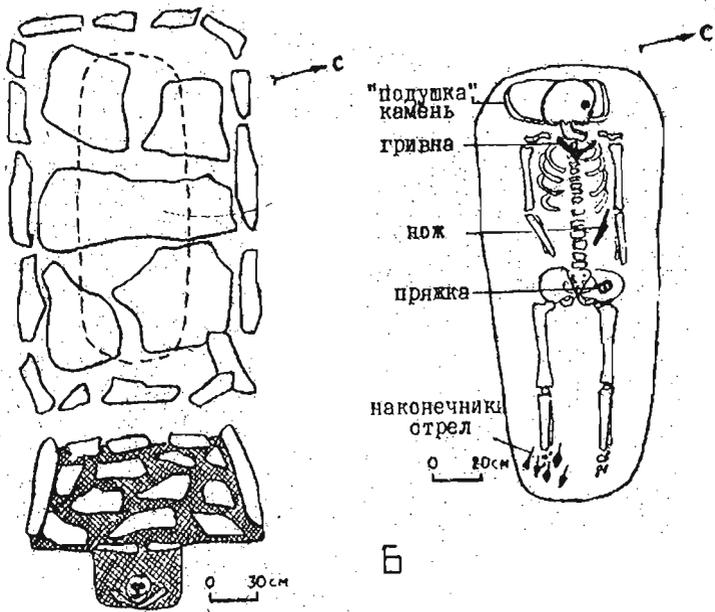

Рис. I. План расположения бурятских могильников.
по материалам Читинского отряда

А

Б

Рис. 2. Улан-Сар:
 А - план могилы №2; Б - план могилы №9

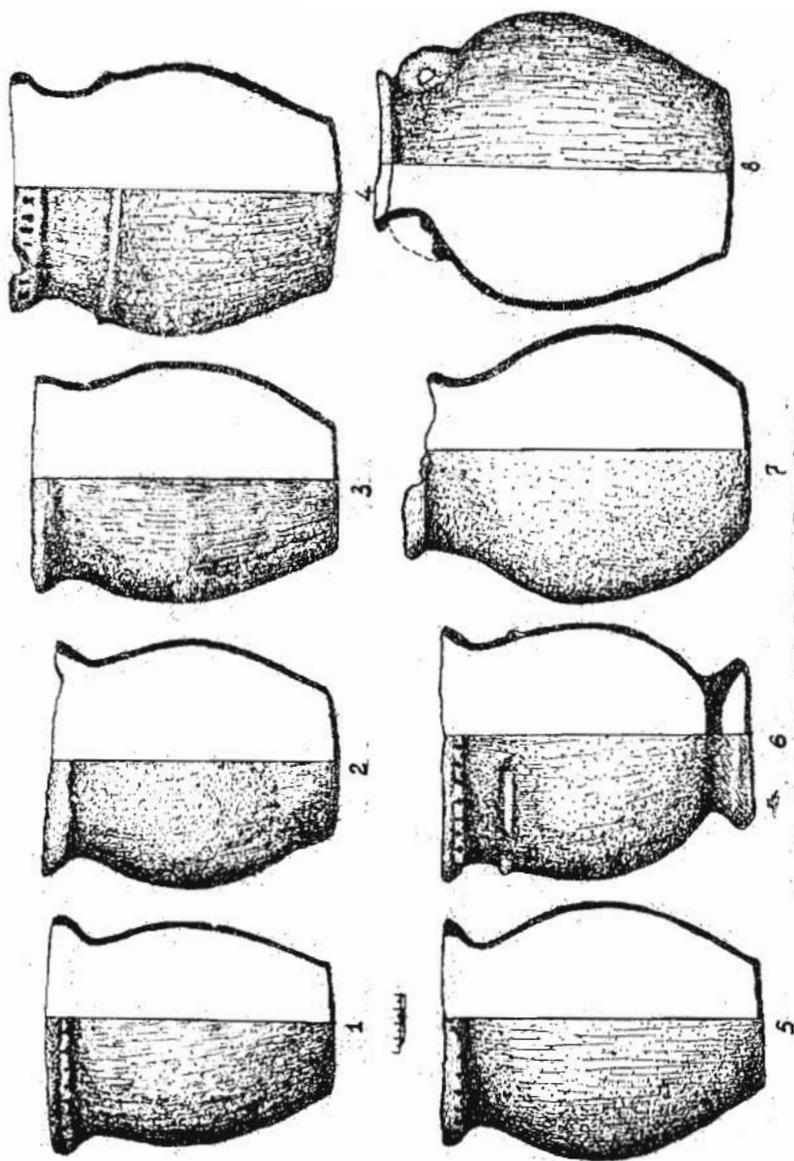

Рис. 3. Керамика; 1-3, 5, 7-8 - Улан-Сар;
4 - Юрфой; 6 - Красноярско

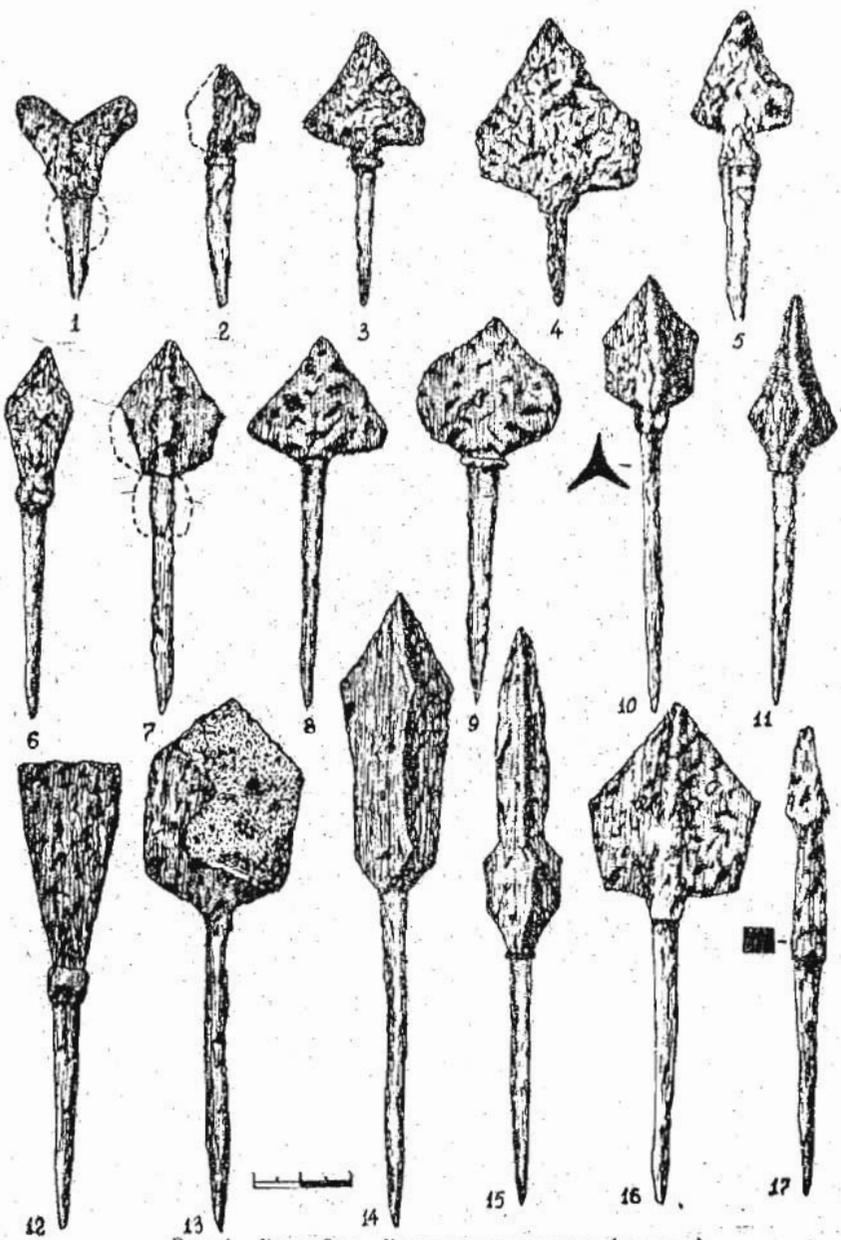
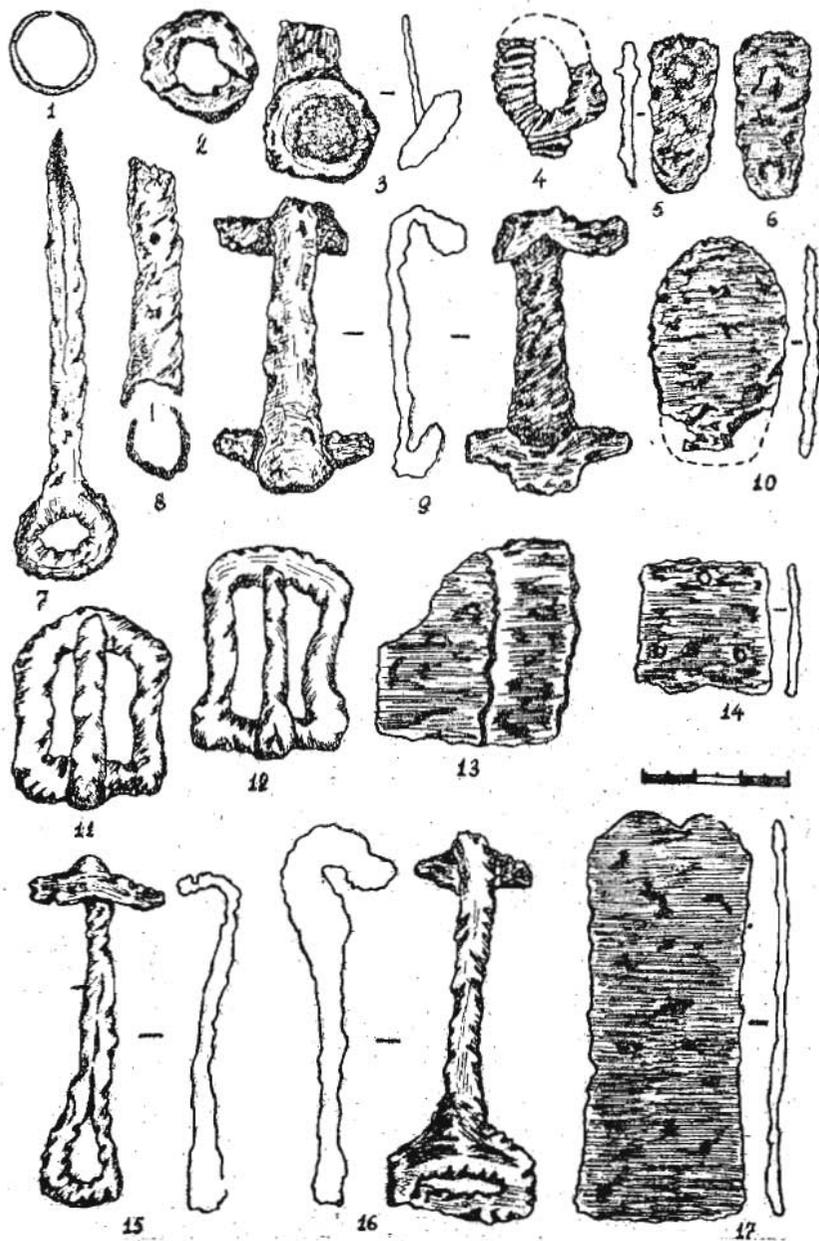

Рис.4. Улан-Сар. Наконечники стрел (железо)

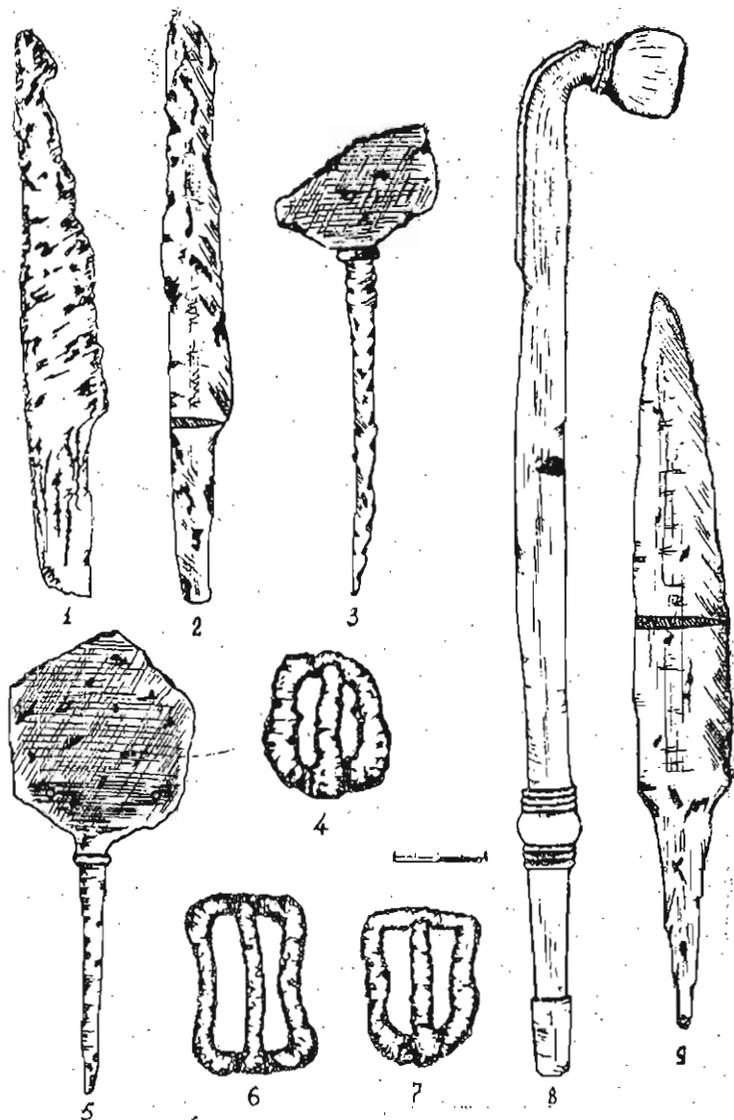

Рис. 6. 2-3, 5-9 - Улан-Сар; 1, 4 - Хорвоя

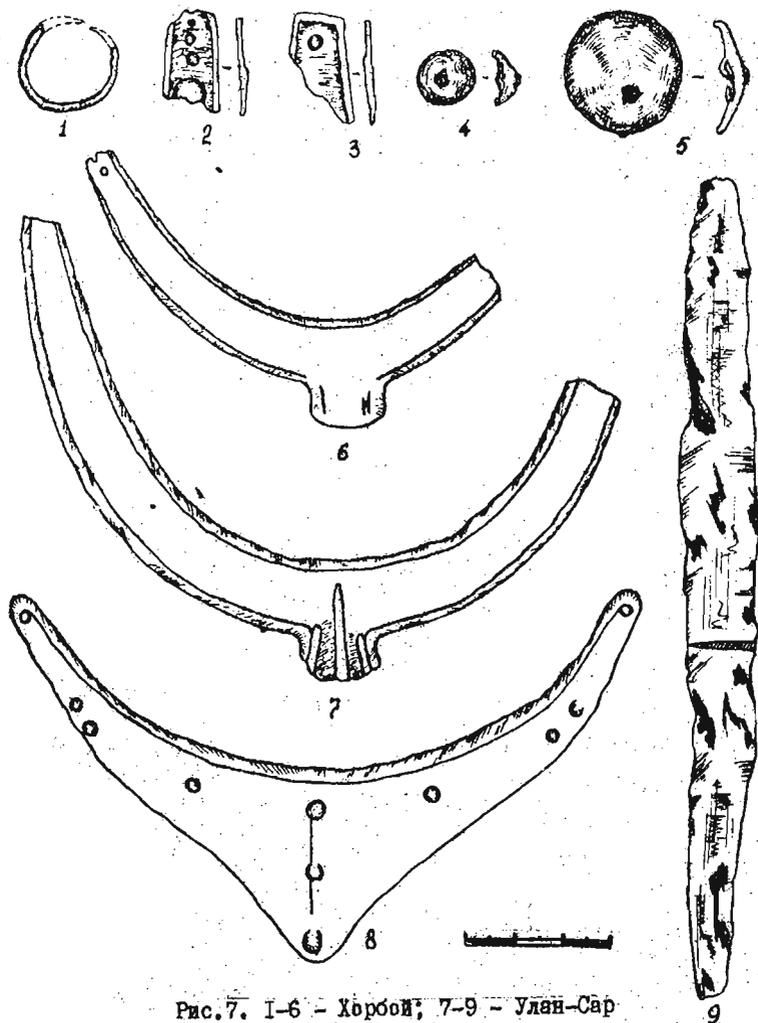

Рис. 7. 1-6 - Хорбуй, 7-9 - Улан-Сар

М. Г. Туров

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ЭВЕНКОВ
АНГАРО-ЧУНСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА

В предыдущих работах (Туров, 1974, 1975) было дано описание некоторых моментов из религиозных воззрений эвенкийского населения Ангаро-Чунского региона. Ввиду появления нового материала, дополняющего полученные ранее сведения, мы считаем необходимым дать в настоящей статье полное описание всего собранного материала о религиозных воззрениях эвенков указанного района, сопровождая его некоторыми соображениями сугубо гипотетического характера.

Как известно, взаимодействие двух культурно-хозяйственных пластов (переселенческого-русского и аборигенно-тунгусского) не только определяло появление новых форм хозяйства тунгусов, но и в известной степени стимулировало ряд более или менее значительных изменений в сфере эвенкийской идеологии. В пределах Ангаро-Чунского водораздела взаимодействие русской и эвенкийской культур происходило в специфических для данного района условиях. Прежде всего, обращает на себя внимание довольно значительная изолированность района, определяемая удаленностью его от магистральных путей русского переселенческого движения, а также отсутствием надежных регулярных способов сообщения района с развитыми центрами расселения русских. Все это, по словам И. А. Чекавинского (1914) и Н. И. Воробьева (1926), делало район р. Чуны одним из наиболее глухих уголков даже для

такой глухоманной провинции России, какой была в то время Восточная Сибирь. Кроме того, те же авторы полагают, что начавшееся с середины XVIII в. русское освоение р. Чуны осуществлялось поначалу отдельными малочисленными партиями русских промышленников, выходивших на р. Чуну на время рыбного и охотничьего промысла и строивших временные, изолированные друг от друга зимовья. Лишь к середине XIX в. эти временные преобразуются в постоянные довольно многочисленные поселения. К началу XX в. из 5 тыс. русского населения р. Чуны, по меньшей мере 3,5 тыс. чел. не далее как в третьем колене являлись потомками туягусов (Чеканинский, 1914; Воробьев, 1926). Подобная демографическая структура русского населения р. Чуны, как нам кажется, могла сформироваться при условии значительного преобладания эвенкийского субстрата, вынужденного в силу каких-то причин вынести брачные связи за рамки эвенкийского этноса. Видимо, в этих обстоятельствах и следует искать причину того, что сформировавшееся население р. Чуны в некоторой степени отошло от христианских религиозных догматов и приняло от эвенков многие элементы религиозных воззрений. Так, Н.И. Воробьев (1926) сообщает, что даже единственный на всю Неванскую (Чунскую) волость православный священник неоднократно обращался к эвенкийским шаманам за помощью и советом. Учитывая все эти специфические черты развития взаимоотношений русского и эвенкийского населения, видимо, можно предположить, что религиозные воззрения эвенков сохранялись вплоть до недавнего времени почти в том же состоянии, что и до появления русских поселенцев на р. Чуну.

Из всего комплекса материалов по религиозным воззрениям эвенков Ангаро-Чунского водораздела наиболее полно и подробно собран материал о так называемых "духах - покровителях семьи". Из опросных данных, а так же из личных наблюдений (Туров, 1974) установлено, что образы "духов-покровителей" материализовались эвенками в деревянных, костяных и металлических изображениях, носящих общее двойственное название "шэвэки-вражки" и разделяющихся на следующие категории:

I. Изображение людей - фигурки мужчины и женщины, называемые эвенками соответственно - "Амака дунду" (старик земля) и "Онеко" (бабушка небо чистое и светлое). Половые различия изображений, подчеркивались нанесением на лицевую часть "муж-

окого" изделия рисунка бороды, "женского" - рисунка длинных незаплетенных волос;

2. Изображения зверей - "боюн" (сохатый), "шондэ (дикий олень), "учаг" (ездовой олень);

3. Изображения птиц - "хайон" (орел), "оли" (черный таежный ворон), "беeko" (сойка), "кукоки" (кукша), "акитняка" (дикий гусь);

4. Изображения рыб - "дзёли (таймень), "нэру" (хариус).

Помимо перечисленных изображений в комплект "покровителей" включались: "маут" - длинный роддужный ремешок, которым, по мнению эвенков, "старик земля и бабушка небо" держали в стаде домашних оленей, не давая им разбежаться по тайге; "коготь медведя" (или какой-то знаменитый палец), хранившийся вместе с "вражками" как гарантия того, что "зверь не нападет"; здесь же хранилась ветка лиственницы (подробнее о функциональном назначении, возможности применения "шэвэков", способе хранения и транспортировки их изображений см. Туров, 1974, 1975).

Несмотря на то, что в комплекте изображений, принадлежащих одной эвенкской семье (в данном случае это семья эвенков Рукосуевых) присутствовали одновременно и "Амака дунду" и "Онеко", а среди "вражков" другой семьи (у нас это семья эвенка Погодаева) находится лишь изображение "Онеко", тем не менее "шэвэки" первой семьи считались "мужскими", второй - "женскими". Кроме того, божество, живущее в золе семейного очага, у Рукосуевых называлось "дедушка амака" в то время как Погодаевы называли его "бабушка онеко". Видимо, как следствие этого семья Рукосуевых считает свое происхождение от "Амака дунду", а семья Погодаевых - от "Онеко".

В качестве рабочей гипотезы, на наш взгляд, можно предположить, что "шэвэки", помимо функции охранителей благополучия семьи, являлись в некотором роде регулятором межсемейных брачных отношений, ибо традиция предписывала осуществление брачных связей лишь в одном направлении, например, мужчины из семьи Рукосуевых (точнее группа семей Рукосуевых, считающая своим предком "Амака дунду") могли брать жен из группы Погодаевых (дух-предок "Онеко"). В то время как женщины группы Рукосуевых не могли выходить замуж за Погодаевых. В связи с этим необходимо вспомнить следующее сообщение, записанное нами от эвенков: "Когда Василий (Рукосуев) взял за себя погодаевскую

Акуляну, наши семьи вроде как родней стали. Потому когда Надя-то (Н.И.Рукоусева) стала с Иваном Погодаевым жить, убежала к нему (два раза убежала), дедушка (Едим Рукоусев) велел отцу (И.Э.Рукоусеву) ехать по нее, домой воротить. Надя потом вторично с Погодаевым ушла, у него долго (несколько лет. - М.Т.) жила, потом к нам в Бродову приехали в гости. Василий-то с Иваном Погодаевым задрались - Иван к Васе домой зашел так тот его ударил, на крыльцо вытолкал. Потом отец-то их мирить стал: "раз так вышло пусть теперь с нами живут". Потом Погодаевы к нам переехали, стали с нами одним стойбищем жить." Весьма заманчиво было бы предположить, что конфликтная ситуация объясняется "незаконностью" брака Погодаева с Н.И.Рукоусевой, "незаконным" уже потому, что "вражки" Погодаевых были "женскими", а "вражки" Рукоусевых "мужскими". Однако следует учитывать, что и мужская половина группы Рукоусевых не всегда, видимо, могла искать жен у Погодаевых. Так, например, Илья Едимович Рукоусев не мог найти себе жену среди Погодаевых, а потому женился на русских (был женат два раза). Вполне возможно, что заключая брак, мужчина, помимо освященных "шэвэками" правил выбора супруги должен был ограничивать свой поиск строгими рамками определенной возрастной группы "чужих" женщин (примеров такого правила в этнографической литературе достаточно много). Возможно также, что начавшееся со второй половины ХУШ в. сокращение числа эвенкийских групп, до того населявших Ангаро-Чунский регион, определяло для оставшейся группы семей суженные круги брачных партнеров и, в конечном итоге, опосредствовало нарушению традиционных брачных норм, переходу к смешанной русско-эвенкийской форме браков.

Из литературы по космогонии эвенков (в частности, см. Василевич, 1971) известно, что термину "шэвэки" ("сэвэки" - "хэвэки") соответствует понятие - "хозяин верхнего мира", т.е. понятие об одном из творцов вселенной. Понятие о "хозяине верхнего мира" относится в область шаманских воззрений. Кроме того, термин "шэвэки", по сведениям Г.М.Василевич (1971), соответствует представлению о "духах помощниках шамана". К нашему материалу о "шэвэки" подобная трактовка термина не подходит хотя бы по следующим причинам:

1. В шаманском комплексе обрядовых действий общение с "шэвэки" - т.е. с "хозяином верхнего мира" осуществлялось не-

посредственно самим шаманом. В рассматриваемом нами случае посредничество между людьми и миром "шэвэки" могло осуществляться практически любым взрослым членом семьи;

2. Если культ шаманского "шэвэки" объединял под своим покровительством по-существу эвенкийский этнос в целом, то в нашем случае представления о "шэвэках-вражках" общи лишь для группы людей, ведущих происхождение от одного общего предка, и, в то же время, эти представления дифференцируют эвенкийское общество на отдельные самостоятельные группы, каждая из которых обладает своим собственным комплексом "шэвэки", могущим быть настроенным враждебно в отношении членов других групп. Исходя из этого, на наш взгляд, правомерно рассматривать отмечаемые нами воззрения эвенков Ангаро-Чунского междуречья, как представления о "духах-покровителях". Можно предположить, что либо термин "шэвэки" первоначально определял комплекс "покровителей" и был позднее перенесен в шаманскую космогонию, либо воззрения о "покровителях" одновременно воззрениям о шаманских "шэвэки". В данном случае для определения комплекса "покровителей" представляется нам, как отнесенный в сознании эвенков образ-копия реальной эвенкийской прасемы, возглавляемой либо "Амака дунду", либо "Онёко", либо тем и другим вместе, с присущим этой семье комплексным охотничье-рыболовческим хозяйством. Подобная трактовка наиболее допустима лишь по отношению к изображению домашнего оленя¹. Остальные зооморфные изображения могли в комплексе "вражков" выполнять некие самостоятельные задачи. Так изображения лося и дикого оленя могли появиться среди "покровителей" как следствие жизненной важности этих видов в охотничьем хозяйстве эвенкийского общества. Важное место во взглядах эвенков на сущность взаимодействия человека с природой занимает орнитофауна. Так, наши информаторы сообщают: "Оли, хайон, кукоки, беёко (ворон, орел, кушка, сойка) умные птицы. Высоко летают, далеко видят, первыми к добыче летят". Выходя на охоту и следя за полетом птицы, эвенк просил: "Оли, не-оли (кукоки)! Аякиткел оюна минду. Кумирокол иттики, даялдзинди

1. Эвенки сообщают: "Наша бабушка (Татьяна Рукосуева) умерла, говорила: "Умру - все оленя за мною уйдут." При этом последующее исчезновение домашних оленей связывается эвенками с тем, что со смертью Татьяны Рукосуевой исчез посредник, связующий мир людей с миром "шэвэков".

табак божь. Божна базем - шинду бузем, имукши мезоядук. (Ворон - кукуша! Счастье мне дай сохатого добыть. Добуду сохатого - тебе кусочек жира ст сердца дам)."

Видимо, из такого понимания роли ворсна, орла, кукуши и сойки в жизни схотника и исходило эвенкийское обиходно-магическое общество, входя в состав "покровителей" этих представителей орнитофауны. вполне вероятно, что в некие неуравновешенные на зверя годы эвенкийское хозяйство вынуждено было переключаться почти полностью на рыбный промысел. Свидетелем этого, видимо, можно считать записанную нами следующую легенду: "Было время (старик говорил) сохатые с зайцами на свою войну ушли. Уходили - осыну грызли, как тесяки свои делали, обратную дорогу метили. Вовсе зверя не стало. Эвенки рыбу ловили, рыбой кормились, кожу (рыбью) между чумами по очереди делили, из нее одежду, обувь шили". Исходя из этого, мы предполагаем, что появление среди "шэвэки" изображений рыб (лэру и дэёли) отчасти есть свидетельство подобного эпизодического преобладания рыболовства в эвенкийской экономике.

В отмеченной нами выше работе Г.М. Василевич (1971 а), среди прочих предметов так или иначе отраженных в дошаманских представлениях эвенков упоминается лиственничное дерево, как некая промежуточная субстанция в системе связей людей с "миром духов". Иными словами, лиственница представлялась эвенкам как "дорога в страну духов предков", посредством которой человек, посредник между реальным и мнимым мирами (так называемый "аян"), поддерживал связь с различными "покровителями" семьи. Мы уже отмечали, что в воззрениях эвенков Ангаро-Чунско-региона лиственница включалась в комплект предметов называемых "шэвэки". В то же время необходимо отметить, что лиственничное дерево использовалось эвенками как некий посредник для передачи "угощений" для "старика земли и бабушки неба", а также для подношений различным "духам места". В первом случае эвенки использовали стоящую посреди стойбища лиственницу (эвенки рассказывали: "Тут посередине (стойбища) лиственка стояла, ее тетка Дарья стала первая нарлять (Дарья Рукосуева, старожил стойбища Бродовое, родилась где-то в середине XIX в.). Разные тряпачки весили, кусочки жира, Амака дунду и Онеко угощали." Относительно второго случая эвенки так рассказывали: "До промысла белку убьют на лиственку повесят,

лесу значит. Так всегда делали перед промыслом, на белку ли на зверя идти – сначала белку убьют на лиственку повесят. Как белку убьют – ищут на восходе лиственку (ближайшую) на нее вешают”.

Прямая взаимосвязь, как считали эвенки, существовала между смертью кого-либо из родственников и тем, что в тайге (на территории охотугодий семьи) “без причины” падала внешне “здоровая” лиственница. Вот как, например, сестры Гукосуевы объясняли нам смерть своего брата Василия: “Вася-то, еще здоровый был, взял да срубил лиственку, что среди стоибиша стояла. Это она, верно, его в могилу и повалила. Перед смертью (незадолго до смерти) он говорил как видел будто, где он ходил (где охотился), лиственка упала”. Так или иначе все вышесказанное позволяет нам говорить о том, что лиственничное дерево, в системе представлений эвенков бассейна рр. Ангары-Чуны занимало не последнее место.

Мироощущение эвенков обследованного нами района каким-то образом тесно переплетало воззрения о “шэвэки” с представлениями о так называемых “шэвэкилду” (данное название следует, видимо, перевести как “принадлежащие шэвэки”). Представления о “шэвэкилду” предполагали изготовление группы предметов, среди которых мы выделяем изделия – символы неких антропоморфных либо зооморфных изображений (это вырезанные из кедрового острья, напоминающие формой разрезанный по продольной оси лист ивы) и изделия им сопутствующие (сегнутое из тальникового прута кольцо и вырезанные из лиственничного дерева длинные заостренные спицы). Вся группа изделий предназначалась для однократного “подношения духам” по случаю начала охоты или после удачного завершения ее. Для этого тальниковое кольцо укладывалось на землю и по его наружному периметру, на равном расстоянии друг от друга втыкались в землю лиственничные спицы. Внутри кольца в землю втыкались острья – символы, при этом (как поясняли эвенки) нижний конец изделия означал “ноги”, а верхний – “голову”. Внутри кольца разводился костерок, в который охотник бросал кусочки жира из подколенного оустава сохатого (жир по эвенк. – “чимагин-симасин”) либо кусочки разрезанного по вдоль сердца добычи (нужно сказать, что уходя на охоту эвенк всегда брал с собой “подарок духам” – кусочек “симасина” или яркую тряпочку). Тем же жиром натирали все расположенные вокруг ко-

стерка изделия. После того как костерок догорал, изделия связывались тальниковым прутом в пучок и относились "на восход солнца" под ближайшую лиственницу.

В самом широком смысле, обрядность, сопровождавшая изготовление "шэвэкилду" (а точнее весь комплекс представлений о "шэвэкилду") можно, пожалуй, сопоставить с нивхским культом "инау" (см.: Штернберг, 1933; Крейнович, 1973 и др.). Нивхский термин "инау" трактуется Е. А. Крейновичем (1973), как "язык дерева". Тот же автор сообщает, что основное назначение "инау" заключалось в "посредничестве" между людьми и миром духов (как мы понимаем, посредничество выражалось в том, что с помощью "языка дерева" нивхи "разговаривали" с тем или иным духом). Подобный же смысл, не всегда может быть осознано, видимо, вкладывали эвенки в изготовление "шэвэкилду". Кстати сказать, использование посредников в общении человека с "духами" известно не только по нивхским материалам (см.: Алексеенко, 1971; Цыццую, 1971; Соколова, 1971; Хомич, 1971 и др.).

Выше мы уже отмечали, что среди комплекта "шэваков" эвенки называют "коготь медведя" или, как говорят сами эвенки, "какой-то знаменитый палец". Включение медведя (эвенк. "амака, амикон") в разряд "покровителей", возможно, было связано с некогда приобщим эвенкийским группам Ангаро-Чунского района "культом медведя", подобным тому, который в свое время был описан Г. М. Василевич (1971 б). Однако ко времени нашей встречи с эвенками традиционно почтительное отношение к зверю как "предку эвенков" и "хозяину тайги" почти исчезло, уступив место крайней, на наш взгляд, враждебности. Характеризуя свое отношение к медведю, эвенки говорят: "Вредный зверь, пакостный. Оленей домашних гоняет, его надо всегда отстрелять". Действительно, отстрел медведя производился всякий раз при встрече охотника со зверем. При этом количество добытого зверя не соответствовало нуждам внутрисемейного потребления. Не только медвежье мясо категорически не употреблялось эвенками в пищу, но даже сам вид добычи (как нам довелось наблюдать) вызывал у некоторых из них отвращение. Все соприкасавшиеся с добычей предметы (нож охотника, топор, одежда и обувь) тщательно мылись и окуривались дымом костра из пихтового лапника, т. е. "очишались от запаха медведя". Запрещалось разделять добытого медведя тем же инструментом, которым разделявали соха-

того. Запрет на медвежье мясо распространялся и на использование его в качестве "угощения шавэкам".

Таким образом, основная часть добычи либо шла на продажу русскому населению, либо сохранялась в вяленом виде на одном из семейных лабазов. Память эвенков сохранила сведения о том времени, когда считалось, что "у медведя одна тропа, у человека - другая". Если зверь заходил на стойбище и не боялся выстрелов, лай собак и криков людей - "значит он пришел к счастью. Так надо шавэкам его добыть, мясо вялить - в лабазе хранить". Только нападение "сытого" зверя рассматривалось эвенками как предвестие беды. Нам думается, что обычай сохранения мяса добытого медведя, наряду с неупотреблением его в пищу, зародился где-то в середине XVIII в. и явился следствием сокращения численности эвенкийских групп, населявших Ангаро-Чунское междуречье, и исчезновения тех родственных групп, с которыми по традиции "нимата" можно было делить добычу. В свою очередь, запрет на потребление лишь некоторой "традиционной запретной" части добычи распространился на добычу в целом. Некоторые древние обрядовые черты поведения охотников на медведя в берлоге сохранялись вплоть до недавнего времени. Так, например, запрещалось прямо рассказывать кому бы-то ни было об обнаружении берлоги. Подбирая напарников на охоту, эвенк звал их "будто на белку идти". Утром охотники выходили со стойбища в разные стороны и неподалеку от берлоги, в условленном месте сходились вместе. Вся деятельность у берлоги сопровождалась инсценировкой неучастности к охоте, подобно той, которую отмечает в своих работах Г.М. Василевич (1969, 1971 г). По завершении разделки, освобожденную от шкуры голову зверя отделяли от туловища. В пасть вставляли колышек-распорку (как объясняют эвенки "чтобы эмикан никого не поймал") и джили ветку пихты ("чтобы человека не чуял"). Затем голову надевали на высоко срубленный пень и ориентировалась "глазами на восход, туда откуда зверь пришел". В ориентированном направлении по числу прожитых медведем лет на нескольких деревьях на высоте человеческого роста делалось по три затеса, обращенных к голове ("так эмикан видит свою тропу, по ней уходит, откуда пришел. Так снова оживает, на эвенков не сердится."). Отголоском той же традиции является запрет на промысел зверя, распространявшийся на тех охотников, у которых жена готовилась к рождению ребенка. У нарушившего запрет, по мнению

эвенков, рождался ребенок с "медвежьей отметиной" в виде клочка густых бурых волос или большого родимого пятна на лице или на других открытых частях тела.

Заключая обзор сведений о религиозных представлениях эвенков Ангаро-Чунского междуречья, необходимо заметить, что в изложении материала мы не стремились к построению какой-то законченной отройной системы мировоззрения, да это и невозможно было сделать, поскольку длительного целенаправленного сбора материала по космогонии ангаро-чунских эвенков невозможно было осуществить. Тем не менее мы считаем необходимым, ввиду уникальности материала, ввести его в научный оборот и надеемся, что данная статья будет использована последующими исследователями при восстановлении полной структуры мировоззрений эвенкийского общества.

А.И. Арбатский

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О РЕЛИГИОЗНЫХ ПЕРЕЖИТКАХ
ВИТИМСКИХ ЭВЕНКОВ

В 1967 г. Витимский этнографический отряд Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета обследовал участок правого берега р. Витим и его притоков рр. Кумурчен, Хулугли, Каренга. В результате был собран интересный материал по этнографии и истории витимских эвенков-орочонгов, который заслуживает внимания.

Прежде всего это относится к наскальным рисункам, обнаруженным на водоразделе р. Витима и его притока р. Каренги (рис. I). В нашем сообщении не ставится задача описания и классификации открытых "писанных скал". Мы лишь затронем вопросы об отношении местного эвенкийского населения к этим наскальным изображениям, о его представлениях и обычаях, связанных с ними.

Писаницы находятся в вершине р. Муйшиц (эвенк. — широкая долина) и приурочены к двум скальным выходам на правом берегу, которые находятся на расстоянии около 15 км друг от друга. Эвенки такие скалы называют "байса". Слово это не эвенкийского происхождения и заимствовано у бурят (Титов, 1926).

Первое местонахождение местного эвенкийскому населению известно давно. Наш проводник Федор Петрович думанев говорил, что еще до революции в этом районе кочевало до 10-15 семей эвенков и, когда охотники отправлялись на охоту, они обязательно "брызгали чай" на писаницы. Они называют эту скалу "Дукуву-

чи, что означает писаная от эвенк. "дукум" - писать (Титов, 1926) (рис. I - I-5). Непротив скалы впадает в р. Муйшин речка, которую эвенки также называют Дукувучи.

Второе местонахождение стало известно сравнительно недавно. Его обнаружил Ф. П. Жуманеев в 50-х гг. во время зимней охоты у р. Улукталли (рис. I - 6).

Первые о писаницах Дукувучи нам сообщили в пос. Юмурчен в 1974 г. Старое эвенкийское население почитает эти "писаные скалы" и приносит им подарки, считая, что там живет хозяин места. Подобные факты были отмечены в этнографической литературе (см.: Василевич, 1930; Титов, 1926; Зеленин, 1929; Савенков, 1908; Мазин, 1975; Окладников, Мазин, 1976).

Оба местонахождения расположены на скальных плоскостях южной экспозиции. На кварцитах бледно-красного цвета рисунки нанесены красной охрой, и поэтому они не всегда четко просматриваются. Одни рисунки видно хорошо при солнечном свете, другие лишь тогда, когда солнце спрячется за проходящую тучу. Иногда приходится отходить от скалы на 4-5 м, чтобы различить тот или иной рисунок, причем хорошему обозрению рисунков мешает молодой лиственничник, который плотно стоит возле скальных выходов. Все это создает игру света, что и позволяет эвенкам говорить, будто бы "скала показывает" рисунки. На скалах изображены сцены охоты, сохатые, олени, антропоморфные изображения ("человечки") в виде креста и несколько изображений человека с рожками.

Эвенкийское население вкладывает в эти изображения свой смысл. По словам жены нашего проводника, крест обозначает скорую смерть, "человечки" - встречу, а звери - удачную охоту (рис. I - 3, 2, 6). Она же сообщила нам, что нарисованы эти рисунки шаманами.

С этими рисунками связаны охотничьи обряды. Федор Петрович рассказывал нам: "В 50-х годах поздней осенью шли они втроем мимо Дукувучи и зашли побрызгать чай на скалу. Один из нас не стал брызгать и поэтому зимой плохо добывал. А мы как только отошли от Дукувучи сразу же добыли соболя и сохатого". Старики раньше говорили всем охотникам, чтобы они, проходя мимо Дукувучи, обязательно "брызгали чай" на скалу, чтобы была удача в охоте. Для этого они разводили костер на берегу р. Муйшин и "варяли чай". Сначала брызгали чай в сторону скалы, после

чего дала ей сама. После "чаевания" шли к скале смотреть, что она им покажет". Поднявшись к скале, они сначала положили маленький подарок, а потом смотрели рисунки.

Связаны с рисунками и определенные бытовые запреты. Оленевед А.И. Душинов сообщил, что его мать рассказывала ему о запретах, которые еще недавно соблюдались эвенкийским населением. Например, раньше детям и молодым людям до достижения определенного возраста эти рисунки не показывали. В последнее время этот предел трансформировался и оставался 20-летний возраст, после исполнения которого, разрешалось смотреть Дукувучи. Показывал их самый старый эвенок в семье или старший на стоянке. Он же водил и молодых супругов после свадьбы на "пасальные скалы", где на рисунках, которые им "показывала" скала, молодожены узнавали свое будущее. Если видели много "человечков", то это значило, что у них будет большая семья, если же видели зверя — они будут хорошо жить, им будет опутствоваться удача в охоте.

В настоящее время эти традиции забываются и на Дукувучи ходят смотреть рисунки даже маленькие дети. Молодоженов же не водят на скалы, чтобы предсказать их будущее. И лишь старики, по привычке, проходя мимо, "брызгают чай" и просят у скалы удачи в охоте.

Эвенки, судя по их собственным объяснениям, воспринимали и воспринимают наскальные изображения не как произведения искусства, художественное творчество. Они связывают их со своими основными хозяйственными занятиями, охотом, т.е. видят в них часто практический смысл.

Изложенное в настоящем сообщении является лишь констатацией некоторых данных. Этим, несомненно, не очерчивается весь комплекс представлений местного эвенкийского населения, связанных с "пасальными скалами".

Рис. 1. Петроглифы: 1-5 - Дукулучи; 6 - Улуктали

Charles E. Borden, A Late Pleistocene Pebbles Tool Industry of Southwestern British Columbia. - Early Man in Western North America. Symposium of the Southwestern Anthropological Association, San Diego, 1968. Eastern New Mexico University. Contributions in Anthropology. Vol. 1, No 4, 1968.

Статья Ч. Бордена посвящена типологическому анализу и геологическому обоснованию позднелайстоценового возраста материалов стоянки Южный Йель, названных комплексом Пасика. Но поскольку освещение геологического аспекта статьи не входит в нашу задачу, так как это - специальный вопрос, то мы рассмотрим классификационные охемы, представленные данным автором.

Рассматриваемая Борденом стоянка находится на левом берегу р. Фрезер, в 80 км выше ее устья (Южный Йель, Британская Колумбия).

Археологический материал был найден на всех пяти высоких террасах р. Фрезер. Хотя находки носят подъемный характер, изображение техники исполнения и узкая пространственная локализация позволяют говорить об единой галечной культуре - комплексе Пасика.

Всего комплекс Пасика включает 1218 орудий, не считая технических отходов и детритов. Следует отметить, что 1053 орудия выполнены из нуклеусов и лишь 165 могут быть классифицированы как орудия на отщепах.

В своем подавляющем большинстве нуклеидные орудия изготовлены из целых, хорошо скатанных речных галек. Два галеч-

ных фаса немного уплощены, т.е. являются олегка- или средневывпуклыми по сравнению с первоначальной формой гальки.

Технологически этот комплекс очень интересен. Заготовкой служила речная галька. Критерием выбора была форма или размер оной, а не тип породы. Все орудия обработаны ударной техникой. Основная характеристика этого комплекса заключается в том, что обработка является исключительно унифициальной. Причем обработке подвергался лишь край или концы гальки, и очень редко она выходит за эти пределы. Методы обработки камня представлены биполярной техникой снятия больших первичных отщепов и ударной обработкой отбойником, державшимся так, чтобы продольная ось была на линии направления удара.

Классификации были подвергнуты 743 нуклеидных орудия, так как из 1053 орудий 245 являются неклассифицируемыми и сломанными предметами, а 65 - изношенными и выброшенными орудиями. Классификация проводилась по принципу простого группирования согласно наиболее характерным признакам. Критерием была форма, приданная рабочему краю или рабочему концу, что, по мнению автора, отражает специализированную функцию орудия.

Всего было выделено II классов орудий. В зависимости от формы рабочего края, некоторые из них разделены на подклассы, которые, в свою очередь, подразделены на группы, согласно дислокации рабочего края.

В результате получилась следующая таблица:

Т а б л и ц а

Класс	Подкласс	Группа
I. Режущие орудия	выпуклые	концевые, боковые, изометрические
	прямые	концевые боковые
	симметрично конвергентные	концевые боковые
	асимметрично конвергентные косые	
II. Орудия с клювиком		концевые боковые

Продолжение таблицы

Класс	Подкласс	Группа
Ш. Двусторонние орудия		концевые боковые
IV. Орудия с треугольным или V-образным сечением		концевые боковые
У. Орудия с U-образным поперечным сечением		
VI. Шакообразные орудия		
VII. Орудия типа криволинейного струга	обработанные по всему периметру - куполообразные	
УШ. Скребок- и скреблообразные орудия	обработанные частично по периметру - куполообразные обработанные частично по периметру - с плоской вершиной обработанные на продолговатом конце	
IX. Орудия на обломках галек		
X. Отбойники		
XI. Комбинированные орудия	отбойники и другие орудия наковальни и другие орудия	

Сработанные орудия (выброшенные)

Обломки, сложенные и неклассифицируемые

Остальное

Несмотря на то, что при классификации автор старается избегать применения функциональных терминов, оставляя этот вопрос открытым до того времени, пока не будет проведено изучение характера износа рабочего края, все же он считает возможным сделать некоторые выводы относительно функций галечных орудий:

1. Галечные орудия являются ручными орудиями, не предназначенными для привязывания;

2. Вес и форма некоторых орудий предполагает использование их на тяжелых режимах работы: резание, рассечение, окклюзия;

3. Исходя из вариации рабочих краев и концов орудий, можно говорить о существовании ряда специализированных функций, таких как, например, работа по дереву, и, возможно, по кости в оленьему рогу.

Орудия на отщепах также были классифицированы в зависимости от характера отщепа. В итоге они были разделены на 3 общих класса:

1. Орудия на корковых отщепах:

необработанный отщеп

отщеп с ретушированным краем;

2. Орудия на отщепах с небольшим процентом коркового покрытия или вообще без него:

отщеп с ретушированным краем

отщеп с рабочей ретушью;

3. Орудия из плиток сланца.

"Корковые сколы" в данном случае - это большие, размером с ладонь или больше, овальные отщепы, снятые с галек или булыжников. Правильные их экземпляры напоминают улубобразные орудия, удлиненная форма острого режущего края которых образована пересечением под острым углом вентральной и корковой поверхностей. Противоположный край около точки удара обычно притуплен, для удобства держания орудия в руке. Большинство орудий использовалось без дальнейшей модификации, тогда как остальные (42 из 88) имеют унифицированную обработку вдоль одного края.

Таковы основные моменты типологического анализа комплексов Пасика, проведенного Ч. Борденом.

С целью датирования этого материала автор приобретает к сравнению его с материалами стоянок Миллякен и Эсилэо, которые находятся в 2,5 милях выше по течению р. Фрезер. Эти стоянки датированы 9000±150 лет до нашего времени. Присутствие в их инвентаре ножей и листовидных остроконечников, скребков на отщепах, выполненных бифациальной техникой, и отсутствие этих характеристик в комплексе Пасика позволяют автору считать эти комплексы одновременными, а геологические данные - серия из 17 дат по

С14, детальное изучение палеоклиматических, гидрологических и геоморфологических условий - дают возможность вполне обоснованно говорить о комплексе Пасика как о более древнем и даже провести нижнюю временную границу - эверсонский стадиал или 12 000-13 000 лет до нашего времени.

Наличие на тихоокеанском Северо-Западе позднплейстоценовой культуры галечных орудий поднимает серьезные вопросы ее происхождения и возможных ее связей с азиатскими культурами Чопперв, а представленная здесь типологическая классификация орудий заслуживает самого пристального внимания.

С.Н.Алаев, Ю.С.Пархоменко

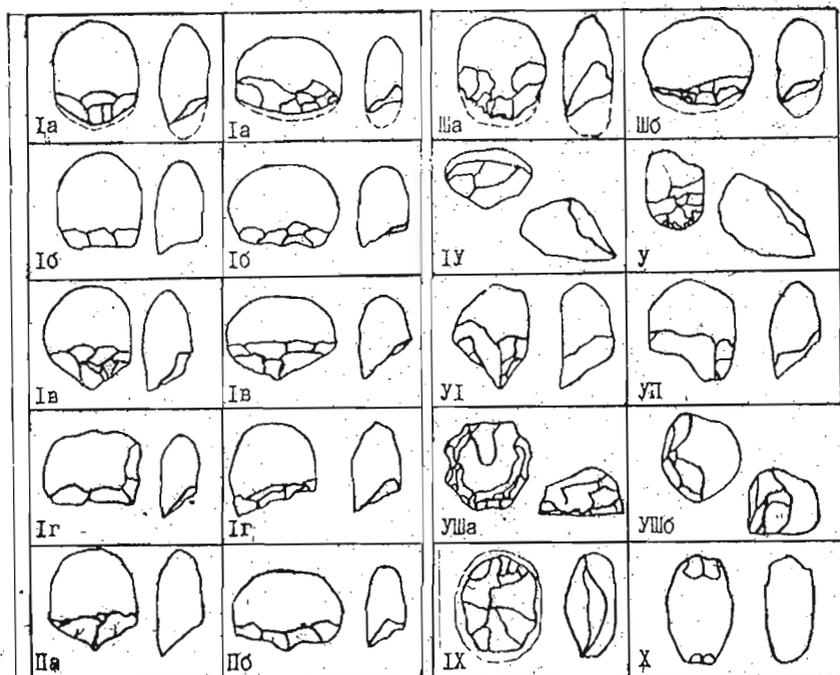

Рис. 1. Иллюстрации к таблице классификации нуклеидных орудий

Класс I: Режущие орудия: Ia - выпуклый край; Ib - прямой край; Ib - симметрично конвергентные края; Iг - асимметрично конвергентные края; Id - косой край;

Класс II: Орудия с клювиком;

Класс III: Двуострийные орудия;

Класс IV: Орудия с -образным поперечным сечением;

Класс V: Орудия с -образным поперечным сечением;

Класс VI: Пякообразные орудия;

Класс VII: Орудия типа криволинейного джуга;

Класс VIII: Скребок-скреблоподобные орудия;

Класс IX: Орудия на обломках галек;

Класс X: Отбойники

Л И Т Е Р А Т У Р А

- АДАМЕНКО О.М., КУЛЬЧИЦКИЙ А.А., АДАМЕНКО Р.С.
 1974 Стратиграфия четвертичных отложений Предонь-
 кальского прогиба. - "Геология и геофизика",
 №8.
- АКСЕНОВ М.Н.
 1966 Археологические исследования на многоолой-
 ном памятнике Верхолденская Гора в 1963-1965
 гг. - В кн.: Отчеты археологических экспе-
 диций за 1963-1965 гг. Иркутск.
- АЛЕКСЕЕНКО В.А.
 1971 Домашние покровители у кетов. - Сборник МАЭ,
 т.27. Л.
- АРУТЮНОВ С.А., СЕРГЕЕВ Д.А.
 1969 Древние культуры азиатских эскимосов. М.,
 "Наука".
- АСЕЕВ И.В.
 1973 Памятники железного века в бассейне реки
 Онон. - "Изв. СО АН СССР". Сер. обществ. на-
 ук, вып.3.
- БИЧУРИН Н.Я.
 1950 Собрание сведений о народах, обитавших в
 Средней Азии в древние времена, ч. I. М.-Л.
- БАЙНШТЕЙН С.И.
 1966 Памятники второй половины I тысячелетия в
 Западной Туве. - Труды ТКАЭЭ, т.2.
 1970 Раскопки могильника Кокель в 1962 г. (По-
 гробения Кизылганской и Сынн-Чорекской куль-
 тур). - Труды ТКАЭЭ (1962-1966 гг.), т.3.
- ВАСИЛЕВИЧ Г.М.
 1930 Некоторые данные по охотничьим обрядам и
 представлениям у тунгусов. - "Этнография",
 №3, кн.2.
 1969 Эвенки. Историко-этнографические очерки
 (XVIII - начало XX в.). Л.

- 1971 а Дошаманские и шаманские верования эвенков. - СЭ, №3, кн.2.
- 1971 б О культе медведя у эвенков. - В кн.: Религиозные представления и обряды народов Сибири XIX - начала XX в. Л.
- ВАСИЛЬЕВСКИЙ Р.С.
1968 Археологические исследования на Илимке в 1967 г. - "Изв. СО АН СССР". Сер. обществ. наук, №6, вып.2.
- 1970 К итогам работ илымского археологического отряда 1967-1969 гг. - "Изв. СО АН СССР". Сер. обществ. наук, вып. II.
- ВАСИЛЬЕВСКИЙ Р.С.; АКСЕНОВ М.П.
1971 Археологические исследования в 1961 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС. - В кн.: материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции, вып.2. Новосибирск.
- ВАСИЛЬЕВСКИЙ Р.С.; БУРИДОВ В.В.
1971 Археологические исследования в 1968 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС. - В кн.: Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции, вып. I. Новосибирск.
- ВИКТОРОВА Л.Л.
1958 К вопросу о расселении монгольских племен в Дальнем Востоке. - "Учен. зап. Ленингр. ун-та", вып. 256.
- ВОЛКОВ В.В.
1967 Бронзовый и ранний железный век северной Монголии. Улан-Батор.
- ВОРОБЬЕВ Н.И.
1926 Материалы по быту русского старожильческого населения Восточной Сибири (население Причунонского края Енисейской губернии). "Б.м."

ГАВРИЛОВА А.А.

1965

Могильник Кудыргэ, как источник по истории алтайских племен. М.-Л., "Наука".

ГЕОРГИЕВСКИЙ А.М.

1974

Работы Нижне-Илимского отряда. - В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., "Наука".

Геохронология СССР, т.3. Л., "Недра"

1974

ГРИГОРЬЕВ Г.П.

1968

Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., "Наука".

1972

Проблема леваллуа. - МИА, №185. М.-Л., "Наука".

ГРИШИН Ю.С.

1962

Древние памятники среднего течения р.Онона. - В кн.: Монгольский археологический сборник. М.

ГОРКОВА О.И., ЕНДРИХИНСКИЙ А.С., ЛЕЖЕНКО И.Л., ШМЫГУН П.Е.

1976

Исследования на Северном Байкале. - В кн.: Археологические открытия 1975 года. М., "Наука".

ГУСЛИЦЕР Б.И.

1976

О достоверности некоторых местонахождений палеолита и ископаемой фауны на территории Коми АССР. - Бюл. комиссии по изучению четвертичного периода. М., "Наука".

ДАВЫДОВА А.В.

1971

К вопросу о хуннских художественных бронзах. - СА, №1.

ДЕРЕВЯНКО Б.И.

1972

Городище на реке Завитой. - В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока, ч.1. Новосибирск.

1975

Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, "Наука".

- ДИКОВ Н.Н.
1958 Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ.
- ДРУГОВ Г.М., КОВЫЛЬЗА А.Ф.
1971 Метаморфическая зональность протерозоя Северо-Западной части Байкало-Патомского нагорья и ее роль в развитии слюдяносных пегматитов. Отчет геолог. упр. Иркутск.
- ДЬЯКОНОВА В.П.
1970 Большие курганы-кладбища на могильнике Коклы (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.). - В кн.: Труды ТКАЭЭ, т.3. Л.
- ЕВТЮХОВА Л.А.
1948 Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан.
1952 Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. - МИА, №24. Материалы и исследования по археологии Сибири, т.1. М.
- ЕВТЮХОВА Л.А., КИСЕЛЕВ С.В.
1941 Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. - Труды ГИМ, вып.16. М.
- ЗАВИТУХИНА М.П.
1956 Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае. (По раскопкам С.М.Сергеева в 1930 г.). - В кн.: Археологический сборник, №8. М.-Л.
- ЗЕЛЕНИН Д.К.
1929 Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. - В кн.: Сборник МАЭ, т.8.
- КАЗЬМИН Л.А., КАРПОВ И.К.
1972 Инструкция модифицированного варианта программы кластер-анализа. Иркутск.
- КИНД Н.В.
1974 Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М., "Наука".
- КИРИЛЛОВ И.И., КОБЫЧЕВ Е.В.
1971 Исследования в Читинской области. - В кн.: Археологические открытия 1970 года. М., "Наука".

1975. Новый могильник бурхотуйской культуры у о. Ононок. — "Изв. СО АН СССР". Сер. обществ. наук, вып. I.
- КИРИЛЛОВ И. И., КОНСТАНТИНОВ М. В.
1972. Работы в Читинской области. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., "Наука".
- КИЯШЧИКОВ А. Н.
1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., "Наука".
- КОНОВАЛОВ П. Б.
1974. Раскопки курганов хунской знати в Ильмовой пади. — В кн.: Этнографический обзорник, вып. 6. Улан-Удэ.
- КОРОБКОВ И. И.
1965. Нуклеусы Яштуха. — МИА, №131. Палеолит и неолит СССР, т. 5. М.—Л., "Наука".
1971. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным оломом. — МИА, №173. Палеолит и неолит СССР, т. 6. М.—Л., "Наука".
- КРЕЙНОВИЧ Е. А.
1973. Нивхгу. М., "Наука".
- КУЗЬМАСОВ Л. Р.
1960. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.
1969. История Тувы в средние века. М., Изд.—во МГУ.
- ЛЕВАШОВА В. П.
1952. Два могильника кыргызо-хакасов. — МИА, №24. Материалы и исследования по археологии Сибири, т. I. М., "Наука".
- МАЗИН А. И.
1975. Новые данные по этнографии эвенков (поверия, сказания, обряды). — "Изв. СО АН СССР", Сер. обществ. наук, №1, вып. I.

МЕДВЕДЕВ А.Ф.

1966

Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. - СА, №2.

МЕДВЕДЕВ Г.И.

1961

Место культуры Верхленокской Горы в археологической периодизации Прибайкалья. - В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

1967

Исследования мезолита в Верхнем Приангарье. - В кн.: Археологические открытия 1966 года. М., "Наука".

1968

Мезолит Верхнего Приангарья. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М.

1971

Мезолитический комплекс стоянки "Царь-Левина". В кн.: Вопросы истории Сибири. Иркутск. Учен. зап. ИРОМ и ИГУ, вып.4, ч.1.

1973

Новые палеолитические местонахождения в долине р. Ангары. - В кн.: Антропологическая реконструкция и проблемы палеоботаники. М., "Наука".

1975 а

К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий (номенклатура деталей наглядных моделей). - В кн.: Проблемы терминологии и анализа археологических источников. Тезисы к Вост.-Сиб. региональному совещанию по планированию и координации археологических исследований палеолита, мезолита, неолита. Иркутск.

1975 б

Раннепалеолитические местонахождения южного Приангарья. - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып.3. Иркутск.

МЕДВЕДЕВ Г.И., МИХНИК Г.Н., ЛЕВЕНКО И.Л.

1974

О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья. - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып.1. Иркутск.

- Мезодат Верхнего Приангарья, ч. I. Иркутск.
1971
- МЕРШЕРТ Н. Я.
1955 Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. - СА, №23.
- НОВГОРОВОВА Э. А.
1970 Центральная Азия и карасукская проблема. М., "Наука".
- ОКЛАДНИКОВ А. П.
1939 Неолитические находки в низовьях р. Ангары. К итогам работы 1937 г. - Вестник древней истории, №4.
1950 Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I-2. - МИА, №18. М.-Л., "Наука".
1952 Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947-1950 годах. - Изв. КСЭИМК, вып. 45.
1959 Далекое прошлое Приморья. Владивосток.
1960 Бурхотуйская культура железного века в Северо-Западном Забайкалье. - Труды БКНМ, вып. 3, Улан-Удэ.
1975 К изучению древнейших следов деятельности человека на озере Байкал. "Кварцевый палеолит". - В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, "Наука".
- ОКЛАДНИКОВ А. П., МАЗИН А. И.
1976 Лисовицы р. Олекмы и верхнего Приамурья. Новосибирск, "Наука".
- ПОДГОРБУНСКИЙ В. И.
1928 Вопросы археологических изысканий в пределах Прибайкалья и прилегающих к нему районов. - Труды I Сибирского Краевого научно-исследовательского съезда, т. 5. Новосибирск.
- РУДЕНКО С. И., ГЛУХОВ А. Н.
1927 Могильник Кудыргэ на Алтае. - Материалы по этнографии, т. 3, вып. 2. Л.

- РУДЕНКО С.И.
1947 Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. Л.
- САВЕНКОВ И.Т.
1910 О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. - В кн.: Труды XIУ археологического съезда в Чернигове 1908, т. I, 3.
- САВИНОВ Д.Г.
1974 Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X-XUI вв.), Л.
- СВИНИН В.В.
1971 К итогам археологических исследований на Байкале. - В кн.: Вопросы истории Сибири. Учен. зап. ИРОМ и ИГУ, вып. 4, ч. I. Иркутск.
- СОКОЛОВА З.П.
1971 Пережитки религиозных верований у обских угров. - Сборник МАЭ, т. 27. Л.
- СОСНОВСКИЙ Г.П.
1946 Раскопки Ильмовой пади. (Предварительное сообщение). - СА, т. 8.
- СЭР-ОДЖАВ Н.
1970 Эртний турэгүүд (VI-УШ зуун). Улаанбаатар, ХУ ХУАХ. (А, т. У, 2).
- ТИТОВ Е.И.
1926 Тунгусо-русский словарь. Иркутск.
- ТУРОВ М.Г.
1974 Некоторые сведения об эвенках Чунского района. - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. I. Иркутск.
- 1975 К проблеме происхождения и эволюции эвенкийского лабазы - "ноку". - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. 3. Иркутск.
- ХАЗАНОВ А.М.
1971 Очерки военного дела сарматов. М.

- ХАМЗИНА В. А.
1970 Археологические памятники Западного Забайкалья. (Поздние кочевьяки). Улан-Удэ.
- ХЛОБЫСТИН Л. П.
1965 Древнейшие памятники Байкала. - МИА, МІЗІ. М.-Л., "Наука".
- ХОДУКИН Я. Н.
1928 Материалы к археологии реки Илима. - Изв. ВСОРГО, т. 53. Иркутск.
- ХОМИЧ А. В.
1971 О некоторых предметах культа надымских ненцев. - Сборник МАЭ, т. 27.
- ХОРОШИХ П. П.
1924 Исследования каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхон). - Изв. Биолого-географического научно-исслед. ин-та при ИГУ.
- ЦЕЙТЛИН С. М.
1975 К вопросу о возрасте палеолитических местонахождений на высоких террасах правобережья р. Ангары. - В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. 3. Иркутск.
- ЦИНЦИУС В. И.
1971 Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом. - Сборник МАЭ, т. 27.
- ЧЕКАНИНСКИЙ И. А.
1914 Описание русских по притоку Ангары - Чуне. Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях на р. Чуне Енисейской губернии. - Этнографическое обозрение, №3-4.
- ЧЛЕНОВА Н. Л.
1972 Хронология памятников карасукской эпохи. М., "Наука".
- ШТЕРНБЕРГ Л. Я.
1933 Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск.

BORDEN Ch.E.

1968

A Late Pleistocene Pebble Tool Industry of
Southwestern British Columbia. - Early Man
in Western North America, Symposium of the
Southwestern Anthropological Association,
San Diego, 1968. Eastern New Mexico Univer-
sity. Contributions in Anthropology. Vol. 1,
No. 4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БКНИИ - Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
- ВСОГО - Восточно-Сибирский отдел географического общества СССР
- ВСОГОТО - Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
- ГИМ - Государственный ордена Ленина исторический музей
- ИГУ - Иркутский государственный университет имени А. А. Жданова
- ИРОМ - Иркутский областной музей краеведения
- КАЭ ИГУ - Комплексная археологическая экспедиция Иркутского государственного университета
- КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- МАЭ - Музей антропологии и этнографии АН СССР
- МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
- СА - Журнал "Советская археология"
- СО АН - Сибирское отделение АН СССР
- СЭ - Журнал "Советская этнография"
- ТКАЭЭ - Тувинокая Комплексная археолого-этнографическая экспедиция

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Медведев Г.И., Алаев С.Н., Со- к а в а с к и й А.А. О топография раннепалеолитичес- ких местонахождений на высоких террасах южного Приан- гарья	5
А к о с н о в М.П., Ш у н ь к о в М.В. Новое в палеолите верхней Лены (предварительные данные об исследованиях Макарово IV)	31
Ш м и г у н П.Е., Е н д р и х и н с к и й А.С. Куралинский бескерамический комплекс на Северном Бай- кала (предварительное сообщение)	56
Г о р ю н о в а О.И. Ранние комплексы много- одежного поселения Итырхей	70
Л е ж н е в к о И.Л. Верхоленская Гора II (ре- зультаты исследований 1959, 1966 гг.)	90
Г е о р г и е в о в и й А.М., З у б к о в В.С., Р о г о в с к о й О.А. Кархеология долины реки Илима	104
М е д в е д е в Г.И. Некоторые замечания об эволюции форм наконечников гарпунов в мезолите, неол- лите и энеолите Приангарья	114
С е р г е е в а Н.Ф. К химической характерис- тике металла эпохи бронзы в Забайкалье	121
Х у д я к о в Ю.С. Эволюция сложносоставных луков анжеевских кыргызов (VI-XII вв.)	127
С а в е л ь е в Н.А., С в я н и н В.В. По- гребение железного века на реке Кане	135
К и р и л л о в И.И., К о в ы ч е в Е.В., А с с е в И.В., З у б о в С.Д. Могильник бурхо- тушкой культуры в пеще Улан-Сар	150
Т у р о в М.Г. К вопросу о религиозных воззре- ниях эвенков Ангаро-Чунокского водораздела	167

А р б а т о к и й А.И. Некоторые данные о ре-
лигиозных пережитках вятичских эвенков 177

А л а е в С.Н., П а р х о м е н к о Д.С.
Charles E. Borden. A Late Pleistocene Pebble Tool In-
dustry of Southwestern British Columbia. - Early Men
in Western North America. Symposium of the Southwestern
Anthropological Association, San Diego, 1968. Eastern
New Mexico University. Contributions in Anthropology.
Vol. 1, No 4, 1968. 181

Л и т е р а т у р а 187

С п и с о к с о к р а щ е н и й 197

Древняя история народов юга Восточной Сибири.
Межвузовский сборник. Выпуск 4

Редактор И. Р. Хенох

Корректор М. В. Пугатина

Подписано к печати 17. УП. 78.

Формат 60x90 I/16

ИБ 04674

Объем 9 п. л.

Заказ № 310

Цена 70 коп.

Тираж 700 экз.

Отпечатано в печатно-множительном цехе
Иркутского госуниверситета, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 36